

ДАГЕСТАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

Ю4.200.8 16725 *

Джамаладинова Заира Алиевна

**ФОНЕТИЧЕСКИЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСОБЕННОСТИ МЕКЕГИНСКОГО ДИАЛЕКТА
ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА**

Специальность 10.02.02 – языки народов

Российской Федерации: кавказские (даргинский) язык

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Научный руководитель – Сулейманов А.А.,
кандидат филологических наук, профессор

Махачкала 2008

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
 ГЛАВА 1. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ	
МЕКЕГИНСКОГО ДИАЛЕКТА	13
Система гласных.....	13
Система согласных.....	23
Звуковые процессы в системе гласных.....	51
Звуковые процессы в системе согласных.....	56
Звукосоответствия	62
Ударение.....	71
 ГЛАВА 2. МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ	
МЕКЕГИНСКОГО ДИАЛЕКТА	75
Категория грамматического класса	75
Категория числа	83
Категория падежа	101
Система глагольного словоизменения.....	126
Категория времени.....	127
Категория наклонения.....	138
Категория лица.....	152
Категория вида.....	156
Категория переходности – непереходности.....	158
Система нефинитных форм глагола.....	160
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	 171
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	178
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	179

ВВЕДЕНИЕ

В многоязычном Дагестане вряд ли можно отыскать язык столь же богатый диалектами, как даргинский. Он имеет шестнадцать диалектов и около 70 говоров и подговоров. Все даргинские диалекты являются местными (территориальными) и каждый диалект имеет свои отличительные черты как фонетического, так и морфологического характера и каждый из них выделяется особым словарным фондом.

Один из них - мекегинский диалект — реально существующая разновидность даргинского языка с присущими ей фонетическими, морфологическими, лексическими и синтаксическими особенностями. «Мекегинский диалект вместе с наречиями или говорами селений Дегва, Губден, Мюрего и Кадар ближе к акушинскому и урахинскому диалекту, чем к цудахарскому» [Абдуллаев С.Н. 1954: 7]. Этот автор относит мекегинский диалект к акушино-урахинской группе, как к группе диалектов, отличающихся отсутствием геминированных согласных.

Общепризнано, что наречия селений Мекеги, Губден, Мюрего и Кадар очень близки друг к другу и составляют одну диалектную группу. Тем не менее, и между ними обнаруживаются принципиальные различия. Так, например, С.Н. Абдуллаев в книге «Грамматика даргинского языка» [1954: 8] по этому поводу пишет: «Селение Губден (Карабудахкентского района) и Кадар (Буйнакского района) всегда держались вместе с кумыками, составляя с ними общие административные деления, и мало общались с другими даргинцами. Отсюда такое различие между этими диалектами, с одной стороны, и мекегинским диалектом, к которому они примыкают, с другой. В диалектах этих двух селений мы обнаруживаем большое влияние кумыкского языка не только лексического, но и фонетического и морфологического порядка».

Значительная диалектная расчленённость даргинского языка вызывает и различного рода разногласия о статусе той или иной языковой единицы: одни исследователи называют её диалектом, другие - говором.

Несмотря на то, что в настоящее время в изученности диалектной системы даргинского языка имеются определенные достижения (разработана классификация диалектов, проведено исследование диалектов в сравнительно-историческом аспекте и т.д.), все еще остаются ареальные единицы, которые требуют дополнительного внимания. Это обстоятельство, взятое вместе с фрагментарностью ряда положений, касающихся, в частности, мекегинского диалекта даргинского языка, настоятельно поддерживало актуальность создания целостного монографического труда, посвященного исследуемому диалекту даргинского языка. В этой связи описание и соответствующая интерпретация менкегинского диалекта явится новым шагом в изучении диалектологии даргинского языка.

Изучение говоров и диалектов даргинского языка в сравнительно-сопоставительном и сравнительно-историческом аспектах окажет большую услугу дагестановедению, так как даргинский язык, как и остальные дагестанские языки, не имеет сколько-нибудь древних письменных памятников. Как считает Е.А. Бокарев, прежде чем приступить к сравнительно-историческому изучению языков, необходимо провести большую предварительную работу по описанию диалектов, так как «данные диалектов являются очень существенным материалом для надежности и полноты сравнительно-исторических выводов» [Бокарев 1961: 6-7]. Впервые классификацию даргинских диалектов предложил П.К.Услар в работе «Этнография Кавказа. Языкознание V. Хюркилинский язык» [1892: 5]. Согласно этой классификации диалекты даргинского языка объединены в 3 наречия: акушинское, кайтагское и вуркунское.

Следующая попытка классификации диалектов принадлежит Р.Эркерт, в соответствии с классификацией которого даргинский язык располагает следующими диалектами: диалект варкун или вуркун, или Вуркун-Дарга;

диалект села Кубачи, диалект Акуша-Дарга; маджалисско-кайтагский диалект. [1895: 87]. В работе Эркerta содержатся также краткие заметки об именных частях речи названных диалектов.

В «Грамматике даргинского языка» С.Н.Абдуллаева перечислено более 38 диалектов и говоров, причем большое количество диалектов объяснено отсутствием в прошлом у даргинцев единого центра, вокруг которого могло бы складываться языковое единство. [1954: 25].

Изучению фонетической системы и грамматического строя отдельных ареальных единиц посвящен ряд работ С.Л. Быховской, Ш. Г. Гаприндашвили и А.А.Магометова.

С.Л. Быховская делит диалекты даргинского языка по признаку наличия / отсутствия геминированных на две группы: а) цудахарская группа диалектов, где представлены геминированные, и б) акушинская группа, в которых геминированные отсутствуют. Этой классификацией придерживался и С.Н.Абдуллаев. [1954: 11].

Последняя классификация диалектов даргинского языка Ш. Г. Гаприндашвили включает 4 диалектные группы: 1) группа диалектов типа цудахарского, в который входят собственно цудахарский и кубачинский диалекты, говоры аулов Танти и Цугни; 2) группа диалектов типа акушинского, 3) группа диалектов типа урахинского (речь аулов Урахи, Сергокала); 4) группа диалектов и говоров переходного типа. [1956: 4].

Подробная исчерпывающая классификация и описание диалектов и говоров даргинского языка представлены в монографии С.М.Гасановой «Очерки даргинской диалектологии». Автор распределяет ареальные единицы по тринадцати диалектным группам, в составе которых выделяются диалекты и говоры: диалектная группа акушинского типа; диалектная группа урахинского типа; диалектная группа цудахарского типа; диалектная группа муиринского типа; диалектная группа сирхинского типа; диалектная группа мюрегинского типа; диалектная группа кадарского типа; диалектная группа кубачинского типа; диалектная группа санжинского типа; диалектная группа

кайтагского типа; диалектная группа мугинского типа; диалектная группа амухского типа; мегебский диалект. [1971: 38].

Вот, например, что пишет М.-Ш.А. Исаев о работе С.М. Гасановой «Очерки даргинской диалектологии»: «Интересующий нас мекегинский диалект (или мекегинский говор) С.М. Гасановой отнесён к группе диалектов мюрегинского типа (это в оглавлении), а в предисловии автор называет эту группу диалектов группой диалектов губденского типа. Кроме того, говоря о губденском говоре, автор относит к его носителям и такое селение, как Кадыркент, которое без каких-либо сомнений 100% является носителем мекегинского диалекта. Жители этого селения после войны были переселены в Кадыркент из селения Цурримахи, которое является хутором селения Мекеги. Таких фактических и языковых искажений в данной работе просто огромное количество. Немало их и в примерах из мекегинского диалекта. Порою факты одного диалекта приписываются другому, есть случаи, когда просто невозможно разобраться из какого диалекта или говора взят тот или иной пример. Речь одного и того же аула называется то диалектом, то говором» [Исаев 1996-1997: 28].

Нельзя не согласиться с мнением М.-Ш. Исаева: действительно, в этой книге нет самого главного, что вправе был ждать заинтересованный читатель-специалист. Здесь нет критериев определения терминов язык, диалект, говор, наречие относительно даргинского языка. Несмотря на то, что С.Н. Абдуллаев называет речь селения Мекеги диалектом, С.М. Гасанова называет её говором, не указывая при этом причины, по которой меняется статус речи селения.

«Мекегинский говор расположен на территории Левашинского района, т.е. близок к носителям акушинского диалекта. Кроме того, он территориально близок также к носителям урахинского диалекта. Такая территориальная близость к обоим диалектам способствовала и близости языковой.

Носителями мекегинского говора являются жители селения Мекеги, Дегва, Верхний Лапку и жители нескольких хуторов» [Гасанова 1971: 252]. М.-Ш.А. Исаев указывает на наличие целого ряда неточностей в этих словах: «Как понимать такие выражения: «близок к носителям акушинского диалекта» и «территориально близок к носителям урахинского диалекта», «что способствовало и близости языковой»? Было ли влияние? Во-первых, село Дегва никогда не находилось на территории Левашинского района, во-вторых, его нельзя наравне с селом Верхний Лапку просто причислять к носителям мекегинского диалекта. Село Дегва территориально всегда относилось к Сергокалинскому району. А речь дегвинцев далеко не идентична речи мекегинцев. Если речь мекегинцев определяется как диалект, то речь дегвинцев является говором. Если же речь мекегинцев определяется как говор, то речь дегвинцев является подговором.

С.М. Гасановой не указаны три самостоятельные крупные селения, выступающие носителями мекегинского диалекта: Джангамахи, Аялакаб Левашинского района и Кадыркент Сергокалинского района» [Исаев 1996-1997: 32].

Так как важными критериями выделения диалекта или говора являются его распространённость и совокупность фонетических, морфологических, лексических признаков, по которым данный говор противопоставлен остальным, следовательно, прежде чем начинать давать характеристику той или иной речи, исследователь должен собрать материал, в полной мере характеризующий все черты, присущие данной речи.

Было издано множество монографических работ и статей, посвященных диалектам даргинского языка. Среди них работы Услара П.К. «Хюркилинский язык» [1890], Магометова А.А. «Кубачинский язык (исследования и тексты)». [1963], «Меgebский диалект даргинского языка» [1982]; «К истории изучения диалектов даргинского языка» [1983], Мусаева М.-С. М. «Лексика даргинских диалектов в сравнительно-историческом освещении» [1966], Хайдакова С.М. «Даргинский и меgebский языки.

Принципы словоизменения» [1985]; Муталова Р.О. «Ицаринский диалект даргинского языка» [1992]; Кадибагамаева А.А. «Сирхинский диалект даргинского языка (Фонетическая система)» [1998]; Кибрика А. Е. «Даргинский язык (чирагский диалект)» [2003]; статьи Мусаева М.-С. М. «Чирагский диалект даргинского языка»// Вопросы русского и дагестанского языкознания [1975], Темирбулатовой С. М. «Выражение пространственных отношений указательными местоимениями хайдакского диалекта даргинского языка» [1986: 63-70]; «Особенности семантики и функционирования причастий в хайдакском диалекте даргинского языка» [1988]; «Хайдакский диалект даргинского языка» [2004], кандидатская диссертация Габибовой П. «Дейбукский говор даргинского языка» [2003]; кандидатская диссертация Ахмедовой З.Г. «Губденский говор даргинского языка» [2007]; кандидатская диссертация Муртузалиевой Р.М. «Фонетические и морфологические особенности нижнемулебкинского говора даргинского языка» [2007] и т.д.

Объектом исследования являются фонетические и морфологические особенности мекегинского диалекта даргинского языка.

Актуальность темы диссертационного исследования обусловлена, в первую очередь, необходимостью детального изучения фонетических и морфологических особенностей мекегинского диалекта даргинского языка и определения его места в целостной системе диалектов даргинского языка.

В последние десятилетия многочисленные говоры и диалекты даргинского языка подвергаются заметной нивелировке, чему способствует всё усиливающееся влияние литературного даргинского и русского языков через печать, телевидение и другие средства массовой информации, а также через общеобразовательные учреждения. Немаловажное значение имеет массовая миграция населения из сёл в города. Исследование диалектов и говоров существенно и для изучения истории языка, народа, его этногенеза, материальной и духовной культуры. Сегодня тысячи мекегинцев проживают вне родного села: в основном, во всех городах Республики Дагестан. Их в

особенности много в Махачкале – более 300 семей, в Избербаше, Каспийске, Сергокале. Много мекегинских семей переселилось в Ставрополье, Калмыкию, Астраханскую, Ростовскую и Тюменскую области. Немало мекегинцев проживает и в столице России – Москве. В результате этого переселения произошёл резкий отрыв от традиционного горского уклада, где условия жизни и быта отличаются от условий равнинных. Всё это способствует появлению в речи мекегинцев многочисленных инноваций. Мекегинский диалект подвергается значительному влиянию, как со стороны литературного даргинского и русского языков, так и со стороны урахинского, цудахарского и других диалектов. Поэтому важно ускорить сбор языковых данных, составляющих фонды лексики, фразеологии и паремиологии диалекта.

Не менее важны фонетические и морфологические особенности, обусловленные в речи мекегинцев условиями гор: климатом, рельефом, животным миром, укладом быта, соседями, т.е. то, что веками выработало мекегинское общество. Это бесценное наследие, как считают все без исключения языковеды, является необходимым условием научного изучения любой языковой единицы, в том числе и мекегинского диалекта.

Источниками и материалами исследования послужили полевой материал мекегинского диалекта, собранный автором, а также диалектологические данные по другим диалектам и говорам даргинского языка.

Цели и задачи исследования. Целью диссертационной работы является синхронное описание фонетической системы и морфологической структуры мекегинского диалекта в сравнении с литературным даргинским языком и другими его диалектами. Опираясь на эти сравнения, автору предстоит установить статус рассматриваемой языковой единицы. На основе анализа фонетических и морфологических явлений мекегинского диалекта делается попытка осветить отдельные вопросы даргинского языка, не получившие однозначного решения в научной литературе.

Достижение поставленной цели потребовало постановки и решения следующих задач: всестороннего исследования фонетики мекегинского диалекта; изучения морфологического строя, выявления его специфики на фоне других диалектов и литературного языка; описания общих и специфических для мекегинского диалекта особенностей в области фонетики и морфологии, их детального анализа и теоретического осмысления.

Теоретико-методологическую основу исследования составили труды лингвистов по русскому, кавказским и дагестанским языкам, связанные с проблемами изучения диалектов. При изложении вопросов мекегинского диалекта диссертант исходил из теоретических положений, выдвинутых в трудах дагестановедов (Услар П.К., Жирков Л.И., Абдуллаев С.Н., Абдуллаев З.Г., Гаприндашвили Ш.Г., Магометов А.А., Мейланова У.А., Сулейманов А.А., Мусаев М.-С.М., Исаев М.-Ш.А., Гасанова С.М., Темирбулатова С.М. и др.).

Методы и приёмы исследования. В данной диссертационной работе применяются описательный, сравнительный, сравнительно-исторический и типологический методы исследования.

Научная новизна исследования. В данной квалификационной работе проведен анализ языковых явлений мекегинского диалекта на фонетическом и морфологическом уровнях; в научный оборот вводится материал мекегинского диалекта, который имеет существенное значение для выяснения истории даргинского языка и его диалектов.

В работе впервые даются системное описание и квалификация мекегинской речи, описываются типичные для диалекта звуковые процессы, анализируется ударение, выявлен лабиализованный согласный *къв*, ранее не описываемый в трудах по мекегинскому диалекту, дается описание категории грамматического класса, принципа классификации имен существительных по грамматическим классам, собирательных существительных и их отношения к категории числа, аблаутно-суффиксального и префиксально-суффиксального способов образования

множественного числа, категории падежа, системы глагольного словоизменения и системы нефинитных форм глагола в рамках мекегинского диалекта.

Теоретическая значимость работы. Исследование мекегинской фонетики и морфологии на лексико-семантическом и лексико-тематическом уровнях имеет первостепенное значение для разработки вопросов описательной, сравнительной и сравнительно – исторической лексикологии и морфологии даргинского языка. Оно проливает свет на ряд невыясненных вопросов лексико-семантической и исторической структуры терминологии мекегинского диалекта и выявляет историю развития его многих структурных закономерностей.

Теоретическая значимость данной работы заключается и в том, что в научный оборот вводится новый материал по диалектологии и лексикологии даргинского языка.

Практическая ценность работы заключается в том, что материалы и результаты исследования диалектной лексики даргинского языка могут быть использованы при разработке актуальных проблем даргинского языкознания; составлении различного рода лексикографических работ, в частности, создании толковых, двуязычных, исторических, диалектологических и этимологических словарей, а также в практике преподавания даргинского языка в вузе и школах, в спецкурсах и спецсеминарах, при составлении учебников и учебно-методических пособий.

Апробация и публикации. Основные выводы и положения работы доложены на ежегодных (2006-2008) научных конференциях профессорско-преподавательского состава Дагестанского государственного педагогического университета, отражены в семи статьях. Работа обсуждалась на расширенном заседании кафедры дагестанских языков данного вуза.

На защиту выносятся следующие положения:

1. исследованы особенности звукового состава, фонетических процессов, звуковые соответствия между мекегинским диалектом, даргинским

литературным языком и некоторыми другими его диалектами, выявлены закономерности ударения;

2. в консонантной системе диалекта зарегистрировано 13 лабиализованных согласных: заднеязычные ɔ̣в, к̣в, к̣Iв; увулярные к̣ъв, х̣ъв, к̣ьв, ɔ̣ьв, х̣ьв; ларингальные и фарингальные ɔ̣Iв, ɔ̣ьв; альвеолярные (переднеязычные) ч̣в, ч̣Iв, ш̣в;
3. категория грамматического класса в мекегинском диалекте представлена классными показателями: в, р, б, й, д и имеет специфические особенности, обусловленные рядом обстоятельств;
4. в мекегинском диалекте не функционирует способ образования множественного числа при помощи внутренней флексии без одновременного участия соответствующего суффикса;
5. в системе местных падежей специфической особенностью диалекта является отсутствие серий на -хIи, -ɔ̣Iи, -у и наличие серии на -чу;
6. изучение категорий времени, наклонения, лица, вида, переходности и непереходности финитных и нефинитных форм глагола обнаруживает специфику его словоизменительных и словообразовательных средств.

Структура и объём диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, литературы и списка условных сокращений. Каждая глава завершается краткими выводами. Общий объём работы 188 страницы, в том числе 178 страниц основного текста и 10 страниц списка использованной литературы.

ГЛАВА 1. ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕКЕГИНСКОГО ДИАЛЕКТА

Одной из особенностей кавказских языков является наличие большого количества согласных и относительная бедность гласных. Это было отмечено ещё в 1885 году Фридрихом Мюллером среди одной из восьми типологических черт, выдвинутых им для характеристики кавказских языков. Звуковая система даргинского литературного языка по сравнению с некоторыми родственными дагестанскими языками относительно несложная. В её составе 37 исконных согласных и 5 гласных [Мусаев 2002: 27].

Система гласных

Система гласных мекегинского диалекта располагает шестью звуковыми единицами – фонемами: а, а(я), э(е), и, у, о; литературный даргинский язык, как известно, всего пятью гласными фонемами: а, э(я), э(е), и, у.

В мекегинском диалекте не представлены долгие гласные, специфические фарингальные (кроме фарингального я) или фарингализованные гласные, встречающиеся в ряде диалектов даргинского языка.

И – гласный переднего ряда верхнего подъёма. Гласный и в мекегинском диалекте и в даргинском литературном языке является дистинктивной единицей речи.

«Встречаясь в соседстве с другими гласными на стыке морфем, гласный и участвует в образовании комбинаторных аллофонов, участвует в аблаутных чередованиях, рядом с предшествующим согласным выступает в морфемной функции, играя определённую грамматическую роль в различных словесных формах» [Абдуллаев З.Г. 1993: 15].

При образовании гласного и мекегинского диалекта язык продвигается вперёд и вверх, сближаясь с верхними зубами своими корнями и оставляя по средней полости рта свободный проход. Губы при этом оттягиваются назад и

в стороны. Известно, что в характеристике артикуляционных особенностей гласного и между исследователями даргинского языка нет особых расхождений.

Интерес исследователей вызвали в основном не артикуляционные, а функциональные особенности гласного и, в частности, его участие в образовании различных звуковых единиц и комплексов. Гласный и мекегинского диалекта функционирует, как в корневых, так и аффиксальных морфемах и М-Ш.А. Исаев предлагает целый ряд примеров этому: *мири* – «серп», *иришес* – «жать», *кабуишле* – «убив», *пIянкъаиб* – «взорвал», *иръи* – «ремень», *идзала* – «болезнь», *ишхъес* – «скоблить», *ибала* – «шов», *икIе* – «туда», *имицIола* – «муравей», *ихтияр* – «разрешение», *ит* – «тот», *имицIале* – «больше», *ириъ* – «в прошлом году» [1996-1997: 80].

Е (Э) – аблаутный гласный переднего ряда, среднего подъёма. В мекегинском диалекте, как и в акушинском, мугинском и других диалектах встречается краткое е. По мнению С.Н. Абдуллаева [1954: 32], гласный е происходит от слияния двух гласных, но в результате дальнейшего развития потерял долготу: акуш. *хIери* – *хIерели*, мекег. *дуге* – *дугеле*.

С.Н. Абдуллаев [1954: 32] пишет, что «Конечный гласный в суффиксе наречия, деепричастия и условного наклонения *ле* (акуш. *ли*), *не*, который встречается в мекегинском, цудахарском и других диалектах, по-видимому, происходит из звукосочетания *иа*». Приведём несколько иллюстраций к данному высказыванию: *в-акIиле* – «прийдя», *б-учIуле* – «читая», *ибгъуле* – «открывая», *ахъле* – «высоко», *шалале* – «светло», *гъанне* – «сейчас» и т.д. Заслуживает внимания тот факт, что эти же элементы в роли показателей эргатива в этих диалектах в исходе имеют не е, а и (*ли*, *ни*) [Абдуллаев С.Н. 1954: 32].

П.К. Услар [1892: 7] гласный е характеризует следующим образом: «Е встречается весьма редко в виде коренной гласной; всего чаще образуется она от слияния и и а». З.Г. Абдуллаев считает, что данное определение является правильным касательно долгого гласного е, как аллофоны,

образованной в результате слияния и и а. Что же касается положения о весьма редком гласном е в виде коренного гласного, т.е. в виде фонемы, то в этом случае З.Г. Абдуллаев [1993: 15] считает, что у П.К. Услара имеются определённые упущения и неточности: «Дело в том, что в хюркилинском диалекте гласный е имеет довольно широкое фонематическое функционирование в составе определённых грамматических единиц. В частности, компонента морфемы в формах деепричастий, удостоверительного наклонения, родительного падежа (единственного и множественного чисел), в выражении вопроса и т.д. Во всех этих случаях гласный е П.К. Услар отмечает в виде долгого гласного е, т.е. так же, как долгий гласный е, образованный в результате слияния и и а.

Между тем в морфемной функции гласный е является фонематической единицей, морфонологически чередующейся с гласным и. Стало быть, П.К.Услар смешивает аблаутную гласную фонему е с аллофоническим долгим гласным е, полученным в результате слияния гласных и и а». Причину такого ошибочного определения З.Г. Абдуллаев видит в примерах, приводимых в качестве своих утверждений как П.К. Усларом, так и Л.И. Жирковым: «Во всех этих примерах гласный е представлен как компонент морфемы – числового или падежного суффикса. При изменении этих форм в определённых условиях с соответствующим изменением значения гласный е чередуется с гласным и. Но такое чередование не является фонологическим и ни в коем случае не говорит о вариантности гласного е к гласному и, а представляет собой морфонологическое, аблаутное чередование» [Абдуллаев З.Г. 1993: 16].

В мекегинском диалекте гласный е также употребляется для передачи звукового комплекса йе: йеиДал – «10», йерхИел – «7», йеиИну цара – «11» и т.д. За исключением этих нескольких примеров гласный е в даргинском языке представлен как фонологически дистинктивная звуковая единица. В начальной позиции гласный е даёт некоторый повод для положения о якобы имеющей место передаче им комплекса ье лишь при фиксации слов без

ларингального абруптива ɣ: ɣгер «если», ɣмхIе «осёл», ɣркиндеш «изобилие», ɣс «сказать» и т.д. При фиксации же ларингального абруптива ɣ такое положение оказывается ложным: ɣегер, ɣемхIе, ɣеркиндеш, ɣес [Абдуллаев З.Г. 1993: 18].

Простой гласный переднего ряда, среднего подъёма e мекегинского диалекта редко встречается в начальной позиции. Он функционирует преимущественно в корневой и суффиксальной морфемах, ср.: децI – «горе», дех – «груз», декIле – «тяжело», бедес – «отдать», гедѣба – «козлёнок», кебла – «долг», дебиш – «закалка», лукIе – «будем писать», ебкIес – «кумереть», хIекIес – «не придти», гIекIес – «захлопнуть, закрыть», бецI – «волк», нерх – «масло», нехI – «сыворотка», декIдеиш – «тяжесть», делгIес – «сеять», демхес – «сплести» и т.д. [Исаев 1996-1997: 82].

Таким образом, гласный e в мекегинском диалекте, как и в литературном даргинском языке, является самостоятельной смыслоразличительной и фонологически дистинктивной единицей речи. Артикуляция гласного e в мекегинском диалекте такая же, как и в литературном даргинском языке, т.е. при его образовании язык по степени своего подъёма занимает менее высокое положение, чем при образовании гласного u, но по месту подъёма язык отодвигается несколько дальше назад. Губы при образовании e более оттянуты назад и в стороны, чем при образовании u.

Я - гласный переднего ряда нижнего подъёма. Простая гласная фонема мекегинского диалекта я имеет самостоятельное значение, является промежуточным звуком между гласным a и e, имеет соответствующие английскому a характеристики, в даргинском алфавите передаётся буквой я. Звук я произносится с некоторой глоттизацией, но не настолько заметной, чтобы этот гласный можно было бы назвать «глоттизованным» или «палатализованным». В функциональном отношении фонема я находится в оппозиции ко всем гласным звукам даргинского языка. Она встречается, как в корневой, так и аффиксальной морфемах, ср.: мекег. ябу - «лошадь», дяд -

«горн», *д_яв* – «битва», *х_ябх_я* – «град», *ч_яр* – «крик», *ч_яг_я* – «камыш», *к_ям* – «тарелка», *х_яв_я* – «клятва» и др.

По мнению З.Г. Абдуллаева, в качестве знака данного фарингального гласного, букву *я* нельзя считать удачной, так как в даргинском языке она употребляется ещё для передачи разных звуковых комплексов (*й_я*, *й_э*).

Также, по его мнению, не подходят для этой роли и другие символы, употребляемые в научной литературе (*ä*, *é*, *а̣*, *а̤*, *а̥*). Наиболее удачным символом, считает он, является *ə*. Мы же в своём выборе исходим из того, что в 1967 году орфографическая комиссия приняла решение в новых орфографических правилах обозначать данный звук только буквой *я* [Абдуллаев З.Г. 1993: 10].

Этот автор характеризует гласный *я* рядом отличительных артикуляционных особенностей. Одной из таких, в первую очередь, следует отметить его фарингальность, т.е. уменьшение роли участия фаринкса или сужение прохода воздуха в полости глотки при его образовании. Губы при образовании гласного *я* в определённой степени раздвигаются в горизонтальном направлении, открывая рот как бы в стороны. Раздвижение губ в стороны, хотя оно имеет место в весьма незначительной степени, даёт всё же основание полагать о наличии при образовании гласного *я* элемента лабиальности. Таким образом, гласный *я* является фарингальным с элементом лабиальности. Гласный *я* является фарингальным, а не фарингализованным, т.е. является фонематической звуковой единицей речи и не встречается манифестацией или модификацией какой-либо фонемы, в том числе и фонем *а* и *и*. Что же касается морфонологического или апофонического функционирования гласного *я*, то в этом отношении данный гласный может быть оппозицией не только к гласным *а* и *и*, но и к гласным *е* и *у* [Абдуллаев З.Г. 1993: 40].

А – nelaбиализованный гласный заднего ряда нижнего подъёма, в даргинском языке «звучит ближе к русскому *о*, чем к *а*; его можно назвать «тусклым» *а̣*» [Абдуллаев С.Н. 1954: 28]. Гласный *а̣* мекегинского диалекта

по артикуляционным характеристикам ничем не отличается от гласного a литературного языка и других даргинских диалектов и говоров. Примеры: a – «молозиво», аэс – «дойти, доехать», асес – «купить», вакIибара – «он пришёл ли?», арц – «деньги», баркьира – «сделал», кабухирa – «принёс», айзес – «встать», анкIи – «пшеница» и т.д.

З.Г. Абдуллаев отмечает, что гласный a в аблаутных чередованиях играет важную грамматическую роль, являясь единицей оппозиции к разным гласным (и, е, э, у) и участвуя в морфемах в качестве их компонента. В научной литературе немало случаев, когда в анализе и фиксации языковых материалов гласным a подменяются другие гласные (э, о), считая их его манифестацией или выдавая морфонологическое чередование за фонологическое [1993: 20].

Относительно природы гласного a в научной литературе нет принципиальных разногласий и противоречий. Как пишет в своей рукописной работе М.-Ш.А. Исаев [1996-1997: 86], из всех исследователей фонетики даргинского языка и его диалектов особенно подробно на гласном a остановился Ш.Г. Гаприндашвили. Подводя итоги проведённого им экспериментального анализа, он пишет: «Рентгенограмма гласного a в произношении диктора-хайдакца показывает, что этот гласный в даргинском языке является самым широким» [Гаприндашвили 1957: 32].

Далее автор отмечает: «Гласный a в даргинском, как и в других языках, является компактным» [Там же: 34].

У – гласный заднего ряда, верхнего подъёма. Что же касается гласного у как фонологической звуковой единицы, то в артикуляционном отношении он характеризуется тем, что при его образовании язык дальше всего отодвигается назад и поднимается в задней его части вверх, артикулируя по отношению к мягкому нёбу. Губы при образовании гласного у выдвигаются вперёд и округляются. Всё это создаёт в полости рта наиболее длинную и довольно широкую в передней части резонирующую трубу.

Гласный *y* можно было бы назвать гласным восходящей лабиализации, так как при его произношении губы вытягиваются вперёд и потом округляются [Абдуллаев З. 1993: 41]. Характеристика гласного *y* мекегинского диалекта ничем не отличается от вышеприведённой характеристики данного гласного в литературном даргинском языке.

Примеры функционирования гласного *y* в корневой и аффиксальной морфемах представлены М.-Ш.А. Исаевым довольно-таки широко: *yта* – «табуретка», *бyкIyн* – «пастух», *вакIyбy* – «он пришёл?», *къyруш* – «рубль», *бyруш* – «матрац», *къyйрyхъ* – «хвост», *yкес* – «купать», *yнц* – «бык», *yркъyли* – «доска», *yбза* – «наковальня», *дyкI* – «ярмо», *хъyтyрyхъyн* – «недовольно пробормотал», *yргъy* – «море, ключ», *yтIyхъ* – «соска», *тIаmIyхъyн* – «проснулся» [1996-1997: 88]. Можно продолжить этот список: *y* – «имя», *гIур* – «потом, после», *yла* – «сито», *дyкъ* – «яма», *yджес* – «пить», *yчIес* – «учиться», *yсагъес* – «уснуть», *yкахъес* – «накормить», *yрчи* – «конь», *бyхъна* – «старый», *yндза* – «дверь», *гyрзе* – «курзе, нац. блюдо», *пyхI* – «пыль» и т.д.

О – гласный среднего подъёма, заднего ряда, лабиализованный. В исконно даргинской лексике гласный *o* функционально отсутствует [Абдуллаев С. 1954; Абдуллаев З. 1993; Мусаев, 2001 и др.].

Гласный *o* встречается в ряде диалектов и говоров даргинского языка; особенно отчётливо он слышится в урахинском, мюрегинском, мекегинском, дейбукском, мулебкинском, дегвинском и других диалектах и говорах.

В мекегинском диалекте гласный *o* функционально наличествует, в том числе и в исконной лексике. Встречается он, как правило, в позиции после лабиализованных согласных, но не только: *къвола* – «дёрн», *къвонгIи* – «сундук», *квош* – «горсть», *вашигво* – «пойдем же», *укенгво* – «кушай же», *никво* – «ноготь», *къола* – «ком» и т.д.

М.-Ш.А. Исаев [1996-1997: 97] привёл в качестве примеров функционирования гласного *o* в мекегинском диалекте внушительное количество слов: *башво* – «замесив», *бахво* – «покормив», *ватIво* – «унизив, оскорбив», *вязво* – «испачкавшись», *вязахъво* – «испачкав другого», *вячIво* –

«разгромив, раздавив», *вайгво* - «хулиган, непоседа», *атIво* - «вонзив», *вокъ* - «ковш», *алкво* - «вспыхнув», *белкъво* - «насытившись», *белкIво* - «записав», *гвондза* - «земля», *гвоза* - «кобыла», *дягво* - «ослёнок», *делкъахъво* - «досыта накормив», *белкъво* - «помолов» и т.д.

П.К. Услар был против введения гласного о в состав хюркелинской азбуки. Он не увидел в этом звуке самостоятельную фонему. В урахинских материалах П.К. Услара и в диалектных материалах других исследователей даргинской фонетики повсеместно гласный о стали заменять не только гласным а, а сочетанием ва [Абдуллаев С. 1954: 44; Гасанова 1971: 31] и др.

Автор «Грамматики даргинского языка» Л.И. Жирков [1926] также стоял на позициях П.К. Услара. Хотя в этой грамматике среди прочих гласных он перечисляет и гласный о, больше об этом звуке он ничего не говорит. [Габибова 2003: 10] также полностью поддерживает позицию П.К. Услара и Л.И. Жиркова.

А.А. Магомедов пишет: «Гласный о не характерен для кубачинского диалекта, как и вообще для даргинского языка» [1963: 23]. По мнению С.Н. Абдуллаева, гласный о отсутствует в исконно даргинских словах литературного языка.

Ш.Г. Гаприндашвили признавал наличие гласного о в некоторых диалектах и говорах даргинского языка. Но в его монографии нет ни одного факта, взятого из мекегинского диалекта, что говорит о невозможности знать мнение автора о фактах фонетики исследуемого нами диалекта. По его мнению, ни в одном диалекте даргинского языка гласный о не представлен самостоятельной фонемой. Автор наблюдает о только позиционно, как результат слияния элементов дифтонга. В старых устных заимствованиях из русского языка, считал он, гласный о регулярно заменялся гласным у.

Но это утверждение не было иллюстрировано им ни одним примером, хотя таковые действительно имеются, например в мекегинском диалекте: картошка - «*картушка*», стол - «*устур*», компот - «*кампут*», лампочка - «*лампушка*», помидор - «*памидур*», сок - «*сук*», кофта - «*купта*», телевизор -

«*тилвирзур*», телефон - «*тилипун*», патефон - «*патипун*», картон - «*кардун*», горшок - «*гарашук*» и др. Мы же приводим довольно большое количество примеров, где заимствованный гласный *o* не менее регулярно заменяется гласным *a*.

Несколько мекегинских примеров: ведро - «*бадира*», конфета - «*къампит*», компот - «*кампут*», отпуск - «*атпускIa*», помидор - «*памидур*», радио - «*радива*», костюм - «*кастун*», кровать - «*карават*», одеяло - «*адиял*», горшок - «*гарашук*», чемодан - «*чумадар*» и др. Как видно из примеров в некоторых заимствованных словах встречаются оба случая замены: компот - «*кампут*», помидор - «*памидур*», горшок - «*гарашук*» и др.

Выше речь шла о примерах, где гласный *o* функционировал в позиции после лабиализованных согласных. М.-Ш.А. Исаев [1996-1997: 98] отмечает, что З.Г. Абдуллаев в урахинском диалекте обнаружил гласный *o* только в номинативных единицах диалекта. В мекегинском же диалекте, как это видно на примерах переводов приведённых иллюстраций, гласный *o* встречается не только в номинативных, но и в атрибутивных, обстоятельственных и предикативных единицах.

Кроме того, языковые единицы с гласным *o* мекегинского диалекта составляют и вторую группу, не отмеченную до сих пор в даргиноведении ни одним исследователем, в том числе ни С.Н. Абдуллаевым, ни Ш.Г. Гаприндашвили, ни З.Г. Абдуллаевым. М.-Ш.А. Исаев [1996-1997: 98] утверждает, что «вторую группу мекегинского диалекта составляют лексические единицы, в которых гласный *o* функционирует после ларингального абруптива *ʔ*. Или, по сегодняшней даргинской орфографии, гласный *o* составляет слог, открытый в левую сторону». По мнению З.Г. Абдуллаева [1993: 43] даргинский язык не располагает слогом свободным в левую сторону. В соответствии с этим исследователь перед любым открытым гласным ставил ларингальный абруптив *ʔ*. Все его работы последних 20 лет вышли из печати с этим абруптивом перед каждым открытым влево слогом. Но, по словам М.-Ш.А. Исаева [1996-1997: 99]: «Исследователь отказался от

внедрения этого знака – ларингального абруптива ъ в свод орфографических правил. Отказался не полностью, а от написания этого знака в самом начале слова. А это значит, что в синхронном плане, на сегодняшний день возможен открытый влево слог. И если материал мекегинского диалекта соотнести с этим положением, т.е. с возможностью открытого влево слога, конечно же, в синхронном плане, то выходит, что мекегинский диалект располагает гласным о, создающим слог, открытый влево».

М.-Ш.А. Исаев [1996-1997: 100] приводит некоторые иллюстрации: *имиола* «муравей», *кониола* «подпруга», *усао* «заснув», *бео* «высохнув (о ручейке)», *уо* «испортив», *исиот* «перец» и т.д. Приведённые иллюстрации позволили автору внести определенные коррективы в теоретические постулаты даргиноведов.

В мекегинских заимствованиях из русского языка встречаются и такие звуки, как ы и иц. В классификационных таблицах фонетики исследуемого нами диалекта они нами не отражены по причине того, что в исконной лексике оба эти звука отсутствуют функционально. В результате проведённой работы была составлена следующая таблица гласных мекегинского диалекта:

Таблица 1.

Система гласных мекегинского диалекта

Подъём/Ряд	Передний	Задний
Верхний	и	у
Средний	е(э)	о
Нижний	я	а

Система согласных

Согласных фонем в даргинском литературном языке, по мнению С.Н. Абдуллаева, вместе с аффрикатами дз, дж, и буквами ф, в, ц - 37. Все согласные даргинского языка, за исключением ь (гамзы), встречаются в начале, конце и середине слов. В акушинском диалекте и в литературном языке, согласный й перед гласным и, е встречается лишь на стыке частей слов; в непроезводных словах и формах слов звуко сочетание ий не встречается.

То же самое нужно сказать о звуке в (губно-губном) перед гласным у. В мекегинском диалекте и в некоторых других диалектах встречается звуко сочетание йе: йерхIел «семь» (акуш. *в-ерхIел*), йецIал «10» (акуш. *в-ецIал*). Гамза (гортанная смычка) в начале слога не встречается; она встречается в середине и конце слова: Муьминат (имя жен.), б-аьни «получение», б-иьни (отгл. имя от б-иэс «быть»), миь «лёд», ниь «молоко». После согласных м, й гамза встречается редко: чемьни «прояснение» (о погоде), кайьни «сидение» [Абдуллаев С.Н. 1954: 26].

В мекегинском диалекте гамза слышится и после согласных л, р: кальни отглагольное имя от кальэс «оставаться», арь «рукоятка».

Оглушение звонких согласных в конце слова в диалектах акушино-урахинской группы почти не встречается. Лишь в незначительном числе слов наблюдается влияние следующего или предшествующего глухого согласного на звонкий согласный [Абдуллаев С.Н. 1954: 26]. Например, в мекегинском диалекте: хIяз «игра, развлечение» - хIясте (мн. ч. орфограф. *хIязте*).

В диалектах акушино-урахинской группы звук кь произносится звонче и «мягче», чем в диалектах цудахарской группы. В этих диалектах он, как и все усиленные согласные этой группы диалектов, в конце слова и перед согласным совсем оглушается и переходит в хь [Абдуллаев С.Н. 1954: 26].

Звуки гI и хI в акушинском диалекте встречаются исключительно в соседстве с гласными среднего и нижнего подъёма.

Иначе говоря, гласные рядом с надгортанниковыми ɟI и xI всегда смягчаются и получают гортанный оттенок. То же самое наблюдается в цудахарском диалекте. В других диалектах акушино-урахинской группы и в ряде диалектов цудахарской группы гортанный оттенок (глоттизация) гласных перед ɟI и xI не обязателен: перед и после этих согласных в этих диалектах часто слышатся гласные верхнего и среднего подъёма без глоттизации.

Аффрикаты ɟʒ и ɟʒ имеются лишь в акушино-урахинской группе диалектов, следовательно, характерны и для мекегинского диалекта.

Звук хь в мекегинском и нижнемулебкинском диалекте отсутствует, в этих диалектах акушинскому хь соответствует ɟь, ср.: *урхьу* «море» - *урɟьу*, *махьи* «хутор» - *маɟьи*.

Как в литературном даргинском языке, так и в мекегинском диалекте все согласные даргинского языка, обозначаемые русскими буквами произносятся почти так же, как в русском языке. Разница лишь в том, что звуки п, т, к в даргинском языке произносятся с придыханием. Звук ɟ в даргинском языке произносится прикосновением кончика языка к альвеолам, а не к верхним зубам, как в русском языке. Звук ɸ, который встречается лишь в одном заимствованном из русского языка слове, является не губно-зубным, а губно-губным.

М.-С.М. Мусаев в книге «Даргинский язык» пишет: «Звуковая система даргинского литературного языка по сравнению с некоторыми родственными дагестанскими языками относительно несложная. В её составе 37 исконных согласных и 5 гласных. Отсутствуют непридыхательные глухие, геминированные и лабиализованные согласные, широко представленные в родственных дагестанских языках. Однако звуковая система ряда диалектов довольно сложная. В отдельных из них количество согласных фонем доходит до 70 за счёт не представленных в литературном языке, но представленных в этих диалектах названных выше видов согласных» [2002: 27].

Согласно мнению М.-С.М. Мусаева, звуки в (w), б(v), й по своим особенностям сильно тяготеют к сонорным. В составе согласных представлены специфические гортанные (къ, хъ, гъ, кь, гь) и смычно-гортанные (гI, цI, чI, пI, кI, тI, ь) звуки. Функционируют в даргинском литературном языке и в мекегинском диалекте специфические звонкие аффрикаты (дз, дж, къ), а также среднеязычный звонкий спирант (з), не представленные в других диалектах и в ряде родственных языков Дагестана.

Довольно редки случаи, когда в фонематическом отношении следующие звонкие противопоставляются соответствующим парным глухим согласным гI и хI, гъ и гь, къ и хъ, а также следующие звонкие аффрикаты – соответствующим звонким спирантам дз и з, дж и ж.

Как известно, согласные звуки принято классифицировать по двум признакам: 1) по месту образования (артикуляции) и 2) по способу (звуковому типу) образования.

По характеру фрикации (шума) и её роли в образовании звука согласные мекегинского диалекта тоже делятся на сонорные и шумные.

Сонорные. Группу сонорных составляют пять звуков: м, н, л, р, й. Три из них, а именно м, н, л, являются смычно-проходными, что же касается р, й, то данный согласный по типу речевой преграды занимает место среди спирантов, хотя по участию шума и голоса он также относится к сонорным.

Л – латеральный (боковой) согласный мекегинского диалекта, «билатеральный спирант» (Ш.Г. Гаприндашвили), при образовании которого спинка переднего языка смыкается с альвеолами верхних передних зубов. В функциональном отношении латеральный л мекегинского диалекта характеризуется свободной дистрибуцией: лхIи – «ухо», далай – «песня», тIад – «столб», хъали – «дом», лава – «голубь», хIула – «колесо», лачин – «сокол», яxI-дамус «совесть», лIамцI – «молния», джагIял – «завтра», катхIел – «вниз», лIидзми – «язык», къвал – «корова», хъалибарг – «семья», хIелибарх – «слоёный хлеб» (национальное блюдо). Ознакомившись с работой М.-Ш.А. Исаева [1996-1997: 58] можно добавить, что л является альвеолярно-

латеральным, боковым плавным сонантом. Как в мекегинском диалекте, так и в литературном языке л очень часто употребляется. Каких-либо отличительных особенностей, характерных только этому сонанту в мекегинском диалекте нет.

Для латерального л, как и для других согласных даргинского языка, функция слогообразующего звука не характерна. Этой функцией обладают лишь гласные звуки.

М – лабиальный, назальный (носовой) согласный мекегинского диалекта, при образовании которого губы находятся в смычке, а воздух имеет свободный проход в носовую полость.

«При артикуляции сонорного м отсутствует взрыв смычки, так как свободный проход в носовую полость во время смычки исключает возможность нагнетания фонационного потока в полостях надставной трубы и этим – достижения давления, необходимого для осуществления взрыва. По этой же причине для артикуляции сонанта м характерна слабая смычка по сравнению с другими губно-губными смычными» [Гаприндашвили 1966: 44].

Сонант м в мекегинском диалекте, как и в литературном даргинском языке не является слогообразующим, но располагает свободной дистрибуцией. Он встречается как в корне, так и в аффиксах в разных позициях и в консонантных комплексах: мура – «сено», мар – «правда», мургье – «золото», мирхьи – «пчела», гьими – «зло, желчь», гамъа – «вдова», кьям – «тарелка», кам – «кожа», дам – «барабан», мурт – «когда», мурталра – «всегда», мукъара – «ягнёнок», маза – «овца», мизгит – «мечеть», мавлид – «мавлид», мякъяд – «не иди, не приходи», хлукумат – «государство», марга – «особь мужского пола», зумадеи – «частота», адам – «человек», амарсар – «муж», магьи – «хутор» и т.д.

Н – назальный (носовой) согласный, «более заднего образования по сравнению с л». При артикуляции н ротовая смычка осуществляется спинкой переднего языка с альвеолами или же с альвеолами и нижним краем коронок верхних резцов.

Одновременно с этим, ввиду опускания вниз занавеса мягкого нёба, фонационный поток воздуха свободно проходит в полость носа и обогащается назальной тембровой окраской» [Гаприндашвили 1966: 47].

Про мекегинский согласный н М.-Ш.А. Исаев [1996-1997: 57] пишет, что он «дентальный, назальный, смычно-взрывной сонант мекегинского диалекта». Слогообразовательные и дистрибутивные особенности носового н те же, что и у других сонантов. Несколько иллюстраций: *гьунар* – «подвиг», *някъ* – «рука», *ну* – «я», *ниъ* – «молоко», *низбе* – «крапива», *низбела чудне* – «чуду из крапивы» (множ. чис.), *напла гвягI* – «запах нефти», *нехI* – «сыворотка», *нусегI* – «сыр, творог», *нергъ* – «суп», *мягIни* – «смысл», *гьуни* – «дорога», *хIяйван* – «скотина», *хIенкъ* – «гурт, стадо», *гьанне* – «сейчас», *кIуйнас* – «потом», *гьунул* – «жена», *цагьуна* – «одинаковый» и т.д. В работе М.-Ш.А. Исаева [1996-1997: 58] говорится о том, что «...согласный н, как в мекегинском диалекте, так и в литературном даргинском языке, характеризуется высокой частотностью употребления, функционирует во всех позициях без ограничения, встречается как в корневой, так и в аффиксальной позициях (сравнительно реже), а также в стечении согласных: *никво* – «нокоть», *гIешила* – «подушка», *кьяна* – «ворона», *кьянес* – «опоздать», *душман* – «враг», *гIебасни* – «заимствование», *гIини* – «яблоко», *гIена* – «плита», *нуни* – «мною» и т.д.».

Р – переднеязычный альвеолярный вибрант мекегинского диалекта, как и в литературном языке, он по участию шума и голоса относится к сонорным, по типу же речевой преграды занимает место среди спирантов. Ш.Г. Гаприндашвили пишет: «Во всех диалектах даргинского языка вибрант р образуется в щели, созданной у передних альвеол посредством периодического приближения к ним и удаления от них напряженного и чуть приподнятого вверх кончика языка. В щели между кончиком языка и альвеолами непрерывно проходит артикуляционный поток, приводящий в колебательное движение передний язык.

По виду артикуляционной преграды вибрант *ɖ* является таким же открытым звуком, а именно спирантом, как и другие спиранты, но отличается от них большим размахом». Согласный *ɖ* мекегинского диалекта представлен как в корневой, так и в аффиксальной морфемах, в том числе и в консонантных комплексах: *ɖas* – «пила», *ɖursi* – «девушка, дочь», *maɖ* – «правда», *ɖaŋ* – «цвет», *ɖemru* – «жизнь», *ɖimiɖi* – «айва», *ɖiɖɖɖiɖ* – «жадный», *ɖeɖɖes* – «выпить», *ɖaɖmaŋ* – «лекарство», *naɖɖaɖdeŋ* – «спокойствие», *ɖeɖɖe* – «курица», *ɖeɖɖu* – «надзор», *uɖɖi* – «сердце», *ɖiɖɖumaɖ* – «кнут», *ɖaɖma* – «бочка», *ɖeɖɖeɖ* – «вечер», *ɖaɖaɖ* – «рассказ» и т.д. [1956: 157].

ɣ – среднеязычный палатальный звонкий согласный мекегинского диалекта. Ш.Г. Гаприндашвили [1966: 73-74], отмечает, что «данный спирант образуется в средней части твёрдого нёба или несколько сзади и имеет довольно широкое артикуляционное сужение». Вместе с тем З.Г. Абдуллаев считает, что с Ш.Г. Гаприндашвили трудно согласиться, когда он утверждает, что «Спирант *ɣ* в диалектах даргинского языка встречается, главным образом, в составе нисходящих дифтонгов, хотя наблюдаются и случаи его наличия в составе восходящих дифтонгов, в словах, заимствованных из других языков».

З.Г. Абдуллаев отмечает: «Дело в том, что даргинский язык по слогаобразующей природе гласных не знает дифтонгов, ни нисходящих, ни восходящих. Дифтонги чужды даргинскому языку вообще. Спирант *ɣ* встречается во всех позициях. Что же касается дистрибутивных свойств функционирования спиранта *ɣ*, то он почти не встречается в позиции после согласного (за исключением мужского имени *ɣaxɣa* «Яхья»), а в интервокальной позиции, в абсолютном начале и конце слов функционирует широко, нередко встречается также в позиции перед согласными: *ɖalaɣ* «песня», *ɖalaɣ* «олово», *ɣabu* «лошадь»...». Для сравнения приведём несколько примеров из мекегинского диалекта: *ɣaraɣ* – «оружие, *ɖaɣda* – «порядок, образ», *naɣda* – «польза», *ɖaɣɖaɣ* – «челюсть», *ɖaɣɖi* –

«старание», *къуѣрукъ* – «хвост», *каѣкиб* – «купал», *тяѣ* – «жеребёнок», *вайна* – «плохой» [1993: 117] и т.д.

Шумные. Шумные согласные в даргинском языке делятся на смычно-взрывные, спиранты и аффрикаты. К смычно-взрывным относятся: губно-губные *б*, *п*, *пI*; переднеязычные *т*, *тI*, *д*; заднеязычные *к*, *кI*, *г*; фарингальный *гI*; ларингальный *ъ*. К спирантам относятся губно-губные *ф*, *в*; переднеязычные *с*, *з*, *ш*, *ж*; среднеязычные *хъ*, *ѣ*; увулярные *гъ*, *х*; фарингальный *хI*; ларингальный *гъ*. К аффрикатам относятся: переднеязычные *ц*, *цI*, *дж*, *ч*, *чI*, *дж*, увулярные *къ*, *хъ*, *къ*.

Смычные согласные

Губно-губные

Б – губно-губной звонкий смычно-взрывной согласный мекегинского диалекта. При его артикуляции, как и в литературном языке, губы сближаются друг к другу, образуя узкую щель, но не соприкасаются. Довольно близок к русскому фрикативному *в*. «По подлинной природе своей данный звук является спирантом, и нормой его образования и функционирования в языке является спирантная артикуляция. Спирант *б* характерен для всех диалектов даргинского языка» [Абдуллаев З.Г. 1993: 109].

В научной литературе нет единого взгляда на природу этой фонемы, много противоречий во мнениях исследователей. З.Г. Абдуллаев [1993: 109] считал, что для обозначения этого звука гораздо удобнее было бы употребление символа «*в*», как это имеет место в трудах П.К. Услара, Л.И. Жиркова, Н.С. Трубецкого и др.

П.К.Услар [1892: 8], в частности, писал «Прислушиваясь к произношению туземцев, мы явственно слышим то *в*, то *б*, но даже в одном и том же слове один звук беспрестанно заменяет другой». Таким образом, в даргинском *б* одновременно находит нечто общее как с русским

фрикативным в, так и со смычным б. Эта неопределённость в усларовской характеристике губно-губного б и породила в работах последующих исследователей даргинского языка массу противоречий и ошибок [Абдуллаев З.Г. 1993: 110].

Н.С. Трубецкой писал: «В даргинском языке существует факультативное вариантное соотношение между звуками в и б (как в кубачинском), - т.е. в каждом слове в может заменяться через б без изменения значения и без побуждения впечатления ошибки в произношении. В языковом сознании эти два фактических варианта связываются в одну фонему – звонкий согласный лабиального ряда, значит в». М.-Ш.А. Исаев [1996-1997: 51] отмечает, что: «Ни один представитель мекегинского диалекта не перепутает их ни в произношении, ни в письме, если он по-настоящему знает язык своей матери».

В дистрибуции согласного б нет ограничений, он встречается в разных позициях, функционирует как в корневой, так и в аффиксальной морфемах, ср.: бецI – «волк», бакIуб – «пришёл», бяхъес – «ударить», бекI – «голова», багала – «польза», багъа – «цена», багъана – «причина», сабур – «терпение», акIуб – «родился», батуръиб – «отправил», бебкIа – «похороны», дixIубала – «молитва», берцIес – «пожарить» и т.д.

В мекегинском диалекте имеет место звук б, идентичный русскому б, но только в нескольких звукосимволических и инфантилизированных словах. К ним, в частности, относятся: бев «крик, пение бугая» (звукосимволическое слово), бап «падение», баъ – «нету», баба – «бабушка» или «хлеб», Баба́ «жен. имя Патимат, уменьшительно-ласкательное», бибинI – «машина», (в детской речи, инфантилизированные слова). Также имеют место в современной речи производные от этих слов: бапиркIуд – «упадёшь» (в обращении к детям), бевукIуле – «мычит, кричит, плачет грубым голосом» и т.д.

II – губно-губной, глухой, неабруптивный, смычно-взрывной согласный мекегинского диалекта.

Характеризуется независимыми дистрибутивными свойствами, функционирует в корневой морфеме в разных позициях: *п̣яс̣п̣асаг* – «лягушка», *п̣ях̣х̣у* – «кувшин», *п̣усул* – «пылинка», *п̣ук̣ья* – «ячейка, гнездо», *п̣алда* – «пепел», *п̣ирхикIвон* – «спички», *тап̣* – «мяч», *суп̣ил* – «усы», *п̣икри* – «мысль», *к̣ьяп̣у* – «ворота», *п̣ай* – «часть, пай», *туп̣анг* – «оружие», *п̣ача* – «царь», *п̣айда* – «толк», *з̣яг̣л̣ип̣ил* – «больной» и т.д.

III – губно-губной смычный двухфокусный абруптив мекегинского диалекта. О данном согласном звуке Ш.Г. Гаприндашвили [1966: 111] пишет: «Звук *п̣I* в диалектах даргинского языка имеет очень малое распространение. В результате этого в алфавите литературного даргинского языка даже не предусмотрен знак для передачи этого согласного». З.Г. Абдуллаев [1993: 104] считает, что, действительно, до недавнего времени в алфавите литературного языка не было знака для передачи губно-губного смычно-взрывного абруптива.

Но это он объясняет не «очень малым распространением» данного звука, а существующим среди практических работников мнением, согласно которому для упрощения алфавита допустимо употребление одного знака для обозначения двух разных звуков. В результате было принято обозначать буквой *п̣* помимо адекватного звука ещё и абруптив, для обозначения которого в дальнейшем (1967) была введена буква *п̣I*.

Что же касается распространения согласного *п̣I*, то оно довольно значительно: данный звук встречается во многих десятках лексических единиц. Об этом и М.-Ш.А. Исаев [1996-1997: 48] пишет: «В мекегинском диалекте этот звук встречается в десятках единиц в самых разных позициях: в начале, середине и в конце слова». Несколько примеров: *п̣IяцIа* – «клякса», *п̣Iяг̣и* – «хвостун», *п̣Iяк̣ьбикес* – «разорваться», *п̣IяцIикI* – «урбеч», *к̣ьяп̣Iа* – «шапка», *к̣Iап̣Iи* – «лист», *х̣ьяп̣Iа* – «пуговица», *п̣Iяк̣ьбикес* – «треснуть», *п̣Iянк̣ьаэс* – «взорвать», *п̣Iаг̣ьбарк̣ьес* – «закурить», *ч̣Iяп̣Iа* – «плоский» *к̣ьяп̣Iил* – «закрытый» и т.д.

Переднеязычные

Т – дентальный, смычно-взрывной, глухой неабруптив мекегинского диалекта функционирует во всех позициях, а также в консонантных комплексах: *тугъ* – «линия, черта», *сягIят* – «час, часы», *хъат* – «ладонь», *тупанг* – «оружие», *тавра* – «сумка», *катес* – «посадить (на стул, на должность)», *кабатес* – «поставить оценку», *къисмат* – «удел», *итхIеле* – «тогда», *цIахте* – «некрасивые», *хIурмат* – «уважение», *къарахъанте* – «аварцы», *туснакъ* – «тюрьма» и т.д. Фонема *т* одинаково характерна всем даргинским диалектам и литературному даргинскому языку, у неё нет ярких диалектных особенностей.

ТI – дентальный смычно-взрывной двухфокусный абруптив мекегинского диалекта, как и в литературном даргинском языке, характеризуется «широкой площадью артикуляционной смычки» (Ш.Г. Гаприндашвили), представлен в корневой и аффиксальных морфемах, а также в комплексах согласных в разных позициях: *тIул* – «палец», *тIумIи* – «виноград», *тIал* – «столб», *тIентI* – «муха», *тIакъа* – «ящик, коробка», *битIакI* – «вес, тяжесть», *тIама* – «голос, звук», *тIягIям* – «вкус», *тIергъа* – «палка», *хIинтIена* – «красный», *шейтIан* – «чёрт», *лутIме* – «следы», *тIархъи* – «дырка», *клатIа* – «лопата», *тIиргъи* – «лейка» и т.д.

Д – переднеязычный, точнее зубно-язычный смычно-взрывной согласный мекегинского диалекта. М.-Ш.А. Исаев [1996-1997: 74] утверждает: «*Д* – представлен, как в мекегинском, так и во всех диалектах с единообразной характеристикой, отличается высокой степенью активности и частотностью употребления». По утверждению Ш.Г. Гаприндашвили [1966: 112], при артикуляции согласного *д* «в акушинском диалекте следы касания языка с нёбом охватывают все латеральные зубы...».

Такое утверждение подверг сомнению З.Г.Абдуллаев[1993: 105]: «Очевидно, здесь несколько иное понимание боковых (латеральных) зубов, ибо фактически ни в акушинском, ни в каком-либо другом диалекте при произношении *переднеязычного д*, как и при артикуляции других

переднеязычных, не задеваются какие-либо латеральные зубы, не говоря уже обо всех. Косвенно об этом свидетельствует тот факт, что при «артикуляции ɖ передняя часть языка для осуществления смычки поднимается вверх» [Гаприндашвили 1966: 113], что вполне может оказаться препятствием равномерного касания боковых полос языка с латеральными зубами.

В литературном даргинском языке, базовым диалектом, которого является акушинский, при образовании переднеязычного зубного смычного ɖ, так же как и при образовании т, передняя часть спинки языка смыкается с верхними передними зубами и нижним краем альвеол.» Аналогична артикуляция ɖ и в мекегинском диалекте, который встречается во всех позициях, обладает независимыми дистрибутивными свойствами, функционирует в корневой и аффиксальной морфемах, а также в комплексах согласных в самых разных вариантах: дагъво – «петух», дегI – «ветер», къада – «ущелье, долина», дяд – «дудка», децI – «обида», адам – «человек», дех – «груз», дукъ – «яма», дураб – «на улице», дяв – «война», дигай – «любовь», мусебад – «с пола», диур – «хватит», дила – «мой», ахъдеш – «высота», дуцIрум – «лето», дарсдаркъес – «поменять», дурсре – «уроки» и т.д.

Заднеязычные

К – заднеязычный глухой смычно-взрывной согласный мекегинского диалекта. «При образовании к задняя часть спинки языка смыкается с мягким нёбом. Шум, образуемый при размыкании сомкнутых органов речи, не сопровождается голосом, почему к и является глухим» [Абдуллаев З.Г. 1993: 105]. Согласно таблице согласных фонем даргинского литературного языка С.Н. Абдуллаева [1954: 25] фонема к обладает следующими характеристиками: заднеязычный, шумный, мгновенный, глухой, придыхательный.

А вот как пишет о мекегинском к М.-Ш.А. Исаев [1996-1997: 63]: «К – велярный, глухой, смычно-взрывной, краткий, аспирированный спирант». Определение, данное М.-Ш.А. Исаевым немного отличается от определения,

данного З.Г. Абдуллаевым и С.Н. Абдуллаевым, но эти отличия не носят принципиального характера.

Бесспорно, фонема к характерна всем диалектам даргинского языка и литературному языку, функционирует во всех позициях и дистрибуциях, встречается и в комплексах согласных: куц – «вид, внешность», кам – «кожа», мукеки – «рог», куръа – «застывший жир», кисне – «карманы», беркес – «съесть», чакбиэс – «рассыпаться, развариться», квони-сирисан – «колбаса из требухи» (нац. блюдо), кумек – «помощь», дуки – «смех», камле – «мало», махIкамле – «осторожно», калунте – «оставшиеся» и т.д.

кI – заднеязычный смычно-взрывной, глухой, краткий абруптив мекегинского диалекта. Он единообразно представлен во всех диалектах даргинского языка и в литературном языке. В литературном даргинском языке, равно как и во всех диалектах (а не только в цудахарском диалекте и губденском говоре [Гаприндашвили 1966: 130]), смычно-взрывной кI более заднего образования по сравнению со своим соответствующим глухим к и звонким г. Это сравнительное различие места образования кI, к и г одинаково представлено во всех диалектах даргинского языка. Функционирует в корневой и аффиксальной морфемах, встречается и в комплексах согласных во всех позициях и дистрибуциях.

Частотность употребления высокая: кIана – «платок», кIамIа – «лопата», кIабатI – «поднос», лукIен – «пиши», акIуб – «родился», кIа – «талисман», кIвел – «два», балкIле – «криво, неправильно», уркIи – «сердце», гIянкIа – «корка», бекI – «голова», кIуйнас – «потом», вакIес – «прибыть», кIанIле – «накрыто», хIекIиб – «не пришёл», сикIал – «что-то, предмет, вещь», ахъбукIес – «расти», гъакIарбаркъес – «расшатать» и т.д.

Г – заднеязычный звонкий краткий смычно-взрывной согласный мекегинского диалекта. При образовании г, в отличие от к, шум, образуемый при размыкании сомкнутых органов речи, сопровождается голосом, почему г и является звонким. Смычно-взрывной звонкий г – более переднего образования по сравнению с глухим к и абруптивом кI. Встречается, как

правило, в корневых морфемах: *гавлаг* – «мешок», *гаджин* – «кувшин», *лаг* – «подъём, вверх», *гурда* – «лиса», *гамуш* – «буйвол», *гудег* – «буйволёнок», *дигай* – «любовь», *гамса* – «смуглый», *лаг* – «вверх», *гаши* – «голод» и т.д.

Фарингальные

ГІ – фарингальный звонкий смычно-гортанный согласный. В мекегинском диалекте согласный *гІ* встречается не только в соседстве с гласными среднего и нижнего подъёма *е(э)*, *а*, *э*, но и с гласными верхнего подъёма *и* и *у*, ср.: *чиігІя* – «камыш», *гІяхІ* – «польза», *гІур* – «потом, после», *кьвонгІи* – «сундук», *мягІни* – «смысл», *нусегІ* – «сыр, творог», *напла гвягІ* – «запах нефти», *сягІят* – «час, часы», *тІягІям* – «вкус», *дегІ* – «ветер», *гІена* – «плита», *бигІвя* – «украсть», *бегІво* – «посеять», *гІур* – «потом» и т.д.

Ларингальные

Ъ – ларингальный смычно-взрывной глухой абруптив мекегинского диалекта и литературного даргинского языка. При образовании абруптива *ъ* смыкаются голосовые связки, и артикуляционный взрыв смычки осуществляется тем запасом воздуха, который содержится в промежутке между гортанной и артикуляционной смычек.

Абруптив *ъ*, как и другие абруптивы даргинского языка, является согласным надгортанной фонации. По месту и способу своего образования абруптив *ъ* и ларингальный звонкий *гІ* довольно близки друг к другу.

Поэтому, очевидно, в научной литературе эти звуки путают довольно часто, подменяя один другим.

В позиции абсолютного начала ларингальный абруптив *ъ* носит латентный характер. Перед гласным абруптив *ъ* носит латентный характер и в срединной позиции. Вообще обе эти позиции можно объединить в одну, так как в том и другом случае имеется в виду так называемый неприкрытый в левую сторону слог, т.е. слог, якобы начинающийся с гласного.

Однако сказанное оказывается неадекватным в плане фонологической реальности. Выясняется, что фонологически для даргинского языка неприкрытый в левую сторону слог вообще не характерен, поэтому функционирование абруптива ɥ в начальной позиции является таким же фактом языковой реальности, каким является употребление данного согласного в позиции абсолютного конца или перед согласным.

Приведём несколько примеров в современной записи и как, фонологически, по словам З.Г. Абдуллаева, было бы точнее: у «имя» - ɥу, ула «сито» - ɥула, анкɥи «очаг» - ɥанкɥи, эс «сказать» - ɥес, или «сказав» - ɥили, баэс «хватать, быть достаточным» - баɥес и т.д. Во всех этих примерах представлен тот же ларингальный абруптив ɥ, что и в: ниɥ – «молоко», диɥ – «мясо», миɥ – «лёд» и т.д. [Абдуллаев З.Г. 1993: 107]. Но по законам орфографии в начале слова перед гласными ɥ не пишется, хотя теоретически следует писать.

Спиранты

Переднеязычные

В – губно-губной звонкий спирант мекегинского диалекта и литературного даргинского языка. «При его артикуляции вытянутые вперёд губы округляются и как бы отходят назад. Поэтому его можно было бы называть округлённым губно-губным спирантом или спирантом нисходящей лабиальности.

Нельзя путать этот звук с добавочной лабиальной артикуляцией согласных, обозначаемой чаще буквой *в* или *w*» [Абдуллаев З.Г. 1993: 114-115].

Спирант ɥ характерен для всего даргинского языка, всех его диалектов и говоров без исключения и употребление его как самостоятельной фонемы не обусловлено позиционными или иными особенностями языка. В мекегинском диалекте имеет очень широкое употребление.

Этому спиранту в мекегинском диалекте присущи те же характеристики, обнаруживаемые в этом же спиранте литературного языка. Он встречается во всех позициях (в начале, внутри и в конце слова) и во всех дистрибуциях. В этом отношении спирант *в* как единица фонологического уровня не имеет функциональных ограничений.

Что же касается его морфемного функционирования, то в даргинском языке, как известно, он употребляется в качестве показателя I (мужского) грамматического класса и как таковой, как морфема, как единица уровня морфологии, он имеет некоторые особенности: в начале слов мужского класса перед гласными *у* и *и* классный показатель *в* опускается. Приведём несколько примеров с губно-губным округлённым спирантом *в* мекегинском диалекте: *вава* – «цветок», *гъава* – «воздух», *вяв* – «крик», *дяв* – «война», *варгыи* – «бурка», *ваца* – «мышь», *вацла* – «лес», *гав* – «дым», *гавлаг* – «мешок», *вячлес* – «раздавить», *гIявадеш* – «жир» и т.д.

Ф – губно-губной глухой спирант мекегинского диалекта. В исконных мекегинских, а также в исконных даргинских словах встречается лишь в звукосимволических словах *уфуклес* «дуть», *уфукIан* «дудка, трубка, из которой дуют для разжигания огня» *уфэс* – «дунуть, подуть», *уфбаркьиб* – «подул». Наряду с этим буква *ф* употребляется в написании многих слов, заимствованных из русского языка (*фабрика, факт, февраль*). Существование звука *ф*, хоть и в ограниченном количестве языковых примеров, является фактом языковой действительности, поэтому он включён в систему согласных даргинского языка С.Н.Абдуллаевым, З.Г.Абдуллаевым и др. На этом же основании, полагаю, вполне возможно включить в систему согласных мекегинского диалекта и согласный *б*, идентичный по звучанию русскому *б*.

С – переднеязычный (зубно-альвеолярный) глухой свистящий спирант мекегинского диалекта. Является самостоятельной фонемой, встречается во всех позициях и дистрибуциях.

При образовании спиранта ɕ губы как бы растягиваются в стороны, а язык приближается к основаниям верхних резцов, оставляя довольно значительную артикуляционную щель фонационного воздуха. Проходя сквозь артикуляционное сужение между альвеолами и верхней спинкой переднего языка, фонационный поток воздуха создаёт впечатление глухого свиста. Функционирует как в корневой, так и в аффиксальной морфемах.

Приведём несколько примеров на свистящий спирант ɕ: *дис* – «нож», *киса* – «карман», *сягIят* – «час, часы», *кьулса* – «ложка», *синка* – «медведь», *касес* – «взять», *сапун* – «мыло», *асес* – «купить», *муса* – «место», *бучес* – «собрать», *савла* – «утро», *салам* – «привет», *сагай* – «новый», *кавиес* – «убить», *усалдеи* – «низость» и т.д. Спирант ɕ в диалектном отношении не имеет каких-либо специфических особенностей, т.е. во всех даргинских диалектах этот звук имеет одинаковые характеристики.

ʒ – переднеязычный (зубно-альвеолярный) звонкий взрывной спирант в мекегинском диалекте. Артикуляционно довольно близок к спиранту ɕ. По свидетельству Ш.Г. Гаприндашвили [1966: 53], «для образования свистящего звонкого спиранта ʒ диалектов даргинского языка спинка переднего языка сближается с верхними резцами и у основания их коронок образует артикуляционное сужение незначительной высоты. При этом кончик языка опущен вниз и упирается в середину коронок нижних резцов, оставляя нетронутыми вершины последних. Голосовые связки при артикуляции спиранта ʒ периодически вибрируют».

Спирант ʒ мекегинского диалекта является самостоятельной фонемой и употребляется во всех позициях и дистрибуциях. Функционирует как в корневой, так и аффиксальной морфемах. Несколько примеров: *зулму* – «гнёт», *зарал* – «ущерб», *джуз* – «книга», *изес* – «доить», *айзес* – «встать», *зарал* – «убыток», *маза* – «овца», *муза* – «бугор», *урзес* – «идти» (о дожде, снеге), *арзес* – «развязать» и т.д. Спирант ʒ характерен всем даргинским диалектам и литературному языку.

Ш – переднеязычный (альвеолярный) глухой, краткий, аспирированный, шипящий спирант. При его образовании боковые полосы спинки переднего языка прилегают к нёбу, губы несколько вытянуты вперёд. По месту артикуляционной щели спирант *ш* несколько более заднего образования, чем глухой спирант *с*, но переднего образования по сравнению со звонким спирантом *жс*. Спирант *ш* – самостоятельная фонема, функционирующая во всех позициях и дистрибуциях. В диалектном отношении не имеет каких-либо специфических особенностей своей артикуляции: *шин* – «вода», *шагъар* – «город», *шиша* – «стекло», *ши* – «аул, село», *шала* – «свет», *нуша* – «мы», *шншмъала* – «страдания, переживания», *шабини* – «варёное зерно», *шаха* – «гной», *швел* – «пять», *разидеш* – «радость» и т.д.

Ж – переднеязычный (альвеолярный) звонкий, краткий, шипящий спирант мекегинского диалекта. По своей артикуляции близок к глухому спиранту *ш*, образуется путём сближения переднего языка с альвеолами, губы вытянуты вперёд. Артикуляционная щель, через которую проходит фонационный поток при образовании спиранта *жс*, несколько уже, чем у спиранта *ш*. Спирант *жс* также является самостоятельной фонемой, функционирует в небольшой группе слов во всех позициях и дистрибуциях, не располагает в диалектном отношении какими-либо отличительными особенностями своей артикуляции. Несколько примеров: *аждагъа* – «дракон», *ажал* – «смерть», *гъяжс* – «хадж», *жикъи* – «гармонь», *къяржс* – «скрип», *журуга* – «шарообразный», *гъяжбаркъес* – «совершить паломничество, хадж», *алжана* – «рай» и т.д.

Среднеязычные

Хь – среднеязычный глухой спирант даргинского языка. По свидетельству экспериментальных данных Ш.Г. Гаприндашвили [1966: 75-76], артикуляционное сужение у спиранта *хь* образуется у перехода мягкого

нёба в твёрдое, а соприкосновение языка имеет место в области передней части мягкого и в задней части твёрдого нёба.

Спирант хь является самостоятельной фонемой и функционирует во всех позициях и дистрибуциях, по утверждению З.Г. Абдуллаева [1993: 117], но он не характерен для мекегинского диалекта, как утверждает С.Н. Абдуллаев [1954: 28]. Ещё в 1954 году С.Н. Абдуллаев [1954: 28] писал, что: «Звук хь в мекегинском и нижнемулебкинском диалектах отсутствует, в этих диалектах акушинскому хь соответствует гь».

Например:	акуш.		мекег.
	<i>урхьу</i>	«море»	<i>ургьу</i>
	<i>махьи</i>	«хутор»	<i>магьи</i>
	<i>хьул</i>	«желание»	<i>гьул</i>
	<i>хьарбаэс</i>	«спросить»	<i>гьарбаэс</i>
	<i>хьар</i>	«низ»	<i>гьар</i>
	<i>умхьу</i>	«ключ»	<i>ургьу</i>
	<i>хьамхьа</i>	«пена»	<i>гьулегь</i>

З.Г. Абдуллаев уже в 1993 году [117] пишет, что: «Спирант хь характерен для всех диалектов...» и в качестве примеров приводит слова из литературного даргинского языка: *урхьу* «море», *хьунул* – «жена», *хьамхьа* – «пена», *хьулухь* – «пузырь», *махьи* – «хутор», *хьар* – «низ», *хьул* – «желание», *хьанцла* – «синий». Но в мекегинском диалекте в этих словах вместо хь употребляется гь: *ургьу*, *гьунул*, *гьамгьа*, *гьулегь*, *магьи*, *гьар*, *гьул*, *гьанцла*.

Г̣ – среднеязычный звонкий спирант мекегинского диалекта. Для его обозначения в алфавите даргинского языка нет специальной буквы, в письме он передаётся буквой г, используемой также для передачи заднеязычного смычно-взрывного согласного. Он широко представлен во всех диалектах даргинского языка и встречается, как правило, в корневых морфемах. Несколько примеров со среднеязычным спирантом *Г̣*: *Г̣ули* – «овчинка», *Г̣уми*

– «мост», *даг* – «вчера», *баргес* – «найти», *га* – «дай» (ср. *га* «уголь»), *аги* – «мотив, мелодия», *бергес* – «сожрать», *сирму* – «фундук», *гала* – «вилы».

Увулярные

Гъ – глоттизованный звонкий спиринт мекегинского диалекта. По свидетельству Ш.Г. Гаприндашвили [1966: 95], при образовании спиринта *гъ* «спинка заднего языка артикулирует в сторону заднего края мягкого нёба», надкорневая часть языка артикулирует к задней стенке фаринкса, но не так сильно, как это наблюдается при образовании спиринта *х*.

Спиринт *гъ* функционирует во всех позициях и дистрибуциях, является самостоятельной фонемой и характерен для всех диалектов даргинского языка. Несколько иллюстраций из мекегинского диалекта: *гъай* – «разговор, язык», *аргъ* – «погода», *гъягъя* – «гравий», *нергъ* – «суп», *гъай* – «слово», *гъиз* – «волос», *аргъ* – «погода», *гъям* – «лай», *цагъунте* – «одинаковые», *гъаг* – «туча», *гъудурдаркъес* – «помешать» и т.д.

Х – заднеязычный глухой спиринт мекегинского диалекта. По свидетельству Ш.Г. Гаприндашвили [1966: 98-99], «артикуляционное сужение этого звука расположено у переднего края мягкого нёба», «надкорневая часть спинки языка по сравнению с корнем языка несколько сдвинута к задней стенке фаринкса», спиринт *х*, по сравнению со звонким *гъ*, является звуком более заднего образования. Спиринт *х*, как и спиринт *гъ*, функционирует во всех позициях и дистрибуциях, является самостоятельной фонемой и характерен для всего даргинского языка. Несколько примеров: *хвя* – «собака», *хив* – «орех», *хуху* – «старушка», *хасият* – «привычка», *хабар* – «сказка, рассказ», *кабухес* – «принести», *ихтияр* – «допуск, разрешение», *рахле* – «редко, вдруг», *кулеха* – «браслет», *хапле* – «неожиданно», *халкъ* – «народ», *кархес* – «поступить» и т.д.

Фарингальные

ХI – фарингальный, глухой, краткий, аспирированный спиринт мекегинского диалекта. С.Н. Абдуллаев [1954: 25] относит его к звонким,

Ш.Г. Гаприндашвили [1966: 83] – к глухим. Кроме того, в научной литературе существует целый ряд и других противоречий [Абдуллаев З.Г. 1993: 119] относительно природы и функционирования фарингального спира́нта хI. Так, например, С.Н. Абдуллаев [1954: 27] полагает, что звук хI, как и согласный гI, в акушинском диалекте встречается исключительно в соседстве с гласными среднего и нижнего подъёма, т.е. только в соседстве с гласными е(э), а, э, но ни в коем случае в соседстве с гласными верхнего подъёма и и у. С таким утверждением, естественно, трудно согласиться, ибо языковые факты не подтверждают его.

Приведём некоторые из них: *хIу* «ты», *хIули* «глаз», *хIула* «колесо», *пухI* «пыль», *мухIли* «рот», *хIи* «кровь», *лехIи* – «ухо», *хIуяб* – «летом» и т.д. А также другие случаи функционирования: *нехI* – «сыворотка», *хIеб* – «могила», *гIяхI* – «польза», *хIяка* – «дублёнка, шуба», *мяхIкамукIес* – «опасаться», *ваяхI* – «мебель», *яхI* – «сила воли» и т.д.

Ларингальные

Гь – ларингальный аспирированный глухой спира́нт мекегинского диалекта. Является дистинктивной фонологической единицей. Встречается во всех позициях и дистрибуциях. Образуется выдыханием артикуляционного воздуха из лёгких через свободную и открытую гортань. В силу такой артикуляции спира́нт гь является глухим во всех позициях и дистрибуциях, поэтому не адекватным представляется положение, согласно которому «спира́нт гь между гласными часто теряет глухость и озвончается. Этим этот спира́нт отождествляется с гласным звуком» [Гаприндашвили 1966: 86]. Тут, очевидно, имеет место присвоение глухому спира́нту гь свойств окружающих его гласных [Абдуллаев З.Г. 1993: 121].

Если следовать этому принципу, то ошибочным может оказаться и положение, согласно которому при артикуляции спира́нта гь «губы находятся в индифферентном положении» [Гаприндашвили 1966: 86], так как перед лабиальными гласными, в частности, перед гласным у, при артикуляции

спиранта ɣ̥ губы как бы округляются и вытягиваются вперед. Но это фактически свойство гласного ʊ, а не спиранта ɣ̥. По отношению к последнему утверждение об индифферентном положении губ остаётся верным. Спирант ɣ̥ представлен во всех диалектах и характеризуется единообразием, функционирует в основном в корневых морфемах. Приведём некоторые иллюстрации к ларингальному глухому спиранту ɣ̥: *ɣ̥иɣ̥* – «дыхание», *ɣ̥ими* – «желчь, зло», *ɣ̥уни* – «дорога», *меɣ̥* – «железо», *ɣ̥ава* – «воздух», *ɣ̥ве* – «семена», *ɣ̥унар* – «подвиг», *ɣ̥арах̣̌ле* – «далеко», *ɣ̥аргле* – «открыто» и т.д. «Здесь необходимо ещё раз напомнить о том, что в мекегинском диалекте функционально не представлен среднеязычный х̣̌, и во всех словах и позициях, где в других даргинских диалектах и в литературном языке функционирует звук х̣̌, в мекегинском диалекте его полностью заменяет ларингальный глухой спирант ɣ̥» [М/-Ш.А. Исаев 1996-1997: 68].

Аффрикаты

Переднеязычные

Ц – переднеязычная зубно-альвеолярная глухая аффриката мекегинского диалекта, характерна для всех диалектов и говоров даргинского языка. В диалектном отношении артикуляционных отличий не имеет и характеризуется единообразием. При образовании аффрикаты *ц* спинка переднего языка смыкается с нёбом в области оснований верхних зубов, а в последующем это смыкание переходит в щель.

Встречается во всех позициях и дистрибуциях. Несколько примеров: *ца* – «один», *ваца* – «мышь», *цула* – «зуб», *унц* – «вол», *арц* – «деньги», *урцул* – «дрова», *буцес* – «поймать», *берцес* – «порубить» и т.д.

Цц – переднеязычная зубно-альвеолярная глухая абруптивная аффриката мекегинского диалекта. В научной литературе носит ещё название «смычно-гортанной аффрикаты» (Е.А. Бокарёв, Ш.Г. Гаприндашвили). Если

принять во внимание, что аффриката обычно понимается как полусмычный, полущелевой или смычно-щелевой звук, то название аффрикаты ɟl «смычно-гортанной» представляется не совсем точным, так как в этом названии не получила своего отражения щелевая рекурсия данного согласного, не совсем понятна также «гортанность» данной переднеязычной аффрикаты. [Абдуллаев З.Г. 1993: 122].

Этот автор считает, что по отношению к данному согласному более адекватным представляется термин «непридыхательность», как и к nl и ml. Эту адекватность и следует иметь в виду в дальнейшем использовании термина «абруптив». Встречается как в мекегинском, так и во всех даргинских диалектах с единообразной артикуляционной характеристикой, функционирует как в корне, так и в аффиксальных морфемах. Теперь несколько примеров с аффрикатой ɟl: ɟla – «огонь», ɟleryɟl – «кузнечик», ɟluɟli – «зерно», beɟl – «волк», muɟlur – «борода», ɟluɟeri – «свежий воздух», ɟlak – «сила», buɟlardes – «жара», vaɟla – «лес», ɟludara – «чёрный», ɟlum – «стон» и т.д.

ɟz – переднеязычная, зубно-альвеолярная, звонкая, двухфокусная аффриката мекегинского диалекта. В современном алфавите даргинского языка передаётся через з, так как для её обозначения нет специальной буквы. В научной литературе по даргинскому языку об аффрикате ɟz существуют довольно противоречивые толкования. Но наличие звонкой аффрикаты ɟz в мекегинском диалекте не подвергается сомнению. Встречается в ограниченном количестве слов, функционирует в разных позициях и дистрибуциях.

Приведём несколько примеров: ɟze – «соль», ɟzab – «дождь», baɟz – «луна, месяц», medɟz – «язык, речь», uɟzi – «брат», idɟzala – «болезнь», kɟuɟzbarɟes – «воткнуть», kɟundɟzala – «похождения» и т.д.

ɟ – переднеязычная альвеолярная глухая аффриката мекегинского диалекта. Существует во всех диалектах даргинского языка. Функционирует как самостоятельная фонема во всех позициях и дистрибуциях. По своим

артикуляционным особенностям глухая аффриката ц весьма похожа на звонкую аффрикату дж.

По свидетельству Ш.Г. Гаприндашвили [1966: 145] «дентограммы нижних зубов при аффрикате ц в диалектах даргинского языка не отличаются от дентограмм аффрикаты дж», «...артикуляционная смычка осуществлена посредством упора спинки задней части переднего языка в основании альвеол верхних резцов». Несколько примеров с аффрикатой ц: цум – «сколько», вацар – «торговля», царма – «бочка», къаца – «телёнок», цягъир – «вино», цяцма – «дробь», лацин – «сокол», цумиздаг – «финик» и т.д.

Ч – переднеязычная, альвеолярная, двухфокусная, шипящая, палатализованная, абруптивная аффриката мекегинского диалекта. «Понятие «абруптивности» носит здесь, как и относительно аффрикаты ц, условный характер, исключая «гортанность» данной аффрикаты и предполагая её отнесённость к группе непридыхательных согласных» [Абдуллаев З.Г. 1993: 124]. Аффриката ч представлена во всех диалектах даргинского языка, функционирует как самостоятельная фонема во всех позициях, как в корневой, так и в аффиксальной морфемах, а также и в консонантных комплексах: чимичIала – «ресница», чIар – «крик», чIикIа – «цыплёнок», чIанкIа – «половик, лысый», чIанIа – «плоский», чIукъай – «худой», чIар – «крик» и т.д. В мекегинском диалекте и в литературном языке имеет совершенно одинаковые артикуляционные характеристики.

Дж – переднеязычная альвеолярная звонкая аффриката мекегинского диалекта. В современном даргинском языке нет для её обозначения специальной буквы и передаётся через ж.

В научной литературе по даргинскому языку об аффрикате дж, как и об аффрикате дз, существуют разноречивые мнения по поводу наличия этой аффрикаты в некоторых диалектах, например, в диалектах цудахарского типа. Наличие аффрикаты дж в мекегинском диалекте сомнению не подвергается. Несколько примеров из мекегинского диалекта: джан – «душа,

жизнь», *джинс* – «род, порода», *дердж* – «напиток», *джал* – «спор», *дерджес* – «выпить», *джагыл* – «молодой» и т.д.

Увулярные

Хъ – увулярный смычно-взрывной согласный мекегинского диалекта. Ш.Г.Гаприндашвили [1966: 157] относит его к аффрикатам. В таблице согласных *хъ* числится среди аффрикат и у С.Н. Абдуллаева [1954: 25]. А.А. Магометов относит его к смычно-взрывным согласным [1963: 46].

З.Г. Абдуллаев отмечает, что ни С.Н. Абдуллаев, ни А.А. Магометов не дают характеристики артикуляционных особенностей фарингального *хъ*, хотя на этот счёт придерживаются несколько разных взглядов. У Ш.Г. Гаприндашвили [1966: 157] относительно согласного *хъ* вполне совмещаются понятия «смычно-взрывной» и «аффриката». Автор так и называет его: «фарингальная смычно-взрывная аффриката».

Вместе с тем у автора читаем: «Задний язык, артикулируя по направлению к задней стенке фаринкса, прижимает занавес мягкого нёба и язычок к задней стенке фаринкса. По-видимому, это обстоятельство играет существенную роль в появлении специфического трения фонационного потока об стенки артикулирующих органов, вследствие чего *хъ* является аффрикатой» [Гаприндашвили 1966: 157].

Совмещение понятий «взрыв» и «трение фонационного потока» по отношению к одному и тому же звуку абсурдно, по логике вещей они должны исключить друг друга.

Так же, как и З.Г. Абдуллаеву, отнесение согласного *хъ* к группе смычно-взрывных согласных представляется нам наиболее правильным.

Артикуляция данного согласного в даргинском языке (как в литературной норме, так и в мекегинском диалекте) характеризуется взрывом фарингальной смычки и отсутствием щелевой рекурсии, стало быть, и трения фонационного потока.

Хъ – представлена во всех диалектах даргинского языка, характеризуется артикуляционным единообразием, встречается в различных позициях и дистрибуциях: хъали – «дом, комната», хъу – «поле, пашня», хъвя – «клятва», мухъи – «ячмень», хъябхъя – «град», дахъал – «много», дурахъес – «выйти», дахъдаахъес – «размножить», хъутуръала – «ропот», хъулга – «рябой», дурхъай – «дорогой» и т.д.

Къ – увулярный смычно-взрывной абруптив мекегинского диалекта. Ш.Г. Гаприндашвили [1966: 163] смычно – взрывной къ, так же, как и хъ, называет аффрикатой, хотя при его артикуляции, как утверждает З.Г. Абдуллаев [1993: 106] фиксируется взрыв, а не щелевая рекурсия.

Аффриката къ функционирует в корневых морфемах, встречается в разных позициях, характерна всем диалектам даргинского языка и литературному языку: къвял – «корова», къацI – «хлеб», къям – «тарелка», къалам – «карандаш», мякъ – «корень», уркълай – «окно», къаси – «порог», садакъа – «милостыня», къицIдаркъес – «подстричь», къабуликес – «поладить, согласиться», къум – «косточка», къулса – «ложка», къям-кIуцIул – «посуда» и т.д.

Къ – увулярный звонкий смычно-взрывной согласный мекегинского диалекта. Данный согласный Ш.Г. Гаприндашвили [1966: 155] также называет смычно-взрывной аффрикатой, но в его сводной таблице классификации согласных звуков он представлен не как аффриката, а как мгновенный звонкий смычно-взрывной [1966: 170].

Он отличается частотностью употребления, ср.: къвянкъ – «нос», къаркъа – «камень», къакъ – «спина», къуруш – «рубль», къулбас – «подпись», къантIа – «короткий», къвялкъи – «коса», къаршиикес – «встретиться кому-то», къазан сапун – «хозяйственное мыло». По способу и месту своего образования согласные мекегинского диалекта даргинского языка могут составить примерно такую классификационную таблицу:

Таблица 2.

Консонантная система мекегинского диалекта

По способу образования По месту образования	шумные								сонорные	
	Смычные			аффрикаты			спиранты		Оральные	Насальные
	звонкие	глухие	абруптив	звонкие	глухие	абруптив	звонкие	глухие		
Губные	<i>б</i>	<i>п</i>	<i>пI</i>				<i>в</i>	<i>ф</i>		<i>м</i>
Зубные	<i>д</i>	<i>т</i>	<i>тI</i>	<i>дз</i>	<i>ц</i>	<i>цI</i>	<i>з</i>	<i>с</i>	<i>л</i>	<i>н</i>
Шипящие				<i>дж</i>	<i>ч</i>	<i>чI</i>	<i>ж</i>	<i>ш</i>	<i>р</i>	
Среднеязычные							<i>(з)</i>		<i>й</i>	
Заднеязычные	<i>г</i>	<i>к</i>	<i>кI</i>							
Увулярные				<i>кь</i>	<i>хь</i>	<i>кь</i>	<i>гь</i>	<i>х</i>		
Фарингальные	<i>гI</i>							<i>хI</i>		
Ларингальные	<i>ъ</i>							<i>гь</i>		

Лабиализованные согласные

В акушинском диалекте, который положен в основу литературного даргинского языка, согласные не лабиализуются. В даргинском языке нет таких согласных, которые лабиализуются всегда [Абдуллаев С.Н. 1954: 51]. В результате проведённых исследований выяснено, что лабиализация согласных встречается в мекегинском диалекте. З.Г. Абдуллаев [1993: 184] отмечает, что «Лабиализованные согласные в даргинском языке имеют широкое распространение. За исключением акушинского диалекта, принятого за основу литературной нормы, лабиализованные согласные характерны для всех диалектов даргинского языка».

«Суть лабиализации согласного заключается в осложнении нелабиализованного звука дополнительной губной артикуляцией» [Селимов, Ашурбекова 2004: 13].

По мнению А.А. Магометова [1953: 404], «обычно лабиализованные звуки даргинского языка – заднеязычные и фарингальные». Это верно касательно арбукского диалекта, но это обобщение не подходит для всего даргинского языка, так как, например, в хюркилинском диалекте среди лабиализованных согласных наблюдаются даже губно-губные бв, пв и сонорный мв. Что касается мекегинского диалекта, то в нём встречаются заднеязычные, увулярные, фарингальные, переднеязычные и ларингальные лабиализованные согласные.

В своей работе «Мекегинский диалект даргинского языка» М.-Ш.А. Исаев [1996-1997: 104] в данном диалекте выделяет семь лабиализованных согласных: гв, кв, чв, к'в, к'ьв, г'в, шв, но в целом он приводит примеры двенадцати лабиализованных согласных (вместе с г'ьв, хв, х'ьв, г'ььв, ч'в). Нами в описываемой речи выявлено 13 лабиализованных согласных, в число которых входит ранее не упомянутый исследователями увулярный лабиализованный звонкий [к'ььв].

К заднеязычным лабиализованным мекегинского диалекта относятся согласные: гв, кв, кIв, ср.:

Мекег.:	Лит.:
<u>Гв</u> :	
<u>гвондза</u> - «земля»	<u>ванза</u>
<u>гвягI</u> - «запах»	<u>гягI</u>
<u>гIягво</u> - «лоскуток, тряпка»	<u>гIяга</u>
<u>Кв</u> :	
<u>квошин</u> - «шумовка»	<u>кашин</u>
<u>кворагво</u> - «абрикос»	<u>куреха</u>
<u>квони</u> - «живот»	<u>кани</u>
<u>квяквон</u> - «слива»	<u>кякян</u>
<u>никво</u> - «ноготь»	<u>ника</u>
<u>КIв</u> :	
<u>кIвентI</u> - «губа»	<u>кIентI</u>
<u>кIвел</u> - «два»	<u>кIел</u>
<u>кIвилизанте</u> - «двойня»	<u>кIилизанти</u>

К увулярным лабиализованным мекегинского диалекта относятся согласные: къв, хъв, кьв, гьв, хв, ср.:

Мекег.:	Лит.:
<u>Къв</u> :	
<u>къвялкъи</u> - «коса»	<u>къялкъя</u>
<u>къвяр</u> - «ряд»	<u>къяй</u>
<u>къвянкъ</u> - «нос»	<u>къянкъ</u>
<u>къвянари</u> - «кувшин»	<u>къянари</u>
<u>къвяджа</u> - «маленький чурек»	<u>къяжа</u>
<u>Хъв</u> :	
<u>хъвянтIа</u> - «затылок»	<u>хъянтIа</u>
<u>хъвярбе</u> - «груши»	<u>хъярби</u>
<u>хъвя</u> - «клятва»	<u>хъя</u>

Къв:къвонги – «сундук»къаникъвял – «корова»къялкъволтен – «ковёр»къалтенГъв:гъвярци – «тонкий, узкий»гъярцидагъво – «петух»дагъаХв:хвя – «собака»хяхвоса – «пыль»хясахволал – «большой»халаси

О наличии ларингальных и фарингальных лабиализованных [ɟи, ɟве] в мекегинском диалекте можно судить по следующему иллюстративному материалу: биги – «украва», беги – «посеяв», бигъво – «связав», кабигъво – «лѐжа», усагъво – «заснув», бишагъво – «успокоившись (о болезнь), гъве – «семена», балгъвес – «растаять» и т.д.

К альвеолярным (переднеязычным) лабиализованным согласным мекегинского диалекта относятся чв, чи, шв: бачво – «разбив», белчи – «прочитав», бачи – «раздавив», швел – «пять», башво – «замесив (тесто)».

Звуковые процессы в системе гласных

Чередование гласных в мекегинском диалекте даргинского языка большей частью имеет грамматическую значимость: чередование гласных в глаголе даёт виды глагола, чередование гласных в основе имени существительного вместе с суффиксом или без него образует падежи, множественное число, или из существительного образует наречие и т.д. Этот процесс в лингвистике известен как аблаут, который в морфонологической системе даргинского языка при образовании форм множественного числа

играет заметную роль. «Морфонологическое чередование гласных носит категориальный характер, оно здесь прослеживается, как правило, при образовании форм определённых грамматических категорий – видовременных форм глагола и форм категорий числа и падежа имени» [Абдуллаев З.Г. 1993: 164].

При склонении имён существительных и местоимений, как в литературном языке, так и в мекегинском диалекте, основа иногда подвергается фонетическим изменениям. Тот или иной гласный основы может выпадать, или чередоваться с другим гласным, равно как и в других диалектах, ср.: мекег. и акуш. *хъали* «комната» - *хъули* «в комнату», *ну* «я» - *наб* «мне», *хIу* «ты» - *хIед* «тебе, са-й» «сам, он» - *сунени* (эргатив.), *сунес* «ему, самому».

Конечный гласный *и* суффиксов множественности в косвенных падежах переходит в *а*. В родительном и частично в дательном падеже в урахинском диалекте вместо *а* мы имеем *е* [Абдуллаев С.Н. 1954: 35]. А в мекегинском диалекте конечный гласный *е* суффиксов множественности в косвенных падежах переходит в *а*, кроме родительного падежа, где мы имеем *е*, ср.: акуш. *адамти* «люди» - *адамтани* (эрг. п.), *адамтала* (род. п.), *кьули* «коровы» - *кьулас* «коровам», *хIуркIби* «реки» - *хIуркIбани* (эрг. п.), *хIуркIбас* (дат. пад.); урах. *адамъули* «люди» - *адамъулеела* (род. п.), *кьвяли* «коровы» - *кьвялеела*, *хIуркIри* «речки» - *хIуркIреела*; мекег. *адамте* «люди» - *адамтани* (эрг. п.) – *адамтас* (дат. п.) *адамтелеа* (род. п.), *кьвяле* «коровы» - *кьвяла* (эрг. п.) – *кьвялас* (дат. п.) *кьвялеела* (род. п.) *хIуркIбе* «речки» - *хIуркIбани* (эрг. п.) - *хIуркIбас* (дат. п.) *хIуркIбела* (род. п.).

Чередование гласных чаще всего встречается при образовании множественного числа, но новые слова, заимствованные из русского языка, чередованию не подвергаются, ср.: мекег. *къаз* «гусь» - *къузре* «гуси», *къям* «чашка» - *къумре* «чашки», но: *партия* «партия» - *партиябе* «партии», *кампут* «компот» - *кампутуне* «компоты».

При образовании несовершенного вида в даргинском языке гласные основы на а, а (я), е часто заменяются звуком и, реже звуком у; иногда же у переходит в и:

Акуш.:

сов.	несов.
<i>в-азес</i> «выкупаться»	<i>в-изес</i>
<i>б-яхъес</i> «ударить»	<i>б-ирхъес</i>
<i>б-ебес</i> «утрамбовать»	<i>б-убес</i>
<i>б-емдес</i> «распухнуть»	<i>б-умдес</i>
<i>б-ухес</i> «принести»	<i>б-ихес</i>
<i>б-укес</i> «привести»	<i>б-икес</i>

Мекег.:

сов.	несов.
<i>б-яхъес</i> «ударить»	<i>б-ирхъес</i>
<i>б-емдес</i> «распухнуть»	<i>б-умдес</i>
<i>каб-ухес</i> «принести»	<i>б-ихес</i>
<i>каб-укес</i> «привести»	<i>б-икес</i>
<i>б-аркъес</i> «сделать»	<i>б-иркъес</i>
<i>гъарбаэс</i> «спросить»	<i>гъарбиэс</i>

Чередование гласных, о котором здесь сказано, встречается во всех диалектах даргинского языка и, в известной мере, оно является регулярным.

Выпадение гласных в мекегинском диалекте, как и в литературном даргинском языке, явление нередкое; во многих случаях его удаётся подвести под определённые правила. Выпадение гласных наблюдается как в конце слов, так и в середине, в связи со словообразованием и словоизменением. Главным образом выпадение происходит на стыке морфологических частей одного и того же слова между префиксом и корнем глагола, между двумя основами сложного слова, перед суффиксом, между двумя суффиксами, но бывает и так, что гласный выпадает из середины непроизводного слова.

В мекегинском диалекте частица цад имеет два варианта: цад и цада, ср.: *Рубцада яхIбаркья*. – «Терпи, сколько сможешь»; *Иш цад хволабаиб*. – «Вот настолько вырос». Суффикс исходного падежа имеет два фонетических варианта ад и ада: *хъулибад* и *хъулибада* – «из дома, из комнаты», *кинад* и *кинада* – «откуда».

В мекегинском диалекте в суффиксе эргатива ни гласный и выпадает регулярно:

<u>Мекег.</u>		<u>Акуш.</u>
<i>ГЯлин</i>	«Али», муж. имя в эргативе	<i>ГЯлини</i>
<i>ХIяджин</i>	«Гаджи», муж. имя в эргативе	<i>ХIяжини</i>
<i>нун</i>	«я» в эргативе	<i>нуни</i>
<i>хIун</i>	«ты» в эргативе	<i>хIуни</i>

В мекегинском диалекте при образовании множественного числа исходный гласный основы иногда выпадает. Перед показателями множественности ре, бе, не он выпадает в двухсложных существительных (не всегда, но часто), ср.: *гIена* «плита» – *гIенбе*, *цула* «зуб» – *цулбе*, *хIули* «глаз» – *хIулбе*, *рурси* «девочка, дочь» – *рурсбе*, *кIана* «платок» – *кIанбе*, *хъали* «дом» – *хъулре*, *кIанIи* «лист» – *кIанре*, *кIамIа* «лопата» – *кIамIне*, *хIула* «колесо» – *хIулре*, *дерхIе* «мальчик, сын» – *дерхIне*, *къаркья* «камень» – *къаркьбе*, *къвяджа* «маленький круглый чурек» – *къвяджне*, *галги* «дерево» – *галгбе*, но: *карта* «карта» – *картабе*, *кьукья* «колени» – *кьукьубе* и т.д.

Перед показателями множественности ме, лумбе, румбе (мекег.) в двухсложных и некоторых других существительных гласный выпадает (не всегда), чаще происходит замена комплексов ла (с выпадением предшествующей гласной) и ри (без выпадения предшествующей гласной) комплексами лумбе, румбе: *шури* «скала» – *шурме*, *валри* «верблюд» – *валрумбе*, *чури* «коса» – *чурме*, *дабри* «обувь» – *дабрумбе*, *зугIада* «беда» – *зугIлумбе* и т.д.

Также и перед показателем множественности те (мекег.) в многосложных существительных (только в исконно даргинских словах), но помимо выпадения, происходит чередование а-у, ср.: мекег махсара «шутка» - махсурте, къвянари «кувшин» - къвянурте и т.д.

В формах падежей конечный гласный, идущий после р, большей частью выпадает (не всегда): шухIяри «желобок» - шухIярла (род. п.), чIухIяри «челнок» - чIухIярла (род. п.), уткури «невеста» - уткурли (эргатив.), зубари – «звезда» - зубарила (род. п.) и т.д.

В показателе множественности те в названиях народностей гласный е выпадает: губдалунт – «губденцы», магъикунт – «хуторяне».

В мекегинском диалекте, как и в литературном языке при прибавлении словообразовательного суффикса к прилагательному с окаменелым суффиксом а – а выпадает: цIуба «белый» - цIубдеи «белизна» - цIубле «бело» (наречие), цIудара «чёрный» - цIудардеи «чернота» - цIудалле «черно» (наречие), гъанцIа «синий» - гъанцIдеи, гъанцIле и т.д.

В окончаниях эргатива и родительного падежа перед союзом ра в мекегинском диалекте а, и иногда опускаются: хIунра нунра «ты и я» вместо хIунира нунира, хIелра дилра (в песнях) вместо хIелара дилара «твой и мой». В слове кIвилинра «оба» выпадение и происходит обязательно (кIвилинира).

При прибавлении к вспомогательному глаголу саби (сари) суффикса временного деепричастия хIеле гласный и выпадает: ит саби «оно есть» - ит сабхIеле «раз оно есть».

В мекегинском диалекте при прибавлении суффикса родительного падежа прилагательного ла к суффиксу хIеле гласный этого суффикса выпадает: итхIеле «тогда» - итхIелла «тогдашний», вакIибхIеле «когда пришёл» - вакIибхIелла. Но иногда здесь происходит фонетическое изменение, которое имеет место в случаях стечения двух л, т.е. оба л выпадают: вакIибхIеле «когда пришёл» - вакIибхIе.

В суффиксе алра «хотя, хоть» первый гласный а выпадает: итини «он, им» - итиниалра - итинилра «хотя бы он», сунени «он (она) сам (сама)» -

сунениапра - *суненилпра* «хотя бы он (она) сам (сама)», *дабри* «обувь» - *дабриапра* - *дабрилпра* «хотя бы обувь».

Между именной частью и вспомогательным глаголом исходный гласный именной части или начальный гласный глагола часто выпадает: *урудзкиес* «стесняться» (*урудз*, *укиес*), *декараббаркьес* и *декарбаркьес* «разлучить», *багьарибиэс* и *багьариэс* «очутиться».

При повторении наречия с суффиксом ле и прилагательного с суффиксом ил для образования удвоенных новых прилагательных и наречий эти суффиксы выпадают факультативно: *ахьил* «высокий» - *ахь-ахьил* «высоковатый, более высокий», *ахьле* «высоко» - *ахь-ахьле* «повыше» *декарил* «другой, отдельный» - *декар-декарил* «чуть другой», *декалле* «отдельно» - *декар-декалле* «отдельно друг от друга», *буклулил* «тонкий» - *буклул-буклулил* (*гьуна*) (который) более тонкий, *дуклulle* «тонко» - *дуклул-дуклulle* «тоньше». В разговорной речи могут выпадать оба суффикса: *дуклул-дуклул даркьа* (о лепёшках) «сделай потоньше».

Наращение гласных характерно для мекегинского диалекта, как и другие фонетические процессы, но гласные, участвующие в них иногда отличаются от гласных, участвующих в звуковых процессах литературного языка. Например, при наращении гласных на стыке морфем появляется и, а не а, ср.: мекег. *ит* (он) – *итила* (его) и лит. *ит* «он» - *ита-ла* «его», мекег. *иш* (тот, который рядом) – *ишила* (этого) и лит. *иш* - *иша-ла* и т.д.

Звуковые процессы в системе согласных

Система согласных мекегинского диалекта даргинского языка характеризуется рядом звуковых процессов. К таким, в частности, относятся выпадение, наращение, замещение, ассимиляция, диссимиляция и метатеза.

Выпадение согласных. Об этом процессе З.Г. Абдуллаев[1993: 128] писал: «Процесс выпадения согласных в даргинском языке носит фономорфологический характер. Выпадение согласных или комплекса

согласных в основном наблюдается при образовании коррелятивных видовых основ глагола, форм деепричастий, при образовании косвенных падежей (чаще: эргативного и родительного) и т.д. Процесс выпадения не является однородным по позиции, занимаемой согласными или комплексами согласных, которые подвергаются этому процессу. Здесь наблюдаются случаи апокопы, синкопы, афerezиса, элизии и др. Следует отметить, что круг согласных, которые подвергаются выпадению, довольно ограничен. Это в основном сонорные согласные л, н, р. Важно также подчеркнуть, что процесс выпадения согласных сопровождается другими фонетическими явлениями: заменой смежного звука или звукового комплекса другим, транспозицией звуков, манифестацией фонем и т.д.».

Процесс выпадения согласных в мекегинском диалекте носит также фонеморфологический характер и его можно наблюдать при образовании основы несовершенного вида из совершенного. Выпадает вибрант р перед корневым согласным, замещается также префиксальный классный показатель: *бердес* – «скосить» - *удес* (несоверш.), *бертес* «свернуться» - *утес* (несоверш.) и т.д. В этих примерах наблюдается не только выпадение р и варьирование префиксального классного показателя, но и аблаутное чередование гласных е и у. Получается как бы замена звукового комплекса *бер* гласным у. Когда в аналогичном звуковом комплексе участвует гласный и, то в форме несовершенного вида он остаётся неизменным, хотя происходит выпадение тех же р и б, ср.: *бирзес* «подойти» - *изес* (несоверш.), *биркъес* «вскопать» - *икъес* (несоверш.). Аналогично сохраняется и гласный у, ср.: *бурдес* «износиться» - *удес* (несоверш.)

В мекегинском диалекте также встречаются случаи, когда при образовании форм несовершенного вида выпадает р и гласный е заменяется гласным у, но префиксальный классный показатель остаётся, не выпадает и не замещается, ср: *беркес* «съесть» - *букес* (несоверш.), *бергес* «съесть» - *бугес*, *берджес* «выпить» - *буджес*, *берхъес* «плодоносить» - *бухъес*.

В этих примерах представлена как бы замена звукового комплекса *бер* комплексом *бу*. Есть случаи выпадения *л* и чередования *е-у*: *белчлес* «прочитать» - *бучлес*. При образовании несовершенного вида глагола представлены также случаи, когда комплекс *бел* заменяется комплексом *лу*, т.е. наблюдается выпадение префиксального классного показателя, аблаутное чередование гласных *е* и *у* с транспозицией следующего за ними согласного *л*: *белклес* «написать» - *луклес*, *белсес* «завить, закучерявить» - *лусес*, *белкьес* «смолотить» - *лукьес*. З.Г. Абдуллаев [1993: 130] объясняет эти процессы следующим образом: «По всей вероятности единственной причиной выпадения вибранта *р* и замещения префиксального классного показателя в приведённом материале является образование коррелятивных видовых форм глагола. Кстати, при образовании видовых форм наблюдаются и другие процессы: наращение, замена, транспозиция звуков и звуковых комплексов».

Отметим здесь ещё несколько случаев выпадения согласных в мекегинском диалекте. Этот процесс довольно широко представлен при образовании форм родительного падежа в словах, оканчивающихся в номинативе на *л*, *н*, *ли*, *ла*. Эти конечные согласные и звуковые комплексы при образовании родительного падежа выпадают, ср.: *гьунул* «жена» - *гьуна*, *кьвяд* «корова» - *кьвя* (*ниъ*), *тlал* «столб» - *тlа*, *хlяйван* «скотина» - *хlяйва* (*диъ*), *хъали* «дом, комната» - *хъа* (*вегl*), *дихlибала* «молитва» - *дихlиба* (*хъали*) и т.д.

Помимо выпадения сонорных в мекегинском диалекте можно наблюдать также выпадение классных показателей. В этой связи, прежде всего, следует отметить неустойчивость и тенденцию исчезновения показателя мужского класса губно-губного спиранта *в* перед гласным *у* в начальной позиции. Например: *улхъес* – «танцевать» (ср. *рулхъес*, *булхъес*), *укес* «кушать» (ср. *рукес*, *букес*), *уджес* «пить» (ср. *руджес*, *буджес*), *умсес* «уоставать» (ср. *румсес*, *бумсес*), *удзи* «брат» (ср. *рудзи* «сестра») и т.д. «Выпадение классного спиранта *в* перед гласным *у* в начальной позиции, т.е. нехарактерность их сочетания в этой последовательности (*в+у*)

обусловливается, очевидно, близостью свойств их лабиальной артикуляции и степенью лабиальной округленности этих звуков, хотя обратный порядок их сочетания (у+в) вполне приемлем для языка. Ср. *увухъес* «освободиться», *увацъес* «исчезнуть», *увасес* «убрать, снять» и т.д.» [Абдуллаев С.Н. 1954: 135].

В мекегинском диалекте после превербов *а*, *ка*, *ке*, *са*, *кев*, *гъав*, *гъала*, *гъела*, *ухъна*, *дура* возможно выпадение спиранта *в*, но не всегда: *гъаввакъес* «навестить», *кеввакъес* «заблудиться», *каэс* «дойти вниз» (ср. *караэс*, *кабаэс*), *кеэс* «увидеть» (ср. *кераэс*, *кебаэс*), *саэс* «дойти сюда» (ср. *сараэс*, *сабаэс*), *ухънаухъес* «войти» (ср. *бухънаухъес*), *гъелаухъес* «отстать» и т.д.

После отрицательной частицы *хъе* и запретительной частицы *ма* в мекегинском диалекте наблюдается выпадение комплекса *в* + *гласный*, следующий за ним, ср.: *вакъес* «придти» - *хъекъес* «не придти», вместо *хъевакъес*; *вакъаб* «пусть придёт» - *макъаб* «пусть не приходит», вместо *мавакъаб* и т.д.

Наращение согласных в мекегинском диалекте даргинского языка также является морфонологическим процессом. Оно связано в основном с образованием коррелятивных видовых форм глагола, имеющих в большей степени грамматическую значимость. «В отличие от выпадения, процесс наращения не сопровождается какими-либо примечательными изменениями окружающими звуковые единицы» [Абдуллаев С.Н. 1954: 141]. Согласными, характеризующими процесс наращения, являются латеральный *д*, вибрانت *р*, среднеязычный *й*. Например: *басес* «замазать» - *бадсес* «замазывать», *батес* «оставить» - *бадтес* «оставлять», *кабатес* «посадить» - *кабадтес* «сажать», *бахъес* «ударить» - *бирхъес* «ударять», *буцес* «поймать» - *бурцес* «ловить», *касес* «взять» - *кайцес* «брать», *кацъес* «наступить» - *кайцъес* «наступать», *дуцъбухъес* «побежать» - *дуцъбулхъес* «бежать» и т.д.

В мекегинском диалекте, как и в акушинском и хюркилинском диалектах, в одной форме несовершенного вида наблюдается наращение заднеязычного абруптива *къ*, ср.: *эс* «сказать» - *укъес* «говорить».

В мекегинском диалекте глаголы хес «принести», кес «привести», гес «дать» для выражения аспектуальной оппозиции присоединяют к начальной позиции разные звуковые комплексы: би, кабу, арбу, лу. Глаголы хес и кес могут принять комплексы би, кабу, арбу, ср.: бихес «носить», кабухес «принести», арбухес «отнести», бикес «водить», кабукес «привести», арбукес «отвести». Глагол гес, выполняя функции формы совершенного вида, противопоставляемую форму несовершенного вида образует присоединением комплекса лу, ср.: гес «дать» – лугес «давать».

Процесс замещения согласных в мекегинском диалекте протекает так же, как и в литературном языке. А в литературном языке есть по этому поводу некоторые разногласия. С.Н. Абдуллаев [1954: 54] утверждал: «Чередование согласных наблюдается лишь в диалектах цудахарской группы. Что касается других диалектов, то здесь такого чередования нет, если не считать единственный случай перехода кI в глаголе совершенного вида вакIес «прийти» в ш в несовершенном виде вашес «ходить». З.Г. Абдуллаев считает такую трактовку неадекватной в силу наличия доказательств гетерогенности данных согласных, т.е. междиалектного чередования кI – чI, ш – хь. Данный процесс охарактеризован им как замещение согласных, представленный довольно ограниченным материалом, как в отношении соотносимых звуковых единиц, так и в отношении иллюстрирующих их словесных форм. В качестве замещающихся звуковых единиц З.Г. Абдуллаевым [1993: 147] засвидетельствованы, характерные также и для мекегинского диалекта, гь – д, кI – ш в противопоставляемых видовых формах глаголов багъес – балес «узнать – узнавать», бакIес – башес «прийти приходить». Их очевидной функцией является противопоставление видовых форм глагола.

В этой связи, З.Г. Абдуллаеву довольно соблазнительной представляется аналогия некоторых форм аспектуальной оппозиции, в которых как бы в качестве взаимозамещающих звуковых единиц выступают, с одной стороны, показатель денотата мужского класса имён, с другой –

нейтральная, в отношении классной дифференциации имён, звуковая единица. В мекегинском диалекте, как и в литературном даргинском языке в роли первой выступает й, в роли второй – л и р, ср.: мекег. *кайгьес* «лечь» – *калгьес* «ложиться», *айзес* «встать» – *алзес* «вставать», *кайкес* «упасть» – *каркес* «падать» и т.д. «По своей роли й и противопоставляемые ему л и р имеют существенное отличие, хотя выполняют ту же функцию дифференциаторов видовых форм, что и гь-л, кл-ш в формах *багьес* – *балес*, *бакьес* – *башес*. Отличие это обусловлено наличием у й дополнительной функции и отсутствием таковой у л и р. Такой дополнительной функцией у й является выражение денотата мужского класса имён. Ср. соответствующие формы денотатов женского класса имён: *каригьес* – *карилгьес*, *аризес* – *арилзес*, *карикес* – *карикьес*» [Абдуллаев С.Н. 1954: 147].

Ассимиляция согласных в мекегинском диалекте наблюдается главным образом в отношении звуков сонорных р, л, н, м и отчасти между звуком б и сонорными н, м. В акушинском диалекте наблюдается лишь регрессивная ассимиляция между р и л, ср.: *мар* «правда» – *марле* «правдиво, правильно, серьёзно?» (произносится *малле*), *кьар* «трава» – *кьарли* (*кьалли* эргатив.), *декларил* «отдельный, другой» – *декарле* «отдельно, по-другому» (произносится *деклалле*, *деклар-деклалле*)

Что касается сочетания лр, то в мекегинском диалекте эти звуки друг другу не ассимилируются: *кьвал* «корова» – *кьвалдра* «и корова», *млал* «столб» – *млалдра* «и столб» и т.д.

Что касается звуко сочетания лн, то С.Н. Абдуллаев [1954: 60] пишет, что здесь в настоящее время ассимиляции не наблюдается ни в одном диалекте. Но такая ассимиляция в звуко сочетании лн имеет место в «окаменелой» форме составных числительных от 31 до 99, ср.: мекег. *хлябцлале* «30» – *хлябцланну цара* «31», *авцлале* «40» – *авцланну шура* «45» и т.д.

В мекегинском диалекте звуко сочетание бм слышится, как мм, звуко сочетание нб слышится, как мб (регрессивная ассимиляция): *ваклуб*

«пришёл» - *вакIибмад* «как только пришёл» (говорим: *вакIиммад*), *къяна* «ложь» - *квянбе* «много лжи» (говорим: *квямбе*) и др.

В акушинском и в мекегинском диалектах имеется своеобразное явление диссимиляции: показатель множественности *луми* (в мекег. *луме*) после согласной *л* основы принимает форму *руме*, ср.: мекег. *къала* «крепость» - *къалруме*, *ула* «сито» - *улруме* и т.д.

В мекегинском диалекте даргинского языка имеется явление, напоминающее диссимиляцию на расстоянии, т.е. один из двух *р* или двух *н* переходит в *л*: *билзин* «бензин», *къаркъала* «тело», *губдалан* «губденец».

В литературном даргинском языке метатеза особенной роли не играет. Здесь можно наблюдать лишь факультативную перестановку звукосочетаний *бр*, *бл* и др. Если сопоставить слова отдельных диалектов, как утверждает С.Н. Абдуллаев [1954: 61], то здесь можно найти ряд слов, где происходит перестановка звуков. Среди примеров метатезы, представленных С.Н. Абдуллаевым, некоторые характерны и для мекегинского диалекта, ср.: мекег. *Ирбагым* и русск. «Ибрагим» (мужское имя), мекег. *агъзин* «ленивый» и акуш. *азгъинси*, мекег. *махсара* «шутка» и акуш. *масхара* и т.д. В мекегинском диалекте также можно наблюдать перестановку звукосочетаний *бм* – *мб*, ср.: *хIябал* «три, тройка» - акуш. *хIябмузан* «треугольник» и мекег. *хIямбузан*.

Звукосоответствия между мекегинским диалектом и литературным языком, а также между мекегинским диалектом и другими диалектами даргинского языка

Акушинскому гласному основы *е* в мекегинском диалекте иногда соответствует *и*, ср.: акуш. *хIе* «кровь» и мекег. *хIи*; акуш. *къел* «черта» и мекег. *къил*; акуш. *гъез* «волос» и мекег. *гъиз* и т.д. Но имеются и исключения: акуш. *кIел* «2», *верхIел* «7», *гехIел* «8», *вецIал* «10» и мекег.

кIвел, йерхIел, гaxIел, йецIал. В ряде случаев акушинскому е основы в мекегинском диалекте мы наблюдаем соответствие звука а(я).

Гласный и имеет целый ряд звукосоответствий. Наиболее характерными являются следующие: е/и-а, у-и, и-у.

Звукосоответствия Е/И-А, А-И

Эти соответствия встречаются в основах ряда наречий, местоимений, существительных и числительных.

	Мекег.	Лит.	
а)	<i>их<u>е</u></i>	<i>их<u>а</u></i>	«туда»
	<i>галг<u>и</u></i>	<i>галг<u>а</u></i>	«дерево»
	<i>гъанн<u>е</u></i>	<i>гъанн<u>а</u></i>	«сейчас»
	<i>иш<u>и</u>ла</i>	<i>иш<u>а</u>ла</i>	«его»
	<i>иш<u>ер</u></i>	<i>иш<u>ар</u></i>	«здесь»
б)	<i>чурмач<u>ал</u></i>	<i>чурмач<u>ил</u></i>	«косами»
	<i>някъбач<u>ал</u></i>	<i>някъбач<u>ил</u></i>	«руками»
	<i>дич<u>ал</u></i>	<i>набч<u>ил</u></i>	«со мной»
	<i>кIапIрач<u>ал</u></i>	<i>кIапIрач<u>ил</u></i>	«с листьями»
	<i>хIушач<u>ал</u></i>	<i>хIушач<u>ил</u></i>	«с вами»

Звукосоответствие У-И

Мекег.	Лит.	
<i>хIеч<u>у</u></i>	<i>хIеч<u>и</u></i>	«к тебе»
<i>унрач<u>у</u></i>	<i>унрач<u>и</u></i>	«к соседу»
<i>битIбукIул<u>е</u></i>	<i>битIбикIул<u>и</u></i>	«тянут»
<i>хIебурар</i>	<i>хIеб<u>и</u>рар</i>	«не смогут, не будет»
<i>букIул<u>е</u></i>	<i>бикIул<u>и</u></i>	«говоря»

У – Я

<i>д<u>у</u>хIи</i>	<i>д<u>я</u>хIи</i>	«снег»
---------------------	---------------------	--------

М.-Ш.А. Исаев [1996-1997: 82-85] пишет, что е – очень активная гласная фонема в мекегинском диалекте, она часто соответствует гласному и литературного языка. Это соответствие обнаруживается:

Е - И

1) в формах местных падежей имён существительных, числительных и местоимений:

Мекег.	Лит.	
<i>хъалке</i>	<i>хъалчи</i>	«на крышу»
<i>нушазе</i>	<i>нушази</i>	«нам»
<i>хІулбазе</i>	<i>хІулбази</i>	«в глаза»
<i>кІвилике</i>	<i>кІиличи</i>	«на две части»
<i>хІеке</i>	<i>хІечи</i>	«на тебя»
<i>дизеб</i>	<i>набзиб</i>	«у меня»

2) в формах множественного числа причастий и прилагательных:

<i>бусуте</i>	<i>бусути</i>	«спящие»
<i>шинишабе</i>	<i>шинишаби</i>	«зелёные»

3) в формах множественного числа имён существительных:

<i>рудзбе</i>	<i>рузби</i>	«сёстры»
<i>мукъре</i>	<i>мукъри</i>	«ягнята»
<i>гавлагуне</i>	<i>гавлагуни</i>	«мешки»

4) в разных формах деепричастий, числительных и наречий:

<i>цацле</i>	<i>цацли</i>	«по-одному»
<i>цІахле</i>	<i>цІахли</i>	«стыдно»
<i>хІябцІале</i>	<i>хІябцІали</i>	«тридцать»
<i>вакІиле</i>	<i>вакІили</i>	«придя»
<i>хІеръиле</i>	<i>хІеръили</i>	«посмотрев»

5) такие соответствия наблюдаются и в личных глагольных формах 2-го лица повелительного наклонения, а также 1-го и 2-го лиц условного наклонения в настоящем и прошедшем времени:

<i>айзе</i>	<i>айзи</i>	«встань»
-------------	-------------	----------

<i>вак<u>л</u>е</i>	<i>вак<u>л</u>и</i>	«приходи»
<i>вак<u>л</u>асл<u>е</u></i>	<i>вак<u>л</u>асл<u>и</u></i>	«если приду»
<i>левр<u>е</u></i>	<i>левр<u>и</u></i>	«был»
<i>укад<u>е</u></i>	<i>укад<u>и</u></i>	«ты поел»
<u><i>Е – Я</i></u>		
<i>г<u>л</u>енц<u>л</u>а</i>	<i>г<u>л</u>янц<u>л</u>а</i>	«глухой»
<i>г<u>л</u>ери</i>	<i>г<u>л</u>яра</i>	«заяц»

«Акушинскому, цудахарскому и урахинскому и в мекегинском диалекте в словах *в-иклес* «говорить», *б-ирес* «бывать», *в-иэс* «мочь, иметь возможность» соответствует у:

Акушин.	Урахин.	Мекег.
<i>в-ик<u>л</u>ес</i> «говорить»	<i>и-к<u>л</u>ис</i>	<i>у-к<u>л</u>ес</i>
<i>б-ир<u>е</u>с</i> «бывать»	<i>б-и<u>р</u>ес</i>	<i>б-у<u>р</u>ес</i>

Это соответствие является характерным для мекегинской группы диалектов даргинского языка, и этим можно отличить эту группу диалектов от других групп» [Абдуллаев С.Н. 1954: 38].

Мекегинским е и я в мугинском диалекте часто соответствует а, а лабиализованным согласным - нелабиализованные:

Мекег.	Мугин.
<i>к<u>ъ</u>вянк<u>ъ</u></i> «нос»	<i>к<u>ъ</u>анх<u>ъ</u></i>
<i>к<u>ъ</u>вянар<u>и</u></i> «кувшин»	<i>к<u>ъ</u>анар<u>и</u></i>
<i>м<u>я</u>х<u>л</u>кам<u>л</u>е</i> «осторожно»	<i>м<u>а</u>х<u>л</u>кам<u>л</u>и</i>
<i>д<u>е</u>г<u>л</u></i> «ветер»	<i>д<u>а</u>г<u>л</u></i>

В суффиксах глаголов *иб*, *ес (эс)* и в некоторых других случаях мекегинским и акушинским и, е(э) в урахинском диалекте часто соответствует широкий гласный а(я).

Мекег.	Урахин.
<i>г<u>л</u>ях<u>ъ</u>и<u>б</u></i> «черпнул»	<i>г<u>л</u>ях<u>ъ</u>я<u>б</u></i>
<i>г<u>л</u>ях<u>ъ</u>ес</i> «черпнуть»	<i>г<u>л</u>ях<u>ъ</u>я<u>с</u></i>

духИ «снег»духИя

Мекегинскому, акушинскому и урахинскому у в кайтагском диалекте иногда соответствует и.

Акуш., урах., мекег.

Кайтаг.

урчи «конь»ирчирудзи «сестра»рициудзи «брат»ици

Почти всегда мекегинскому и акушинскому е основы в урахинском диалекте мы наблюдаем соответствие звука и, а иногда а или о.

Мекег.

Урахин.

бакес «прийти»бакисбецИ «волк»бицИшвел «пять»шволвегИ «хозяин»вагИ

Акушинскому конечному и суффикса прилагательного и причастия си, суффиксов множественного числа и суффикса наречия и деепричастия ли, в цудахарском диалекте соответствуют суффиксы с гласным е, а в мекегинском с гласными а, и, е.

Мекег.

Акушин.

Цудахар.

вайна «плохой»вайсивясевакибил «пришедший»вакибсивачибсеадамте «люди»адамтиадамте

Акушинскому у и губденскому а в усилительной частице соответствует мекегинское о, ср.:

Мекег.

Акушин.

Губден.

лявкулегволявкулегулявулига «идёт же»К-Ч [ке – чи]

«Это соответствие имеет место: 1) в аффиксах местных падежей имён и наречий как результат аффрикатизации исконного согласного компонента ч аффикса перед гласными и, е в литературном языке» [Гасанова 1962: 289].

Мекег.	Лит.	
ду <u>ке</u>	дучи	«на пастбище»
кьукьуба <u>ке</u>	кьукьуба <u>чи</u>	«на колени»

2) Аналогичное соответствие имеет место и в основе слова:

к <u>е</u> баэс	ч <u>е</u> баэс	«увидеть»
к <u>е</u> б-кеббукьес	ч <u>е</u> б-ч <u>е</u> ббукьес	«выкипеть»

Й – С

«В аффиксах причастий и прилагательных литературному с в мекегинском говоре соответствует й как результат озвончения». [Гасанова 1962: 290].

Мекег.	Лит.	
вашу <u>й</u>	вашу <u>си</u>	«приходящий»
джагвой <u>й</u>	жагаси	«прекрасный»

Й – В

й <u>е</u> рхIел	в <u>е</u> рхIел	«семь»
й <u>е</u> бкIес	в <u>е</u> бкIес	«умереть»

ДЖ – РР

Очень интересным является соответствие мекегинского и губденского дж литературному рр, ср.:

Мекег.	Губд.	Лит.	
ле <u>дж</u> е	ле <u>джи</u>	лерри	«мы были, она была»
са <u>джа</u>	са <u>джа</u>	сарра	«я есть» (ж.р.)
а <u>джу</u> ка	а <u>джу</u> ка	аррука	«уведи её»

В некоторых случаях имеет место соответствие мекегинского дж губденскому р и литературному рр, ср.:

рамсуд <u>жа</u>	рамсу <u>ра</u>	рамсур <u>ра</u>	«я устала»
------------------	-----------------	------------------	------------

аризуджа аризура аризурра «я встала»

«В мекегинском диалекте семь лабиализованных звуков: гв, кв, чв, кIв, кьв, гIв, шв. Встречаются они в самых разных позициях. Всем лабиализованным звукам мекегинского диалекта соответствуют нелабиализованные звуки литературного языка» [Исаев 1996-1997; 104]. В этом высказывании сначала говорится про семь лабиализованных согласных, а в примерах им же представлено двенадцать. В параграфе «Лабиализованные согласные» нами представлен ещё один лабиализованный согласный мекегинского диалекта кьв с примерами его функционирования в данном диалекте. Но в высказывании М.-Ш.А. Исаева есть неоспоримый факт соответствия всех лабиализованных согласных мекегинского диалекта нелабиализованным согласным акушинского диалекта, поэтому, считаем возможным представить предложенные им примеры в качестве доказательства существования такого звукосоответствия согласных.

ГВ – Г

Мекег.	Акуш.	
<i>гъар<u>гво</u></i>	<i>гъарга</i>	«веранда»
<i>дя<u>гво</u></i>	<i>дяга</i>	«ослёнок»
<i>вакIиб<u>гво</u></i>	<i>вакIибгу</i>	«пришёл же»

ГЪВ – ГЪ

«Преимущественно в основах имён существительных, а также некоторых других частей речи» [Гасанова 1962: 290].

<i>дагъ<u>во</u></i>	<i>дагъа</i>	«петух»
<i>гъвяра<u>эс</u></i>	<i>гъяраэс</i>	«разрезать»
<i>гъвярцIа</i>	<i>гъярцIа</i>	«тонкий»

ХЪВ – ХЪ

«Это соответствие, как правило, наблюдается в аффиксах деепричастия единственного числа» [Гасанова 1962: 291].

<i>белкъахъ<u>во</u></i>	<i>белкъахъи</i>	«накормив»
<i>дураухъ<u>во</u></i>	<i>дуравхъи</i>	«выйдя»

*нясухъво**нясухъи*

«прыгнув»

М.-Ш.А. Исаев[1996-1997: 105] утверждает, что С.М. Гасанова [1962: 289-291] не заметила соответствия указанных звуков в диалекте и литературном языке, которые имеют место в основе слова:

*хъвя**хъя*

«клятва»

*хъвярбукIес**хъярбукIес*

«кипеть»

*КЪВ – КЪ**гIярукъво**арякъи*

«уйдя»

*къволтен**къалтин*

«ковёр»

*къвонгIи**къани*

«сундук»

ГIВ – ГI

Чаще всего в аффиксах деепричастий:

*бигIвя**бигIи*

«украв»

*бегIво**бегIи*

«посеяв»

ХВ – Х

В основах прилагательных, существительных и аффиксах деепричастий и существительных:

*хвя**хя*

«собака»

*хвosa**хяса*

«пыль»

КIВ – КI

В аффиксах деепричастий, а также в основах имён существительных и числительных:

*кIвел**кIел*

«два»

*къикIво**къикIа*

«клубок»

*белкIво**белкIи*

«написав»

*КВ – К**далкво**далки*

«стерев»

*квони**кани*

«живот»

ГЪВ – ХЪ

<i>каби<u>гъ</u>во</i>	<i>каби<u>хъ</u>и</i>	«лѣжа»
<i>уса<u>гъ</u>во</i>	<i>уса<u>хъ</u>и</i>	«заснув»

ШВ – Ш

<i>ш<u>в</u>ел</i>	<i>ш<u>ел</u></i>	«пять»
<i>ба<u>ш</u>во</i>	<i>ба<u>ши</u></i>	«замесив тесто»

ЧВ – Ч

<i>бя<u>ч</u>во</i>	<i>бя<u>чи</u></i>	«разбив»
---------------------	--------------------	----------

ЧІВ – ЧІ

<i>бел<u>чІ</u>во</i>	<i>бел<u>чи</u></i>	«прочитав»
<i>бя<u>чІ</u>во</i>	<i>бя<u>чи</u></i>	«раздавив»

КЪВ – КЪ

<i>к<u>ъ</u>вялк<u>ъ</u>и</i>	<i>к<u>ъ</u>ялк<u>ъ</u>я</i>	«коса»
<i>к<u>ъ</u>вяр</i>	<i>к<u>ъ</u>яй</i>	«ряд»

По мнению А.А. Магометова аффриката дз в хюркилинском и других диалектах соответствует арбукскому цц (перед гласными) и ц в аблауте. Для иллюстрации этого постулата А.А. Магометов приводит такие примеры:

Арб.	Хюрк.	Мекег.	Перевод
<i>у<u>ц</u>це</i>	<i>у<u>дз</u>и</i>	<i>у<u>дз</u>и</i>	«брат»
<i><u>ц</u>це</i>	<i><u>дз</u>и</i>	<i><u>дз</u>е</i>	«соль»
<i>да<u>ц</u></i>	<i>дура<u>дз</u></i>	<i>дура<u>дз</u></i>	«соха»
<i>г<u>л</u>у<u>ц</u></i>	<i>у<u>дз</u>к<u>ъ</u>я</i>	<i>ду<u>дз</u>те</i>	«плотные»

Некоторым прилагательным мекегинского диалекта, например *цлуба*, *гъаница* в цудахарском диалекте соответствуют прилагательные с суффиксом се: *цлубасе*, *хъхъаницасе*. Но существительным, образованным от них в мекегинском диалекте *цлубдеш*, *гъаницдеш* соответствуют цудахарские *цлубдихъ*, *хъхъаницдихъ*, а наречиям *цлубле*, *гъаницле* – *цлубле*, *хъхъаницле*. Как видно из приведённых примеров, в мекегинских прилагательных деш

соответствует цудахарскому дихь, а в мекегинских существительных гь – цудахарскому хьхь.

Ударение

Даргинскому языку характерно сильное диалектное членение и сложная вокалическая система, поэтому вопрос об ударении здесь весьма трудно разрешим. Своеобразие многочисленных диалектов и говоров отражается на всех структурных уровнях языка, в том числе и на системе акцентуации и просодики. З.Г. Абдуллаев [1993: 217] пишет в основном об ударении в литературном даргинском языке и хюркилинском диалекте. «Характерной особенностью ударения в даргинском языке является то, что оно акустически слабо выражено, мало заметно, в акушинском и урахинском диалектах иногда даже трудно установить, на каком слоге стоит ударение [Абдуллаев С.Н. 1954: 61]. Но стоит нарушить общепринятую произносительную норму слов с иным ударением, как это нарушение моментально становится заметным» [Абдуллаев З.Г. 1993: 219].

В диалектах мекегинской группы, как утверждает С.Н. Абдуллаев, ударение выражено яснее, чем в диалектах акушино-урахинской группы, хотя оно и здесь не имеет ни словообразовательных, ни словоизменительных функций. Представители этих диалектов никогда не сомневаются в том, на каком слоге стоит ударение, которое здесь почти всегда находится на втором слоге от начала слова: *рурсí* «девочка, дочь», *багьúр* «узнал», *варгьí* «бурка», *бури́б* «сказал», *арáкьун* «ушёл», *нушá* «мы», *гьуну́л* «жена» и т.д. Есть слова, которые не подчиняются этому правилу. Соответственно, возникает вопрос, являются ли они «незначительными отклонениями» [Абдуллаев С.Н. 1954: 62], или всё же есть правила постановки ударения в мекегинском диалекте. Например, в некоторых глаголах повелительного наклонения или совершенного вида и в местоимениях в эргативе ударение падает на первый слог: *áйзе* «встань», *ка́йэ* «сядь», *ба́тте* «оставь», *хíуни* «ты, тобой», *ну́ни* «я,

мною», *ка́са* «возьми», *ма́йсид* «не покупай», *ма́ркьуд* «не делай», *ма́йсуд* «не плачь» (муж. род), *ка́цлес* «наступить», *а́эс* «дойти» и т.д.

В мекегинском диалекте в служебных словах, сочетающихся с самостоятельными словами и в утвердительной связке *саби*, *сари* «есть» и т.д. ударение отсутствует. Что же касается отрицательной связки *ах́ина* «нет, не есть», то она всегда несёт на себе ударение.

Некоторые слова употребляются и в функции самостоятельного слова, и в функции служебного слова, во втором случае они теряют ударение: *и́льэ* *а́* «так скажи» (*и́льэ* – наречие) – *ваши иле а́* «скажи, иди» (*иле* «частица»), *сикла́л агвора* «нет ничего» – *ча́й-секла́л агвора?* «нет ли чая или чего-нибудь подобного?» (*секла́л* – частица).

Отсутствие ударения на служебных словах в сочетании их с самостоятельными словами объясняется тем, что служебное слово, дополняя предыдущее самостоятельное, как бы сливается с ним в единое целое с одним ударением.

Наряду с безударными словами в мекегинском диалекте даргинского языка часто наблюдаются сложные слова с двумя ударениями. Например, слово *тама́нбуб* «закончился» имеет одно ударение, а отрицательная и вопросительная форма этого глагола имеет два ударения – *тама́нхлебу́б* «не закончился», *тама́нбуба́ра?* «закончился ли?».

Утверждение С.Н. Абдуллаева о том, что в отрицательных и запретительных формах глагола ударение всегда сто́ит на показателе отрицания или запрещения было полностью опровергнуто целым рядом примеров, приводимых З.Г. Абдуллаевым.

Но мекегинскому диалекту, всё же, частично подходит это утверждение, ср.: *ваќлес* «придти» – *хле́клес* «не придти», *баркьа́* «сделай» – *ма́ркьуд* «не делай, не занимайся этим», но *маби́ркьид* «не делай», *ка́са* «возьми» – *кама́йсид* «не бери», но *кеба́эс* «увидеть» – *кехлеба́эс* «не увидеть».

Выводы

В мекегинском диалекте, в отличие от литературного даргинского языка, шесть исконных гласных фонем и тридцать шесть согласных.

На общем фоне диалектных единиц даргинского языка мекегинский диалект характеризуется как диалектная единица, в которой:

- не представлены *долгие гласные, специфические фарингальные (кроме фарингального я) или фарингализованные гласные;*
- гласный е также употребляется для передачи звукового комплекса йе: *йецIал* – «10», *йерхIел* – «7», *йецIну цара* – «11»;
- в отличие от литературного даргинского языка, гласный о функционально наличествует в мекегинском диалекте, в том числе, и в исконной лексике. Встречается он, как правило, в позиции после лабиализованных согласных, но не только. Гласный о встречается не только в номинативных, но и в атрибутивных, обстоятельственных, предикативных единицах;
- представлены звонкие аффрикаты дз, дж;
- широко представлены сонанты, смычные, аффрикаты и спиранты;
- согласные фонемы противопоставляются по звонкости и глухости, по абруптивности и неабруптивности, но противопоставления по твёрдости и мягкости отсутствуют;
- присутствуют смычно-гортанные, велярные, увулярные, фарингальные и ларингальные согласные;
- в отличие от литературного даргинского языка, отсутствует и не произносится его представителями палатальный глухой спирант хь;
- отсутствуют геминированные и в этом его сходство с литературным даргинским языком;
- представлены лабиализованные согласные в отличие от литературного даргинского языка. Нами выявлено 13 лабиализованных

согласных, в число которых входит не упомянутый исследователями
увулярный лабиализованный звонкий [кʷ].

Мекегинский диалект даргинского языка характеризуется рядом звуковых процессов. К ним относятся: выпадение, чередование, наращение, ассимиляция, диссимиляция и метатеза.

Своеобразие функционирования звуков мекегинского диалекта лучше всего демонстрируют систематические и регулярные звукосоответствия, наблюдаемые между мекегинским диалектом и литературным языком.

В системе гласных между мекегинским диалектом и литературным языком представлены такие звукосоответствия: *е-и; и-е; е-а(я); и-а; а-и; у-и; и-у; у-я; е-я; у-о; а-я*; а в системе согласных: *к-ч; й-с; гв-г; гъв – гь; хъв – хь; къв – къ; глв – гл; хв – х; клв-кл; кв-к; гъв-хь; шв-ш; чв-ч; члв-чл; къв-къ; й-в; дж-пр*.

В мекегинском диалекте ударение выражено яснее, чем в диалектах акушино-урахинской группы, но не имеет ни словообразовательных, ни словоизменительных функций; почти всегда находится на втором слоге от начала слова: *рурсі́* «девочка, дочь», *багьу́р* «кузнал», *варгьи́* «бурка».

ГЛАВА II. МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ МЕКЕГИНСКОГО ДИАЛЕКТА

Категория грамматического класса

«Категория грамматических классов в кавказских языках является основной категорией, представленной почти во всех частях речи: ею охвачена и пронизана вся морфологическая структура того или иного языка» [Сулейманов 2003: 16]. Под грамматическим классом подразумевается категория, объединяющая группу имён существительных, различающихся по определённому показателю, выступающему как префикс или суффикс во всех согласуемых с ними сочетаниях. Показателями грамматических классов в начале и в конце слова являются одни и те же экспоненты: *-в-*, *-р*, *-б*, *д-*, которые претерпевают различные фонетические изменения. Количество грамматических классов обычно определяется количеством показателей единственного числа.

В этой связи некоторые исследователи, придерживаясь традиции индоевропейской лингвистики, категорию грамматического класса приравнивают к роду (полу), что нельзя считать верным. Известно, что в иберийско-кавказских языках пол различается не морфологически, а лексически. Основой дифференциации «категории личности» на мужчин и женщин является не естественный пол, а специальная оценка. Поэтому сущность классификации имён по принципу, приведённому в иберийско-кавказских языках, лучше отражается термином «грамматический класс», а не род. Между тем в учебных пособиях по даргинскому языку для школ и высших учебных заведений выделен мужской, женский и средний род [Сулейманов 2004: 58-60].

Грамматические классы – это лексико-грамматическая категория имён существительных, проявляющаяся в их способности сочетаться с определённой классной формой слов, ср.: *ада вaкIуб* – «отец пришёл», *аба рaкIуб* – «мать пришла», *унц бaкIуб* – «бык пришёл».

Имена существительные согласуются по грамматическому классу лишь с формами, содержащими в основе переменный классный показатель.

В мекегинском диалекте, как показали наши наблюдения, учитывая критерии выделения грамматических классов, которые предлагает М.-С.М. Мусаев, в сфере единственного числа выделяется три класса, а в сфере множественного числа и собирательных существительных – два класса.

В ходе проведённого анализа материала мекегинского диалекта выявлен, целый ряд интересных специфических особенностей, которые отличают его от литературного языка и некоторых других диалектов даргинского языка.

Подобные расхождения обусловлены: во-первых, тем, что те или иные слова или словоформы, не изменяющиеся по классам в литературном языке, изменяются в мекегинском диалекте, или изменяются в литературном языке и мекегинском диалекте, но не изменяются в некоторых других диалектах; во-вторых, в одной из сравниваемых сторон тот или иной классный показатель в определённых фонетических условиях выпадает, а в другой сохраняется; в-третьих, в сравниваемых единицах отдельные классные показатели могут быть материально неидентичны; в-четвёртых, может быть неодинаковое количество грамматических классов; в-пятых, материально совпадающие классные показатели в сравниваемых единицах могут быть функционально несовпадающими.

Например, прилагательное «любимый» и глагол «любить» не изменяются по классам в литературном языке и в губденском говоре, а в мекегинском, мургукском и цудахарском диалектах изменяются, ср.: лит. *дигуси* (I, II, III кл.) «любимый» и губд. *дигуй* (I, II, III кл.) «любимый» - мекег. *игуй* (I кл.) «любимый», *ригуй* (II кл.) «любимая», *бигуй* (III кл.) «любимое», мург. *иган* (I кл.) «любимый», *риган* (II кл.) «любимая», *биган* (III кл.) «любимое»; лит. и губд. *дигахъес* (I, II, III кл.) «любить» - мекег. *игахъес* (I кл.), *ригахъес* (II кл.), *бигахъес* (III кл.) «любить», цуд. *виччиз* (I кл.), *риччиз* (II кл.), *биччиз* (III кл.) «любить».

В губденском говоре в составе почти всех частей речи отмечается определённое количество слов или словоформ с окаменелыми классными показателями, которые в литературном языке и в мекегинском диалекте изменяются по классам, ср.: лит. и мекег. *вяхI* (I кл.) «лицо мужчины», *рыхI* (II кл.) «лицо женщины», *бяхI* (III кл.) «морда» - губд. *бяхI* (I, II, III кл.) «лицо»; лит. и мекег. *вай* (I кл.), *рай* (II кл.), *бай* (III кл.) «талия» - губд. *бай* (I, II, III кл.); в системе прилагательных: лит. и мекег. *гьалавла* (I кл.) «прежний», *гьаларла* (II кл.) «прежняя», *гьалабла* (III кл.) «прежнее» - губд. *гьадила* (I, II, III кл.) «прежний».

В отличие от литературного языка в классных словах мекегинского диалекта, как правило, перед гласными переднего ряда *и, е, у*, показатель первого класса *в* выпадает или переходит в *й*, ср.: лит. *висес* – мекег. *исес* «плакать»; лит. *викIес* – мекег. *укIес* «говорить», лит. *вегI* – мекег. *егI* «хозяин» и т.д.

Кроме названных классных показателей, в диалекте функционирует формант *-й-*, выявляющийся в словах, согласующихся с именами I класса (наряду с показателем *-в-*): *амарсар* *адам кайиб* «мужчина сел», *дєрхIе кайкиб* «мальчик упал» и т.д. Особенностью данного показателя, в отличие от *в-*, является его позиция в середине слова.

Итак, классных показателей мекегинского диалекта пять: *в, р, б, й, д* (в кубачинском диалекте - *в, й, б, д*). Очевиден тот факт, что в материальном отношении классные показатели разных диалектов совпадают не полностью. Вместо показателя *р* второго класса мекегинского диалекта и литературного языка в кубачинском диалекте мы видим *й*, ср.: мекег. и лит. *рурси ракIиб* - куб. *юссе йачIиб* «девушка пришла»; мекег. *рурси рєргун* и куб. *юссе йєсквин*.

Говоря о диалектных расхождениях в категории грамматических классов в даргинском языке, следует указать и на то, что количество классов не во всех диалектах одинаково. Например, в мегебском диалекте в сфере

единственного числа выделяется четыре класса, а не три, как во всех других диалектах.

Состав функций, выполняемых каждым классным показателем в мекегинском диалекте и в ряде других диалектов даргинского языка, не всегда совпадает. В функциях, выполняемых показателями *р* и *д*, наблюдается больше всего расхождений.

В мекегинском диалекте показатель *р* выражает, во-первых, второй класс (класс женщин): *рурси ракIиб* «девушка пришла», *рурси лер* «девушка есть», во-вторых, класс не-людей в сфере множественного числа, ср.: *унце лер*; в то время как в цудахарском диалекте показатель *р* выполняет всегда только одну функцию – выражает только значение второго класса (класса женщин), ср.: цуд. *рурси лер, ракIиб* «девушка есть, пришла» и *унце лед, дакIиб* «быки есть, пришли».

В мекегинском диалекте классный показатель *д* выполняет одну функцию – выражает множественное число класса не-людей, ср.: *унце дакIиб* «быки пришли». В урахинском диалекте данный показатель выполняет ещё и другую функцию – указывает на второй класс (класс женщин) в сфере единственного числа, ср.: урах. *рурси дакIиб* «девушка пришла» и *унце дакIиб* «быки пришли». В мегебском диалекте показатель *д* является показателем четвёртого, девичьего, класса, ср.: *дурси дакIиб* «девочка пришла» и *абай ракIиб* «мать пришла».

В заключение следует обратить внимание на тот факт, что сравнительно-исторический анализ многих кавказских языков свидетельствует о том, что в них регистрируется тенденция к сокращению количества ныне действующих грамматических классов. Но в мекегинском диалекте такая тенденция пока не наблюдается.

Принцип классификации имён существительных по грамматическим классам. Вопрос о IV грамматическом классе

В мекегинском диалекте даргинского языка в сфере единственного числа выделяются три грамматических класса, которым в единственном числе соответствуют определённые показатели.

1 грамматический класс. К первому классу относятся существительные, обозначающие разумные существа мужского пола и требующие наличия в согласующих словах показателя *-в-*, ср.: *удзи вакIиб* - «брат пришёл», *удзи вамсур* - «брат устал», *(в)-иштал дерхIе* - «маленький мальчик» и т.д.

К первому классу относятся и названия отдельных частей тела мужчины (*вяхI* - «лицо», *вай* - «талия», *варг* - «нутро») и следующие теологические понятия: *аллагь* - «бог», *малаик* - «ангел», *идбаг* - «пророк», *израгIил* - «ангел смерти».

В именах существительных, относящихся к первому грамматическому классу, и в согласуемых с ним формах, классный показатель *-в-* выпадает перед гласными *и, у*, а в мекегинском диалекте и перед *-е-*: мекег. *удзи (в)-елкIун* - «брата записали» (I кл.), *рудзи р-елкIун* - «сестру записали» (II кл.) и т.д.

2 грамматический класс. Ко второму классу относятся существительные, обозначающие разумные существа женского пола и требующие в согласуемых словах наличия показателей *-р-, -л-, -й- -у, д-*, а в мекегинском диалекте показателя *-р-*.

Ср.: акушин. и мекег. *р-урси р-акIиб* - «девушка пришла»;

урахин. *р-урси д-акIиб* - «девушка пришла»;

кубачин. *й-уссе й-есквин* - «девушку съел».

Ещё несколько примеров из мекегинского диалекта: *рудзи рамсур* - «сестра устала», *риштал рурси* - «маленькая девочка», *гьунул гьимругиб* -

«жена обиделась» и т.д. В данный класс входят также названия отдельных частей тела женщины (*рхI* – «лицо», *рай* – «талия», *рарг* – «нутро»).

3 грамматический класс. К третьему классу относятся все остальные существительные, которые требуют наличия показателя *б* в составе согласуемого слова. Например, ср.: *ябу бамсур* – «лошадь устала», *биштIал къача* – «маленький телёнок», *урчи б-акIуб* – «конь пришёл».

Особую группу образуют существительные общего класса, которые в зависимости от ситуации их использования в речи проявляют свойства двух или всех трёх классов, ср.: *далайчи вакIуб* (I кл.) «певец пришёл» и *далайчи ракIуб* (II кл.) «певица пришла» и т.д.

Несколько иная система грамматических классов представлена в системе собирательных существительных и в сфере множественного числа, где все существительные строго распределены на два класса по признаку разумности и неразумности, т.е. люди и «не-люди».

В сфере множественного числа выделяется класс людей с классно-числовым показателем *б* в согласуемых словах (ср. *дерхIне бакIуб* «мальчики пришли» и *рурсбе бакIуб* «девочки пришли» и т.д.) и класс «не-людей» с классно-числовым показателем *д/р* (ср.: *унце дакIуб*, *лер* «быки пришли, имеются»).

Собирательные существительные имеют свои специфические морфологические особенности. Во-первых, они употребляются в форме единственного числа, а согласуемые слова – в форме множественного числа (*дяргIубти шин дакIуб* – холодные воды пошли). Во-вторых, очень редко и при этом, меняя значение, они употребляются в форме множественного числа, а отдельные из них вообще не образуют формы множественного числа [Мусаев 1984: 14]. В этом аспекте собирательные существительные примыкают к существительным множественного числа, поскольку согласуемые слова, по которым мы определяем принадлежность имени к тому или иному классу, стоят в форме множественного числа.

Собирательные существительные, обозначающие разумные существа, имеют показатель –d–.

Отсюда следует, что в современном даргинском языке собирательные существительные распределяются по классам, подобно существительным множественного числа и поэтому относить их, как поступают отдельные специалисты, к системе классов сферы единственного числа совершенно неправомерно [Сулейманов, 188: 21]. Среди учёных до сих пор нет единого мнения: считать ли эти существительные словами, употребляющимися только во множественном числе с показателем –d, или словами IV грамматического класса, ныне отсутствующими, но в прошлом, без сомнения, представленными в даргинском языке.

Отношение существительных к тому или иному классу выражено лексически и синтаксически. Но у небольшого числа существительных оно выражено и морфологически – наличием классного показателя, ср.: *вяхI* (I кл.) «лицо представителя I класса (мужчины, брата, сына и т.д.), *ряхI* (II кл.) «лицо представителя II кл.» (женщины, девушки и т.д.), *бяхI* (III кл.) «лицо животного» и т.д.

Таким образом, в мекегинском диалекте, как и в даргинском литературном языке, функционирует пять грамматических классов: три в сфере единственного числа и два в сфере собирательных существительных и множественного числа, которые по соотношению классно-числовых показателей образуют следующую пятиклассную систему:

1 класс – в – (ед. число) *дерхIе вакIиб* «мальчик пришёл»;

2 класс – р – (ед. число) *рурси ракIиб* «девочка пришла»;

3 класс – б – (ед. число) *унц бакIиб* «бык пришёл»;

4 класс – б – (собирательные существительные класса «люди») *халкь бакIиб* «люди (народ) пришли»; (множ. чис. всех существительных класса «люди») *адамте бакIиб* «люди (несколько человек) пришли»;

5 класс – д/р (собирательные существительные класса «не-люди») *шин дакIиб*, *лер* «вода пришла, имеется», *дуджуте шин* «питевая вода»; (множ.

чис. всех существительных класса «не-люди») *унце дакIиб*, *лер* «быки пришли, имеются».

Особо следует обратить внимание на следующую особенность мекегинского диалекта. Когда субъектом является местоимение, классные глаголы в мекегинском диалекте приобретают те же классные показатели, но в несколько другом порядке. Например:

Единств. число.			Множ. число.	
I	II	III	IV	V
1 л. <i>в-акIура</i> ,	<i>р-акIура</i> ,	<i>б-акIура</i> ,	<i>д-акIура</i> ,	<i>д-акIура</i>
2 л. <i>в-акIаде</i> ,	<i>р-акIаде</i> ,	<i>б-акIаде</i> ,	<i>д-акIада</i> ,	<i>д-акIада</i>
3 л. <i>в-акIиб</i> ,	<i>р-акIиб</i> ,	<i>б-акIиб</i> ,	<i>б-акIиб</i>	<i>д-акIиб</i>

Как видно из примеров, если субъектом является местоимение 1 или 2 лица, то во множественном числе непереходный классный глагол приобретает показатель *д-* как в V, так и IV классе. Если же субъектом является местоимение 3 лица, то глагол приобретает классный показатель по обычной системе. Если объект переходного глагола стоит во множественном числе, то глагол приобретает классный показатель множественного числа, несмотря на то, что субъект – в единственном числе, например: *нуни б-елкIунра кагъар* (III кл.) «я написала письмо» - *нуни д-елкIунра кагъурте* «я написала письма» (V кл.), *нуни адамте ка-б-укира* «я привёл людей» (IV кл.), *нуни маза ка-д-укира* (V кл.) «я привёл баранов». И, наоборот, если субъект во множественном числе, а объект в единственном, то глагол приобретает классные показатели единственного числа *нуни сай ка-укира* «я его привёл» (I кл.), *нуни сари ка-р-укира* «я её привёл» (II кл.), *нуни саби ка-б-укира* «я его привёл» (III кл.).

Категория числа

Категория числа — словоизменительная категория имени существительного, которая выражается в виде двух противопоставленных друг другу форм: единственного и множественного числа. Форма единственного числа представляет собой немаркированную основу. Множественное число оформляется целым рядом показателей множественности. Однако далеко не все имена существительные имеют противопоставленные формы обоих чисел. Целый ряд существительных употребляется либо в форме единственного числа, либо в форме множественного числа [Мусаев 2002: 34].

Существующие в даргинском языке, в том числе его мекегинском диалекте, отклонения от обычных правил образования и употребления форм числа плохо поддаются описанию, характеристике, чем вызывают затруднения исследователей.

К числу таких затруднений относятся вопросы об именах, обладающих только формами единственного числа и тех, которые в разных значениях (единственности, множественности и собирательности) сохраняют одну и ту же форму образования множественного числа за счёт внутренней флексии (т.е. флексии основы) без морфологического оформления [Сулейманов 2003: 36].

«Категория числа имени существительного — один из интереснейших вопросов грамматической структуры даргинского языка. Большинство существительных имеет числовое противопоставление своих форм.

Следует отметить, что образование множественного числа и закономерности этого образования остаются ещё не раскрытыми до конца, несмотря на то, что в научной литературе этому вопросу уделялось значительное внимание.

Можно сказать, что засвидетельствованы основные суффиксы множественности, но состав некоторых из них и закономерности их

функционирования нуждаются в определённых уточнениях» [Абдуллаев С.Н. 1954: 129].

Все имена существительные мекегинского диалекта, как и современного даргинского языка, по отношению к категории числа делятся на следующие группы, предложенные А.А. Сулеймановым [2003: 37]:

1. Имеющие формы единственного и множественного числа;
2. Имеющие только форму единственного числа;
3. Стоящие в форме единственного числа и требующие от согласуемых с ними слов формы множественного числа;
4. Употребляемые в форме единственного числа для выражения, как единственности, так и множественности;
5. Имеющие только форму множественного числа;
6. С префиксальным показателем множественности.

Рассмотрим каждую из названных групп в отдельности.

1. Существительные, имеющие формы единственного и множественного числа, составляют абсолютное большинство. К этой группе обычно относятся имена нарицательные, в основном, обозначающие конкретные существа и предметы. Например: мекег. *унц* – *унце* «бык – быки», *бецI* – *буце* «волк – волки», *рудзи* – *рудзбе* «сестра – сёстры», *хьулки* – *хьулкне* «вор – вору», *гIерчитIи* – *гIерчитIуне* «ласточка – ласточки», *гьуни* – *гьумбе* «дорога – дороги», *кьвяи* – *кьвяиме* «нога – ноги», *кьяца* – *кьяцне* «козёл – козлы», *хвя* – *хуре* «собака – собаки», *кьвял* – *кьвяле* «корова – коровы», *вацIа* – *вацIурбе* «лес – леса», *някъ* – *някъбе* «рука – руки», *удзи* – *удзбе* «брат – братья», *чарма* – *чармуне* «бочка – бочки», *галги* – *галгбе* «дерево – деревья», *ундза* – *ундзурбе* «дверь – двери», *лига* – *лигбе* «кость – кости», *гата* – *гатне* «кошка – кошки».

2. В мекегинском диалекте существительные, имеющие форму только единственного числа, также составляют особую группу. По своей семантике существительными, употребляемыми обычно в форме единственного числа, являются собственные имена, названия явлений природы, названия веществ,

названия отдельных отвлечённых и религиозных понятий, названия дней недели, заимствованные из русского языка названия месяцев, названия, воспринимаемые людьми как единичные, названия некоторых металлов, например, мекег.: *духІи* «снег», *пахру* «гордость», *дахІни* «влага», *гьанкІ* «сон», *гьира* «желание», *джагьал* «болезнь», *напакьа* «запас», *лягІлу* «драгоценный камень», *якъут* «драгоценный камень», *къукъу* «гром», *итни* «понедельник», *гІимс* «моль», *талат* «вторник», *къир* «смола», *арбьагІ* «среда», *мукълукьи* «вьюн», *хамис* «четверг», *авара* «дело», *джумьагІ* «пятница», *тІурши* «прохлада в конце лета», *сут* «суббота», *гьава* «воздух», *алхІят* «воскресенье», *зак* «небо» *дунья* «мир, свет», *иргьала* «сознание», *берхІи* «солнце», *суннат* «обрезание», *куръа* «жир», *бадз* «луна», *э, эни* «зима», *аллагь* «бог», *лами* «пламя», *дубси* «медь», *къибла* «юг», *гьургьашин* «свинец», *загьру* «яд», *къалай* «олово», *сиг* «ржавчина», *шандан* «сталь», *ватІан* «родина», *яз* «латунь», *чин* «фарфор», *цІигьво* «чугун», *насаб* «род», *аргь* «погода», *ДагьистІан* «Дагестан», *варъа* «мёд» и т.д.

«Таким образом, к словам, употребляемым обычно в форме единственного числа, относятся названия единичных в своём роде предметов, а также отвлечённые и вещественные существительные, которые трудно представить в виде расчленённого множества.

Кроме того, подобные существительные не поддаются счёту, хотя употребление подобных существительных обычно в форме единственного числа является нормальным, но для достижения тех или иных стилистических целей вполне приемлема и форма множественного числа. Так, например, форма множественного числа личных имён выражает репрезентативное собирательное множество...» [Мусаев 2002: 34-35]. Например: мекег. *Мухтар* (ед.ч.) и *Мухтархъале* (мн.ч.), букв. «Мухтар и круг его окружающих (например, его семья)».

3. Существительные в форме единственного числа и, требующие от согласуемых с ними слов формы множественного числа.

«В даргинском языке целый ряд существительных, обозначающих отвлечённые понятия, а также названия жидких и сыпучих веществ, по формам словоизменения относятся к единственному числу, а согласуемые с ними слова стоят в форме множественного числа» [Сулейманов 2003: 39]. Можно сделать вывод, что речь идёт о собирательных существительных, т.к. М.-С.М. Мусаев в своей работе «Именное словоизменение даргинского языка» [1980: 14], а также А.А. Сулейманов «Морфология даргинского языка» [2003: 20-21] пишут о собирательных существительных то же самое.

Следовательно, к «существительным в форме единственного числа и требующим от согласуемых с ними слов формы множественного числа» должны быть отнесены все собирательные существительные. Они выражают обобщающие понятия и, вероятно, этим объясняется множественное число атрибутивных прилагательных в следующих именах.

Например: *gIaxIte шин* «хорошая вода», *amъute шин* «чистая вода» (-*те* - суффикс множественности).

4. Существительные мекегинского диалекта, которые в форме единственного числа употребляются для выражения, как единственности, так и множественности.

Некоторые существительные даргинского литературного языка и мекегинского диалекта в именительном падеже имеют одну и ту же форму, как для единственного, так и для множественного числа. Значение таких существительных, как правило, выясняется из контекста. Обычно такие существительные нейтральны в отношении грамматического класса и в одинаковой степени сочетаются с формами, как единственного, так и множественного числа согласуемых слов.

Сочетаясь со словами в единственном числе, эти существительные говорят о единственности предмета. В сочетании же с формой множественного числа согласуемых слов они указывают на множественность объектов, например: мекег. *маза бакIуб* «овца пришла» - *маза дакIуб* «овцы пришли», *gIaxIна маз* «хорошая овца» - *gIaxIте маз* «хорошие овцы» и т.д.

Применительно к рассматриваемому явлению термин «форма общего числа» как нам кажется, оправдан с грамматической точки зрения [Сулейманов 2003: 40-41].

Количество таких существительных крайне ограничено, например: мекег. *маза* «овца», *мирхъи* «пчела», *мургъе* «золото», *тIумIи* «виноград», *улелъа* «земляника», *анкIи* «пшеница», *мухъи* «ячмень», *мучи* «просо», *махIяр* «голый ячмень», *чадур* «ежевика», *хъаргIе* «горох», *къама* «конопля», *кворагво* «абрикос», *дзергъи* «лук», «чеснок», *чакма* «сапоги», *дабри* «обувь», *нихъа* «рожь», *арцIи* «сорняк», *гъажланкIи* «кукуруза», *марка* «роса», *мура* «сено», *гъули* «дикий лук», *бириндж* «рис».

По словам А.А. Сулейманова [2003: 41] выделяется целая группа существительных, недифференцированных по категории числа не только в форме именительного, но и в остальных падежах, выражающих значение множественности объектов и единичного объекта с помощью согласуемых слов. Если существительное обозначает единый объект, то согласуемые слова оформляются в форме единственного числа, если же слово обозначает множественность объектов, они оформляются в форме множественного числа. Обычно это существительные, обозначающие совокупность однородных тел (злаки, ягоды и парные предметы). В данном случае противопоставляются единичные предметы, выделяемые из массы (числа) однородных предметов как некое неделимого целого или коллективного единства.

При единичном употреблении эти существительные поддаются счёту и сочетаются с количественными числительными, а при собирательном употреблении не поддаются счёту и не сочетаются с количественными числительными. Например: мекег. *ца тIумIи* (букв. «одна ягодка винограда»). В данном случае имеется в виду только одна ягодка или гроздь винограда, а когда говорят *гIяхIме тIумIи* (букв. «хороший виноград»), подразумевается множество гроздьев винограда. К этой же группе существительных в мекегинском диалекте относятся: *улелъа* – «земляника»,

хъаргIе - «фасоль», *къама* - «конопля», *чядуре* - «ежевика», *мургье* - «золото».

Как и в литературном даргинском языке, мекегинскому диалекту для данной группы существительных характерно употребление форм множественного числа, которое возможно и в случаях, когда речь идёт о множестве групп однородных предметов, или, скажем, о множестве участков, засеянных каким-то злаком, или о множестве пар однородных предметов.

Например, когда мы говорим *анкIи* - (букв. «пшеница»), слово можно понять и в единичном и в собирательном значении, в то же время существительное *анкIурбе* (букв. «пшеница») означает уже различные участки посеянной пшеницы. Аналогичную форму множественного числа в мекегинском диалекте образуют и такие существительные, как *мухьи* - *мухъурбе* («ячмень»), *мучи* - *мучурбе* («просо»), *дабри* - *дабрумбе* («обувь»).

5. Существительные, имеющие только форму множественного числа.

В мекегинском диалекте, как и в литературном даргинском языке, таких слов насчитывают около сорока: *хъубяхIруме* «праздник первой борозды», *гаши* «голод», *хIурхе* «вершины гор», *базманте* «весы», *къугъне* «издевательства, хвастовство», *къварме* «голенище», *умцанте* «весы», *чикъне* «длинные волосы», *хъубушуне* «родня по мужу или по жене». Сюда же относятся и названия: а) болезней: *ерIне* «грипп с насморком», *хъаихъурте* «прыщи», *демджри* «потница»; б) частей человеческого тела: *дуъме* «пояса конечностей бёдер», *манкъалте* верхняя часть носа; в) некоторых текучих веществ и сыпучих тел: *дукIари* «капли воды, капли, которые падают с потолка», *хъутне* «сопли», *шутре* «слюна», *дирицлуме* «помои», *дерхIлуме* «гниль», *ругьерте* «красители». Эти существительные всегда сочетаются с формами множественного числа согласующихся с ними слов и указывают на множественность объектов. Например: *дирицлуме лайдакIира* (букв. «помои выбросили, вылили») - слово *дирицлуме* выступает в форме множественного числа, глагол с ним согласуется во множественном числе (классный показатель *-д-*); *джаргвоте дирицлуме* (букв. «грязные помои») - слово

дирицлуме выступает в форме множественного числа и прилагательное согласуется с ним в том же числе (суффикс *-me*).

В даргинском языке много слов, заимствованных из русского языка. Некоторые из них, как и в русском языке, имеют только форму множественного числа. Например: мекег. *каникулте* «каникулы», *шашкабе* «шашки», *шахматуне* «шахматы», *макIаранте* «макароны», *гIячкибе* «очки».

Как и в литературном даргинском языке, так и в мекегинском диалекте основной особенностью существительных данной группы является то, что в их составе чётко выделяются суффиксы множественного числа, которые присоединяются к основе единственного числа, хотя в форме единственного числа эти слова не употребляются.

Следует отметить также, что склоняются указанные существительные по стандартному типу склонения имён в форме множественного числа:

	Мекег. диал.:	Лит. яз:
Им. п.	<i>хъубушуне</i>	<i>хъубешуни</i> родня по мужу или по жене
Эрг. п.	<i>хъубушунани</i>	<i>хъубешунани</i>
Род. п.	<i>хъубушунела</i>	<i>хъубешунала</i>
Дат. п.	<i>хъубушунас</i>	<i>хъубешунас</i>
Совм. п.	<i>хъубушуначал</i>	<i>хъубешуначил</i>
Предм. п.	<i>хъубушунакела</i>	<i>хъубешуначила</i>
Оруд. п.	<i>хъубушунаке</i>	<i>хъубешуначибли</i>
П. покоя	<i>хъубушуначуб</i>	<i>хъубешуначиб</i>

6. Существительные с префиксальным показателем множественности.

В начале этих слов имеются застывшие показатели множественности, а склоняются они как существительные единственного числа.

В мекегинском диалекте таких слов немного: *дамкъри* «мутная жидкость», *декъвари* «короткие досочки для перекрытия», *даркъри* «порча», *демджри* «малярия», *дагъри* «ум», *демдри* «опухоль», *дакIри* «высыпания,

которые чешутся», сознательность», *дакри* «то, чем мажут поверхность хлебобулочных изделий, перед выпечкой, например, взбитое яйцо или кислое молоко», *дуцIари* «лихорадка, малярия».

Рассмотрим предложения с такими существительными: *Дила квяшлизир демдри дагьардиуб.* – «У меня в ноге появилась опухоль»; *Ит адамла дагьри камте сари.* «У этого человека мало ума, (сознательности)». В указанных примерах и существительные, и глаголы стоят в форме множественного числа.

Собирательные существительные и их отношение к категории числа

Термин «собирательные существительные » в даргинском языке, а также в мекегинском диалекте отличается от одноимённого термина в русском и включает имена существительные, имеющие общую отмеченную выше грамматическую особенность, но различные по семантике. Поэтому в число собирательных существительных даргинского языка, в отличие от русского, попадают не только слова, обозначающие совокупность одинаковых отдельных предметов, и слова с вещественным, отвлечённым и другими значениями.

«В даргинском языке целый ряд существительных, обозначающих отвлечённые понятия, а также названия жидких и сыпучих веществ, по формам словоизменения относятся к единственному числу, а согласуемые с ними слова стоят в форме множественного числа» [Сулейманов 2003: 39]. К «существительным в форме единственного числа и требующим от согласуемых с ними слов формы множественного числа» должны быть отнесены все собирательные существительные.

Собирательные имена существительные в мекегинском диалекте образуют следующие тематические разновидности:

1) названия различных жидкостей: *шин* - «вода», *ниъ* - «молоко», *нехI* - «сыворотка», *нергъ* - «суп», *чягъир* - «вино», *хIи* - «кровь», *къанцI* - «уксус», *гъаруи* - «буза» и т.д;

2) названия сыпучих тел и совокупностей однородных тел: *анкIи* - «пшеница», *декъ* - «мука», *мухъи* - «ячмень», *картушка* - «картошка», *гъум* - «песок», *дзе* - «соль», *улелъа* - «земляника», *чячма* - «дробь» и т.д;

3) названия некоторых трав, растений и кормов из растений: *къар* - «трава», *арцIи* - «сорняк», *мура* - «сено», *дугени* - «корм», *балча* - «солома» и т.д;

4) отвлечённые существительные:

а) образованные при помощи суффиксов — *деи*, - *ала*, - *ри*: *джагводеш* — «красота», *мискIиндеи* - «бедность», *адамдеи* - «человечность», *лявъала* - «ласка», *дагъри* - «сознание» и т.д;

б) не имеющие словообразовательного суффикса и названия болезней: *джан* - «душа», *гIемру* - «жизнь», *урехи* - «страх», *дерхъ* - «танец», *къявга* - «чума», *ариндж* - «корь», *вабаъ* - «холера» и т.д;

5) названия этнических и других групп людей: *халкъ* - «народ», *хъалибарг* - «семья» и т.д.

Существительные мекегинского диалекта этой группы выражают обобщающие понятия и, вероятно, этим объясняется множественное число атрибутивных прилагательных в следующих именах. Например: *гIяхIме шин* «хорошая вода», *амъуте шин* «чистая вода» (-*те* суффикс множественности).

Собирательные существительные примыкают к существительным множественного числа, поскольку согласуемые слова, по которым мы определяем принадлежность имени к тому или иному классу, стоят в форме множественного числа [Сулейманов 2003: 22].

Способы образования множественного числа имён существительных в мекегинском диалекте

Образование множественного числа, закономерности этого образования в лингвистическом даргиноведении остаются ещё не раскрытыми до конца даже относительно литературного языка. «Без исключения все исследователи даргинского языка отмечают, что вопрос об образовании множественного числа существительных в даргинском языке очень сложен» [Исаев 1996-1997: 23].

Формы множественного числа существительных мекегинского диалекта имеют много различных показателей. Сама основа слова при этом тоже часто подвергается фонетическим изменениям.

Все формы множественного числа, за исключением случаев, где множественное число образуется одной лишь внутренней флексией, имеют общую черту: все они в литературном даргинском языке оканчиваются на гласный и, а в мекегинском диалекте вместо гласного и всегда выступает гласный е. Этот признак характерен также для мюрегинского диалекта и губденского говора.

Наши наблюдения показывают, что в мекегинском диалекте отмечаются следующие способы образования форм множественного числа: способ внутренней флексии, суффиксальный, аблаутно-суффиксальный и префиксально-суффиксальный.

Способ внутренней флексии

Внутренняя флексия — один из способов образования множественного числа в даргинском языке и в его диалектах. Процесс внутренней флексии в литературном даргинском языке сводится к замене гласных е, и, а, я гласным у, а в мекегинском диалекте - е, и, а, я, о гласным у в форме множественного числа. В литературном даргинском языке, не все существительные во

множественном числе принимают специальный аффикс этой формы, т.е. эти существительные образуют форму множественного числа при помощи лишь внутренней флексии. У этих же существительных в мекегинском диалекте формы множественного числа образуются одновременным участием внутренней флексии и суффикса множественного числа. Например, ср.: лит. *мухъари* «ячменный хлеб» - *мухъури* «ячменные хлеба» и мекег. *мухъари* «ячменный хлеб» - *мухъуре* «ячменные хлеба», лит. *набадари* (ед.ч.) «морковь» - *набадури* «морковь» (мн.ч.) и мекег. *набадар* (ед.ч.) «морковь» - *набадуре* «морковь» (мн.ч.) и мн. др.

Из приведённых примеров видно, что это существительные, имеющие в единственном числе конечную гласную *-и*, следовательно, возможность образования множественного числа лишь при помощи внутренней флексии в литературном даргинском языке обусловлена наличием суффикса множественности *-и*, идентичного конечной гласной *-и*, которому в мекегинском диалекте всегда соответствует суффикс *-е*. Поэтому в мекегинском диалекте нет существительных образующих множественное число лишь при помощи внутренней флексии.

Внутренней флексии в большинстве случаев подвергаются трёхсложные и четырёхсложные слова. «Нам представляется, что процесс образования множественного числа способом внутренней флексии в настоящее время в мекегинском диалекте не продуктивен. Слов и словоформ, образованных способом внутренней флексии, не очень много...». [Исаев, 1996-1997:24]

Суффиксальный способ

Определённое внимание вопросу суффиксального способа образования множественного числа в даргинском языке уделено в монографии А.А. Сулейманова «Морфологические категории и словообразование имени существительного в даргинском языке», явившейся методологической

основой для нашей работы. Примеры, приведённые в его монографии стали объектом сравнения с материалами мекегинского диалекта. Основным способом образования множественного числа имён в даргинском языке А.А. Сулейманов назвал суффиксальный, т.е. прибавление суффикса к основе формы единственного числа [Сулейманов 1988: 46].

Родоначальник лингвистического даргиноведения П.К. Услар в своей книге «Хюркилинский язык» фиксирует следующие суффиксы множественности: -и, -ни, -би, -ми, -ри, -ти. Отмечая указанные суффиксы множественности, П.К. Услар вместе с тем пишет: «Общее окончание именительного падежа множественного числа есть буква и впереди которой, в большей части случаев, вводится одна из букв: н, б, м, р, т».

Отмечая сложность системы образования множественного числа З.Г. Абдуллаев [1993: 130-131] писал: «Все эти суффиксы хюркилинского диалекта в одинаковой степени характерны и для литературного языка, поэтому, всё сказанное о них П.К. Усларом можно отнести и к литературному языку».

Характерной особенностью мекегинского диалекта является то, что там, где в суффиксах и окончаниях литературного даргинского языка стоит буква и, в мекегинском диалекте она, как правило, заменяется гласным е. Множественное число суффиксальным способом образуется путём присоединения к основе формы единственного числа свыше 26 суффиксов [Мусаев 1987: 25-26].

В мекегинском диалекте наиболее продуктивными из них являются – уне, -бе, -те, -ме, -ане, -не, -ре, ср.: -уне (лит. -уни) *къилихъ* – *къилихъ+уне* «привычки», *къабахъ* – *къабахъ+уне* «тыквы», *гавлаг* – *гавлаг+уне* «мешки», *анцІбукъ* – *анцІбукъ+уне* «случай», *гъалмагъ* – *гъалмагъ+уне* «товарищи», *тетрадъ* – *тетрад+уне* «тетради», *класс* – *класс+уне* «классы»; -бе (лит. -би): *гули* – *гул+бе* «шкуры», *тІул* – *тІул+бе* «пальцы», *гІинц* – *гІинц+бе* «яблоки», *гитара* – *гитара+бе* «гитары», *культура* – *культура+бе* «культуры»; -те (лит. -ти): *адам* – *адам+те* «люди», *тукен* – *тукен+те*

«магазины», *учитель* – *учитель+те* «учителя»; *-ме* (лит. *-ми*): *цIа* – *цIа+ме* «огни», *ши* – *ши+ме* «сёла», *дус* – *дус+ме* «года»; *-ане* (лит. *-ани*): *парк* – *парк+ане* «парки», *акт* – *акт+ане* «акты»; *-не* (лит. *-ни*): *къядга* – *къядг+не* «ежи», *багъа* – *багъ+не* «цены», *дерхIе* – *дерхI+не* «мальчики»; *-ре* (лит. *-ри*) *хIеб* – *хIеб+ре* «могилы». Только в мекегинском диалекте встречается суффикс *-е* как элемент образования множественного числа. В разных диалектах даргинского языка и в литературном ему соответствует суффикс *-и*. Большинство существительных, принимающих этот суффикс, состоят из одного закрытого слога: *руд* – *руд+е* «кишки», *мякъ* – *мякъ+е* «корни», *унц* – *унц+е* «быки», *хив* – *хив+е* «орехи».

Суффикс *-умбе* (лит. *-уми, ми, уби*) именно в мекегинском диалекте из всех даргинских диалектов может быть отнесён к наиболее активным суффиксам множественности: *кебла* – *кебл+умбе* «долги», *пикри* – *пикр+умбе* «мысли», *хъубяхIри* – *хъубяхIр+умбе* «праздники первой борозды» и т.д.

Менее продуктивными суффиксами множественности в мекегинском диалекте являются *-убе, -рбе, -урбе, -луме, -рте*: *-убе* (лит. *-уби*) *дулгъа* – *дулгъ+убе*, *къячIа* – *къячI+убе* «каблуки»; *-рбе* (лит. *-рби*) *къую* – *къую+рбе* «колодцы», *къану* – *къану+рбе* «ворота»; *-урбе* (лит. *-урби*) *ундза* – *ундз+урбе* «двери», *вацIа* – *вацI+урбе* «леса»; *-луме* (лит. *-луми*) *гIяхIдеи* – *гIяхIдеи+луме* «добрые дела», *гъанбик* – *гъанбик+луме* «воспоминания»; *-рте* (лит. *-рти*) *назму* – *назму+рте* «стихи», *къяйда* – *къяд+урте* «способы».

Суффикс *-т* используется лишь при образовании множественного числа в названиях жителей определённого населённого пункта, обозначая их совокупность: *микIхIен* – *микIхIен+т* «мекегинцы», *губдалан* – *губдалан+т* «губденцы» и т.д.

Суффикс *-хъале* выражает множественность лиц, объединённых семьёй или одной общностью: *Муса* – *Муса+хъале* «семья Мусы или его род» и т.д.

Аблаутно-суффиксальный способ

В мекегинском диалекте, наряду с чисто суффиксальным способом, также как и в литературном даргинском языке, широко представлен аблаутно-суффиксальный способ образования множественного числа. При аблаутно-суффиксальном способе, как правило, форма множественного числа создаётся одновременным участием аблаута, т.е. чередованием гласных корня е, а, я с у, и присоединением суффикса множественного числа. Суффиксом, принимающим участие в создании формы множественного числа, может быть любой из известных суффиксов множественности, ср.: мекег. *хъубеиш* – *хъубуш* + уне «родня по супруге», *хвя* – *ху* + ре «собаки», *тIаI* – *тIул* + ре «столбы», *къаз* – *къуз* + ре «гуси», *къадар* – *къадур* + те «судьба», *гвондза* – *гвондзу* + рбе «земли», *бецI* – *буцI* + е «волки», *хъали* – *хъул* + ре «дома» и т.д.

Префиксально-суффиксальный способ

В мекегинском диалекте, как и в литературном даргинском языке, этот способ образования существительных во множественном числе играет меньшую роль по сравнению с суффиксальным и заключается в одновременном присоединении к производящей основе и суффикса и префикса. Обычно с помощью данного способа образуется форма множественного числа у существительных, в своё время образованных от глаголов, прилагательных и наречий, изменяющихся по классам, ср.: *вахI* – *дахIяне* «лица», *барг* – *даргане* «внутренности», *барсдеш* – *дарсдешуне* «изменения», *байехъала* – *дайехълуме* «половины», *беркесил* – *деркесте* «еда» (мн.ч.), *бицесил* – *дицесте* «товар».

Изменение по числам прилагательных, числительных и местоимений

«Изменение прилагательного по числам, т.е. его согласование в числе с определяемым, выражает его связь с существительным, повторяя число, имеющееся у существительного, не внося никаких дополнительных значений» [Гвоздёв 1961: 224].

Прилагательные в мекегинском диалекте даргинского языка, как часть речи в основном получили полное морфологическое оформление так же, как и в литературном языке. Прилагательные, обозначая признак предмета, указывают на его качество, свойство, цвет, вес, вкус, форму, объём, на его отношение к пространству или ко времени.

По значению прилагательные делятся на качественные и относительные; по оформлению – на полные (оформленные) и краткие (неоформленные); по словоизменительным способностям – на изменяемые и неизменяемые; по составу – на простые и составные.

В мекегинском диалекте полными или оформленными являются прилагательные, содержащие один из суффиксов: -ил, -л, -й, -а, -къя, -на, -кеб, -кебил, -кар, -ар, -ла, -ан(-ен, ян), -кан, -лан, шан, -гъуна, -е: *ахъ-ил* «высокий», *хвола-л* «большой», *дурхъа-й* «дорогой», *ухън-а* «старый», *варс-къя* «упрямый», *вай-на* «плохой», *пагъму-кев*, *пагъму-кевил*, *пагъму-кар* «талантливый», *цулб-ар* «зубастый», *гъалаб-ла* «предыдущий», *ахъуша-н* «акушинец», *берхI-е* «рыжий» и т.д. Краткие или неоформленные прилагательные не содержат суффиксов. Как правило, они употребляются только в сочетании с определяемым словом и встречаются преимущественно в народной поэзии, ср.: *ахъ дубурте* «высокие горы» при *ахъил* «высокий».

В работах многих даргиноведов (А.А. Сулейманов 2003, С.Н. Абдуллаев 1954, З.Г. Абдуллаев 1993) встречается утверждение, что в литературном языке оформленные суффиксом – си прилагательные

изменяются по числам. Суффикс -си литературного языка в основном соответствует мекегинским суффиксам: -ил, -а, -л, -й, -на.

В прилагательных с суффиксами -ил, -л, -на, -й мекегинского диалекта, суффикс множественности прибавляется к основе, например: *мургь(-ил) – мургь-те*, *хвола(-л) – хвола-те*, *гIяхI(-на) – гIяхI-те*, *вана(-й) – вана-те*. Другие оформленные прилагательные мекегинского диалекта с суффиксами -ар, -кар, -н (в литерат. языке так же), -кеб, -кебил (в литер. языке -чебси), также изменяются по числам. Например: *пагьму-кев – пагьмукев-те*, *пагьму-кевил – пагьмукев-те*, *пагьму-кар – пагьмукар-те*, *тугь-ар – тугьар-те*, *ахьуша-н – ахьушан-те* и т.д.

Оформленные прилагательные мекегинского диалекта с суффиксом -а, -кьа, -лан (как и в литературном языке), выступая в роли именной части составного сказуемого, изменяются по числам, ср.: *бухьн-а адамте – ишти адамте* *бухьна-бе саби*, *духьутI-а вавне – ишти вавне* *духьутIа-бе сари*, *барс-кьа рурсбе – чула рурсбе* *барскьа-бе саби*, *дубур-лан дерхIне – Даг бакIибте* *дерхIне дубурлан-те саби*.

В мекегинском диалекте употребление неоформленных прилагательных во множественном числе крайне редко.

М.-С.М. Мусаев [2002: 61] относит неклассные прилагательные с суффиксом -ла большей частью к неизменяемым. Прилагательные мекегинского диалекта с суффиксом -ла также не изменяются по числам, за исключением случаев, когда они употреблены с причастными формами – ибил, -анил для усиления значения, например: мекег. *Нуша-ибил хьали* «о которой сказано, что это наша комната» – *нушала-ибте хьулре* (мн.ч.); *Нушала-анил хьали гьватIхIебииб*. «А наш дом не разрушился» – *Нушала-анилте хьулре гьватIхедииб*. (мн.ч.)

При образовании множественного числа в мекегинском диалекте к основе прилагательных прибавляются следующие суффиксы -бе, те, -ибте.

«Числительное относится к автосемантическим именным частям речи. По своим образовательным и функциональным признакам числительные в

даргинском языке делятся на количественные, порядковые, кратные, распределительные и собирательные», - пишет З.Г. Абдуллаев о числительных в даргинском языке вообще. Это значит, что всё сказанное З.Г. Абдуллаевым в одинаковой степени относится и к числительным мекегинского диалекта [Исаев 1996-1997: 82]. Числительные отвечают на вопросы *чум?* «сколько?», *чумъибил?* «который по счёту?», *чум-чум?* «по-сколько?» и, как и другие знаменательные части речи, имеют свои морфологические и синтаксические признаки.

Б.С. Сулейманов [2004: 125-126] пишет: «Большинство субстантивированных числительных изменяется по числам. Например: *байхъала* – *дайхълуми* «половина – половины», *ца* – *цалаби* «один – одни», *хIябал* – *хIяблаби* «три – тройки» и т.д. Далее он продолжает, что количественное числительное *байхъала* «половина» изменяется по числам, а в форме множественного числа изменяется и по классам.

Всё вышесказанное Б.С. Сулеймановым было опровергнуто А.А. Сулеймановым [2003: 152]: «Следует отметить, что *байхъала* «половина» не представляет собой числительное, а является существительным. Оно отвечает на вопрос *се?* «что?».

Возникает вопрос, если оно числительное, то почему как пояснение к нему относится другое числительное? Если оно числительное, то почему к нему относится и определение, поясняющее его? Например: *цархIил байхъала* «другая половина», *халалгъуна байхъала* «большая половина», *биштIалгъуна байхъала* «меньшая половина». А.А. Сулейманов также не согласен с мнением Б.С. Сулейманова, что количественные числительные с поясняющими существительными или без них, когда выступают самостоятельно, изменяются по числам.

В качестве примеров Б.С. Сулейманов приводит следующие слова: *ца* – *цалаби* «один – единицы», *кIел* – *кIилаби* «два – двойки», *хIябал* – *хIяблаби* «три – тройки» и т.д. Но А.А. Сулейманов очень чётко расставил всё по местам: «С подобной интерпретацией числительных едва ли можно

согласиться. Во-первых, количественные числительные не изменяются по числам, во-вторых, двойки, пятёрки, десятки, сотни, тысячи, миллионы не являются числительными, а являются существительными. Они отвечают на вопрос «что?», а не на вопрос числительного «сколько?» [Сулейманов А.А. 2003: 152-153].

В мекегинском диалекте изменяются по числам порядковые числительные. Порядковые числительные образуются при помощи двух параллельно функционирующих причастных форм эсил и ибил. Если взять в отрыве от основ числительных эти причастные формы, то они, соответственно, означают: эсил «то, что нужно было или следовало сказать»; ибил «сказанное». Множественное число в данном случае образуется с помощью суффикса -те, например: *кИвибил* – *кИвибите* «второй – вторые», *хИябэсил* – *хИябэсте* «третий – третьи».

Кратные, распределительные и собирательные числительные, как и количественные, по числам не изменяются.

В мекегинском диалекте, как и в литературном даргинском языке, многие местоимённые слова имеют форму единственного и множественного числа.

В отличие от существительных и прилагательных, личные местоимения I и II лица и указательные местоимения имеют специфические суффиксы множественного числа. Это суффиксы -ша и -ди. С помощью суффикса -ша образуется форма множественного числа I и II лица: ну «я» - *нуша* «мы», *хЛу* «ты» - *хЛуша* «вы», а с помощью суффикса -ди формы множественного числа указательных местоимений: *икI* «он» - *икIди* «те», *ии* «этот» - *ииди* «эти», *ит* «тот» - *иди* «те», *ил* «он» - *илди* «эти», *их* «он» - *ихди* «те».

В мекегинском диалекте посредством суффикса -те, характерного и существительным и прилагательным, образуется форма множественного числа ряда местоимённых слов. Например: *сегьуна* «какой» - *сегьунте* «какие», *ишгьуна* «такой» - *ишгьунте* «такие», *чумьибил* «который» - *чумьибте* «которые», *цархIил* «другой» - *цархIилте* «другие», *итил* «тот

другой» - *идилте* «те другие», *сегьуналра* «никакой» - *сегьунтелра* «никакие» и т.д.

Вопросительное местоимение *че* «кто» имеет форму множественного числа, образовавшегося с помощью суффикса – *хъале*: *чехъале* «кто» (мн.ч.); возвратные местоимения *сай* «он, сам», *сари* «она, сама», имеют форму множественного числа *саби* «они, сами», а *саби* «оно, само» (III кл.) – *сари* «они, сами».

Отдельные неопределённые местоимения имеют форму множественного числа с двойными показателями: суффиксальным и префиксальным. Например: мекег. *сегьуна-сабил* «какое-то» - *сегьунте саррил* «какие-то», *сегьуна-баллера* «какое-то» - *сегьунте-даллера* «какие-либо», но *че-валлера* «кто-либо» - *че-баллера* «кто-либо» (мн.ч.).

Местоимение *ца* «некий» имеет формы множественного числа *цабехI* «некоторые» и *цацабехIме* «некоторые». Вопросительные местоимения *кудил* «который» имеет форму множественного числа, образованную посредством суффикса –*те*, известного и в образовании форм множественного числа существительных: *кудилте* «которые».

Категория падежа

Имя существительное, как в литературном даргинском языке, так и в мекегинском диалекте характеризуется как часть речи, изменяющаяся по падежным формам. Падежные формы в лингвистической литературе относятся к формам словоизменения. Формы словоизменения имён в своей совокупности называются склонением, а каждая отдельная форма, входящая в общую парадигму склонения – формой того или иного падежа [Сулейманов А.А. 2003: 70]. Как известно, категория падежа в даргинском литературном языке и в диалектных единицах даргинского языка является одной из основных словоизменительных категорий, которой охвачены все именные части речи (существительные, прилагательные, числительные и

местоимения). К данной категории относятся в той или иной мере даже неименные части речи (наречия, послелог и деепричастия места, которые склоняются по местным падежам, а также отглагольное образование масдар, который склоняется по всем падежам как и существительное).

Следует отметить, что категория падежа даргинского языка привлекала особое внимание почти всех даргиноведов, начиная с П.К. Услара. Изучению данной категории посвящены не только отдельные параграфы и разделы исследований [Услар 1892: 15-38; Жирков 1926: 47-60; Абдуллаев С.Н. 1954: 102-126; Гаприндашвили 1948: 227-228; 1956: 479-512; Магометов 1963: 93-123; Сулейманов 1964: 91-103; Гасанова 1971: 310-315; Темирбулатова 2002: 86-103 и др.], но и специальные монографии [Абдуллаев З. 1961; Мусаев 1984].

«В определении падежа отдельные исследователи расходятся во взглядах в зависимости от того, что берётся за основу определения падежа, что считается критерием, исходным моментом определения падежа: содержание (функция) его или же форма. Следовательно, решение этого вопроса характеризуется двумя основными направлениями: 1) направлением, сторонники которого считают основным моментом в определении падежа его содержание, переоценивают роль содержания и не принимают во внимание форму, недооценивают её; 2) направлением, противоположным первому, т.е. направлением, сторонники которого берут за основу определения падежа его форму, переоценивают её роль и не учитывают при этом роль значения, недооценивают его. И то, и другое направление характеризуется одной общей чертой, одним недостатком: отрывом значения от его материального выражения в грамматических формах, отрывом содержания от формы его выражения» [Абдуллаев З.Г. 1961: 32].

При решении вопроса о системе падежей в мекегинском диалекте даргинского языка мы исходим из грамматического строя данного диалекта. При этом, рассматривая падеж как единство формы и значения, мы принимаем во внимание слова профессора А.А. Сулейманова [2003: 70]:

«Отступление от этих норм неизбежно может привести к ошибкам при решении вопроса о категории падежа» и пользуемся ими, как путеводителем в решении данного вопроса относительно мекегинского диалекта.

Ознакомившись с трудами П.К. Услара, Л.И. Жиркова, С.Л. Быховской, С.Н. Абдуллаева, Ш.Г. Гаприндашвили и М.-С.М. Мусаева, профессор А.А. Сулейманов утверждает, что в решении вопроса о количестве падежей в даргинском языке все они расходятся друг с другом во мнении.

Автор приводит в качестве примера слова П.К. Услара, цитируя его: «Падежи, встречающиеся в хюркилинском языке, могут быть подведены под две категории. Первая категория включает в себе падежи, обозначающие отвлечённые отношения, вторая – падежи, обозначающие относительное положение в пространстве» [Услар 1892: 15].

П.К. Услар в даргинском языке устанавливает 26 падежей, 8 из которых являются падежами, обозначающими «отвлечённые отношения», 18 – падежами, которые выражают «относительное положение в пространстве», т.е. местными.

Л.И. Жирков в даргинском языке устанавливает 14 падежей, 4 из которых являются отвлечёнными, т.е. общелогическими, а 10 – местными и выражает сомнение в падежном характере форм с частицами –над, гьуна, –ван и –чиб.

По мнению З.Г. Абдуллаева, разногласия П.К. Услара и Л.И. Жиркова по вопросу о количестве падежей в даргинском языке в основном заключается в том, что П.К. Услар рассматривает окончания –ии и –у как послелогов, а –бит, –сад, –ад, –хьад – как падежные окончания, а Жирков – наоборот.

В системе даргинского склонения С.Л. Быховская [1940: 23] устанавливает 19 падежей, семь из которых являются «грамматическими», а двенадцать – местными, входящими в три серии. К местным падежам Быховская относит и падеж на –кад, но она его не включает в существующие серии. Из восьми общих падежей П.К. Услара С.Л. Быховская отрицает

четыре, но в отличие от П.К. Услара и Л.И. Жиркова она в число общих падежей включает три новых падежа: совместный, предметный и орудный.

С.Н. Абдуллаев [1954: 102] в «Грамматике даргинского языка» о системе падежей в даргинском языке пишет: «В акушинском диалекте даргинского языка существует семь общих падежей и сверх того местных падежей двенадцать.

Говоря о системе склонения даргинского литературного языка, Ш.Г. Гаприндашвили [1965: 123] рассматривает точку зрения С.Л. Быховской, представленную в её работе «Имена существительные в даргинском литературном языке и признаёт все падежные формы даргинского литературного языка, выявленные С.Л. Быховской в названной работе.

Категория падежа широко представлена в исследуемом нами мекегинском диалекте. В нём имеется целый ряд специфических и своеобразных особенностей в падежном составе и в системе склонения. Прежде всего, остановимся на расхождениях, имеющих место в составе падежей.

В мекегинском диалекте отсутствуют некоторые серии местных падежей. Как показывает наш материал, в мекегинском диалекте не функционируют серии на -xIu, -zIu, -y.

Функции серии на -xIu, со значением направления действия в полое помещение, выполняет серия на -zu (лит.) / -ze (мекег.) со значением направления действия в плотную массу, т.е. серия со значением интер-, ср.: лит. *арц къанихIu кадиxъа* «деньги положи в сундук» и мекег. *арц къвонгIулизе кадигъа* «деньги положи в сундук».

Значение серии на -y в мекегинском диалекте выражается при помощи послеложных конструкций, ср.: лит. *парталиу диgIянариуб* «спряталась под парту», мекег. *парталауди диgIянкииб* «спряталась под парту»; лит. *рурсилиуб бумхIули* – мекег. *рурсилаудиб бумхIуле* «под девушкой гарцуя»; лит. *къанилиубад дурабухъун* – мекег. *къвонгIулаудибад дурабухъун* «из-под сундука выбежала» и т.д.

Вместе с тем в литературном языке не представлена функционирующая в мекегинском диалекте серия на -чу со значением направления действия к «около чего-то». Ее функцию в литературном языке выполняет серия на -чи со значением супер-, т.е. направление действия на поверхность предмета, и серия на ɣIu, выражающая предмет, к которому направлено действие, ср.: мекег. *удзичу вашен* «иди к брату» и *удзике кьанIа кебиа* «надень шапку на брата», лит. *узи^{чи} ваши* «иди к брату» и *узи^{чи} кьанIа кабиа* «надень шапку на брата»; мекег. *цIаличу кайира*, лит. *цIалиг^{Iu} кайира* «подсел к огню» и т.д.

Как видно из примеров, в мекегинском диалекте значение «к брату» выражено формой контлатива на -чу (ср. *удзичу* «к брату»), а значение «на брата» - формой суперлатива на -ке (ср. *удзике* «на брата»).

В литературном языке оба эти значения выражаются одной формой - формой на -чи. Значение «к огню» в мекегинском диалекте также выражено формой контлатива на -чу, а в литературном языке - формой на ɣIu.

Привлеченный материал урахинского диалекта даргинского языка показывает, что в мекегинском диалекте, как и в литературном языке, не отмечаются серии аблатива, указывающие на направление удаления вверх, вниз, сюда или туда, которые наблюдаются в урахинском диалекте, ср.: урах. *вацIализибад* «из лесу вверх», *вацIализибхьад* «из лесу вниз», *вацIализибсад* «из лесу сюда», *вацIализиббит* «из лесу или через лес туда» - мекег. *вацIализебад* «из лесу (вверх, вниз, сюда или туда)». Не представлены в мекегинском диалекте также серии со значением направления действия к передней или задней стороне ориентира, которые функционируют в ряде других диалектов, ср.: бутр. *бяхIлиса* «к передней стороне стены», ицар. *хьалле^{гь}* «за дом, к задней части дома». Значение подобных серий в мекегинском диалекте выражается при помощи послеложных конструкций, ср.: *бяхIла гьала* «к передней части стены», *бяхIла гIела* «к задней части стены».

Много специфического и своеобразного отмечается также в системе падежных окончаний мекегинского диалекта. В литературном языке

активный падеж имеет три вида окончания. Это -ли, -ни, -й, в соответствии с которыми установлено три типа склонения [Сулейманов 1964: 103-106]. В рассматриваемом нами диалекте активный падеж имеет окончания -ни, -ли ср.:

	Лит. яз	Мекег. диал.	
А.П.	узи-ни (1 скл.)	удзи-ни	«братом»
А.П.	дарма-й (II скл.)	дармай-ни	«лекарством»
А.П.	уң-ли (III скл.)	уң-ли	«быком»

Родительный падеж в мекегинском диалекте, как и в литературном языке имеет два вида окончаний: -ла и нулевое окончание, т.е. усеченная форма, ср.: лит. (род. п.) уң-ла «быка» и дарма-ø «лекарства», мекег. (род. п.) уң-ла «быка» и дарма-ø «лекарства» и т.д.

Нулевое окончание родительного падежа в литературном языке и мекегинском диалекте - это следствие видоизменения исторически исходного окончания -ла в результате ряда фонетических процессов, имевших место на стыке морфем в историческом развитии языка.

В даргиноведческой литературе эволюция подобных процессов видится следующим образом, ср.: дарман + ла → дарманна → дармаа → дармā → дарма «лекарства» [Гаприндашвили 1956: 479-512]. Примечательно то, что все эти формы эволюционного развития родительного падежа представлены и функционируют в тех или иных диалектах даргинского языка, ср.: дарманла (цуд.) → дарманиа (сирх.) → дармаа (губд.) → дармā (урах.) → дарма (акуш. и мекег.).

Как показывают примеры, на первом этапе произошла ассимиляция (дарман + ла → дарманна), на втором этапе в положении между двумя гласными сонорные выпали (дарманна → дармаа), на третьем этапе произошло слияние одинаковых гласных в один долгий гласный (дармаа → дармā), на завершающем этапе долгота гласного исчезла (дармā → дарма) [Абдуллаев 1954: 30-33; Гасанова 1971: 311; Мусаев 1987: 57-63].

В современном даргинском литературном языке и в системе диалектных единиц дательный падеж оформляется окончаниями: -с, -з, -жс, -й. В мекегинском диалекте и в литературном языке у датива отмечается окончание -с, ср.: лит. *унирли-с* и мекег. *унирли-с* «быку», лит. *узи-с* и мекег. *удзи-с* «брату» и т.д. Окончания датива -з, -жс и -й отмечаются в основном в диалектах цудахарского типа и являются, по мнению М.-С.М. Мусаева, исторически возникшими фонетическими вариантами исходного -с, сохранившегося в литературном языке и, видимо, в мекегинском диалекте [Гаприндашвили 1948: 227-228; Мусаев 1989: 229]. Совместный падеж, или комитатив, в мекегинском диалекте имеет окончание -чал, а в литературном языке -чил, ср.: лит. *неиличил* и мекег. *абачал* «с матерью».

Окончание комитатива, как мекегинского диалекта -чал, так и литературного языка -чил, как полагают М.-С.М. Мусаев, по своему происхождению является сложным.

Оно представляет собой симбиоз окончания латива [-чи (лит.), -чу (мекег.)] и наречного суффикса -ли (лит.) / -ле (мекег.) [Мусаев 1989: 22].

Формы тематива как мекегинского диалекта, так и литературного языка в структурном отношении являются однотипными. В обоих случаях они представляют собой сочетание окончания суперлатива и окончания родительного падежа, ср.: супер-лат. *столли-чи* «на стол» и *столличи* + ла «о столе»; мекег. *устулли-ке* «на стол» и *устуллике* + ла «о столе». В форме литературного языка, как видно, изначальный заднеязычный к, который хорошо сохранился в мекегинском диалекте, в позиции перед гласным переднего ряда и подвергся палатализации и перешел в ч, как и в других подобных случаях.

Как известно, во многих диалектах даргинского языка, в том числе и в базовом акушинском диалекте литературного языка, заднеязычные к, г, кI в положении перед гласными переднего ряда в своем историческом развитии подверглись палатализации и перешли соответственно в ч, жс, чI [Гаприндашвили 1966: 246-249; Гасанова 1971: 58].

Итак, в ходе проведённого исследования, в системе склонения мекегинского диалекта нами установлено 19 падежей, семь из которых являются «общими», а 12 – «местными». К общим падежам относятся именительный, родительный, эргативный, дательный, совместный, предметный и орудийный, а к местным падежам относятся следующие серии:

1) направительные на -ке, -зе, -чу, которые «выражают предмет или место, к которому направлено действие, а также время, до которого продолжалось (или будет длиться действие);

2) падежи покоя – образуются от каждого из перечисленных направительных падежей посредством прибавления классного показателя, согласуемого по классу с тем предметом, который где-нибудь помещается, пребывает. Эти падежи выражают местонахождение предмета, место или время события или действия. Они суть формы на -кеб, -зеб, -чуб:

3) исходные – образуются от местных падежей прибавлением суффикса -ад, т.е. -кебад, -зебад, -чубад.

Они выражают предмет, место или время, от которого что-либо удаляется или с которого начинают действие. К ним же относятся и отправительные падежи, выражающие отправление предмета в определённую сторону другого предмета, но без обязательного прибытия в указанное место. Они образуются путём прибавления к каждой из форм направительных падежей окончания -бяхI: -кебяхI, -зебяхI, -чубяхI.

Склонение и его виды

Для решения вопроса о системе склонения в мекегинском диалекте важную роль играет наличие определённо установленных типов склонения. Именительный падеж мекегинского диалекта, как и литературного даргинского языка, не имеет окончания. Большинство косвенных падежей образуется от именительного падежа. Наблюдается разнообразие способов образования форм косвенных падежей.

Для установления отдельных типов склонения имён существительных в единственном числе, при таком разнообразии форм косвенных падежей, необходимо проанализировать, как решался этот вопрос до последнего времени, рассмотрев точки зрения отдельных дагестанских учёных.

Например, С.Н. Абдуллаев [1961: 120] пишет: «Часть имён образует косвенные падежи прямо от именительного падежа, другая, большая часть образует их от эргатива. Сам по себе эргатив имеет три фонетически различных окончания: -ли, -ни, -й, причём косвенные падежи могут образоваться от разновидностей -ли, -й, но не от -ни.

Таким образом, склонение имён в даргинском языке не единое; в основном мы имеем четыре типа склонения: 1-е - склонение имён во множественном числе; 2-е - склонение имён, косвенные падежи которых образуются от именительного падежа; 3-е - склонение имён, эргатив которых оканчивается на -ли; 4-е - склонение имён, эргатив которых оканчивается на -й.

Отличие этих четырёх склонений друг от друга заключается лишь в наличии в составе окончаний падежей элемента эргатива или в его отсутствии, с одной стороны, и в том - какова форма этого элемента эргатива - с другой»

З.Г. Абдуллаев соглашается с С.Н. Абдуллаевым в определении первого склонения, т.е. единого типа склонения имён во множественном числе, но дальше у них идут разногласия. З.Г. Абдуллаев пишет: «В даргинском литературном языке склонение имён и местоимений в единственном числе имеет три типа, но они отличаются от типов, установленных С.Н. Абдуллаевым.

Первый тип представляет собой имена, второй основой косвенных падежей которых является эргативный падеж; второй тип представляет собой имена, второй основой косвенных падежей которых является тот или иной направительный падеж и, наконец, третий тип - это склонение личного местоимения ну//ду «я», где косвенные падежи имеют две вторые основы

своего образования: дательный падеж – для ветви формы ну и направительный (III) падеж – для ветви формы ду.

В этих типах склонения имеются и отклонения. В первом типе склонения исключением является родительный падеж, который образуется не наращением специального своего окончания на окончание эргативного падежа, а сменой его.

Во втором типе исключением являются эргативный, родительный и дательный падежи, которые образуются, наряду с направительными от именительного падежа сменой одного окончания другим.

В третьем типе склонения каждая ветвь имеет своё исключение: для ветви формы ну исключением является эргативный падеж, а для ветви формы ду – родительный падеж» [Абдуллаев С.Н. 1954: 75].

Сулейманов А.А., как и все нынешние лингвисты-даргиноведы, к определению типов склонения имён существительных в единственном числе подходит совершенно по-другому. Он пишет: «Как мы уже отметили, большинство косвенных падежей образуется от именительного падежа.

Смотря на какой звук оканчивается именительный падеж, эргативный (активный) падеж имён существительных в единственном числе бывает трёх видов: -ни, -и, -ли. Как раз по окончанию эргативного падежа определяем тип склонения в единственном числе.

Мы имеем 4 типа склонения: 1-е склонение, имена существительные, эргатив которых оканчивается на -ни, а также существительные на й (Батирай, Аткай...); 2-е склонение, имена существительные, эргатив которых оканчивается на -й; 3-е склонение, имена существительные, эргатив которых оканчивается на -ли; 4-е склонение, имена существительные во множественном числе, эргатив которых оканчивается на -ани [Сулейманов А.А. 2003: 79].

Говоря о системе склонения в мекегинском диалекте, следует остановиться на следующих особенностях парадигмы его склонения, которые не наблюдаются в литературном языке.

Прежде всего, речь идет о специфике производящей основы падежных словоформ мекегинского диалекта.

Производящей основой для словоформы родительного падежа множественного числа, в отличие от литературного языка, в мекегинском диалекте служит форма номинатива, т.е. именительного падежа, в остальных случаях, как и в литературном языке, производящей основой служит особая форма на -а, отличная от формы именительного падежа.

Например, ср.:

лит. яз	мекег.	
<i>рурсбе</i>	<i>рурсбе</i>	«девушки»
<i>рурсба-ни</i>	<i>рурсба-ни</i>	«девушками»
<i>рурсба-ла</i>	<i>рурсбе-ла</i>	«девушек»
<i>рурсба-с</i>	<i>рурсба-с</i>	«девушкам»

Обращает на себя внимание и производящая основа косвенных падежей (кроме генитива) мекегинского диалекта у существительных, относящихся в литературном языке ко второму склонению.

Данная основа не равняется какой-либо падежной форме склонения мекегинского диалекта, в то время как подобная основа в литературном языке представляет собой форму эргатива, ср.:

	лит. яз.	мекег.	
Ном.	<i>душман</i>	<i>душман</i>	«враг»
Эрг.	<i>душмай</i>	<i>душмай-ни</i>	«врагом»
Ген.	<i>душма</i>	<i>душма</i>	«врага»
Дат.	<i>душмай-с</i>	<i>душмай-с</i>	«врагу»
Ком.	<i>душмай-чил</i>	<i>душмай-чал</i>	«с врагом»
Тем.	<i>душмай-чила</i>	<i>душмай-кела</i>	«о враге»
Инстр.	<i>душмай-чибли</i>	<i>душмай-кебле</i>	«врагом» и т.д.

В заключение отметим, что в мекегинском диалекте тип склонения в

единственном числе определяется по окончанию эргативного падежа и по виду производящей основы:

1-е склонение, имена существительные, у которых производящей основой косвенных падежей является форма номинатива и эргатив оканчивается на -ни (ср.: ном. *удзи* «брат», эрг. *удзи-ни* «братом», ген. *удзи-ла* «брата», дат. *удзи-с* «брату» и т.д.), а также существительные на й;

2-е склонение, существительные, у которых производящей основой косвенных падежей является основа на -й и эргатив оканчивается на -ни (ср.: ном. *дарман* «лекарство», эрг. *дармай-ни* «лекарством», дат. *дармай-с* «лекарству», лат. *дармай-ке* «на лекарство» и т.д.);

3-е склонение, имена существительные, у которых производящей основой косвенных падежей является форма эргатива с окончанием -ли (ср.: ном. *уни* «бык», эрг. *уни-ли*, дат. *уни-ли-с* «быку», ком. *уни-ли-чал* «с быком», лат. *уни-ли-ке* «на быка» и т.д.);

4-е склонение множественного числа, имена существительные во множественном числе, эргатив которых оканчивается на -ани (ср.: ном. *унце* «быки», эрг. *уни-ани* «быками», ген. *уни-цела* «быков» и т.д.).

Таблица типов склонения имён существительных мекегинского диалекта:

І склонение

Примеры: *аба* «мама», *ада* «папа», *Зубайру* «имя муж.».

Единственное число

Общие (абстрактные падежи)

Падежи	Вопросы	Примеры		
Уйхъу п.	<i>че?</i>	<i>аба</i>	<i>ада</i>	<i>Зубайру</i>
Актив п.	<i>хІуни?</i>	<i>аба-ни</i>	<i>ада-ни</i>	<i>Зубайру-ни</i>
Хас п.	<i>хІула?</i>	<i>аба-ла</i>	<i>ада-ла</i>	<i>Зубайру-ла</i>
Лугу п.	<i>хІус?</i>	<i>аба-с</i>	<i>ада-с</i>	<i>Зубайру-с</i>
Барх п.	<i>хІичал?</i>	<i>аба-чал</i>	<i>ада-чал</i>	<i>Зубайру-чал</i>

Гъалаб. п.	<i>хIикела?</i>	<i>аба-кела</i>	<i>ада-кела</i>	<i>Зубайру-кела</i>
Сабаб п.	<i>хIикебле?</i>	<i>аба-кебле</i>	<i>ада-кебле</i>	<i>Зубайру-кебле</i>

Местные надежи

Гъамдешла п.	<i>хIичу?</i>	<i>аба-чу</i>	<i>ада-чу</i>	<i>Зубайру-чу</i>
	<i>хIизе?</i>	<i>аба-зе</i>	<i>ада-зе</i>	<i>Зубайру-зе</i>
Паргъат п.	<i>хIикеб?</i>	<i>аба-кеб</i>	<i>ада-кеб</i>	<i>Зубайру-кеб</i>
	<i>хIизеб?</i>	<i>аба-зеб</i>	<i>ада-зеб</i>	<i>Зубайру-зеб</i>
ДекIарбикла	<i>хIикебад?</i>	<i>аба-кебад</i>	<i>ада-кебад</i>	<i>Зубайру-кебад</i>
	<i>хIичубад?</i>	<i>аба-чубад</i>	<i>ада-чубад</i>	<i>Зубайру-чубад</i>
	<i>хIизебад?</i>	<i>аба-зебад</i>	<i>ада-зебад</i>	<i>Зубайру-зебад</i>
БяхIкеб.п.	<i>хIичубяхI?</i>	<i>аба-чубяхI</i>	<i>ада-чубяхI</i>	<i>Зубайру-чубяхI</i>

II Склонение

Примеры: *партал* «вещи», *къвял* «корова», *урцул* «дрова».

Общие (абстрактные надежи)

Уйхъу п.	<i>се?</i>	<i>партал</i>	<i>къвял</i>	<i>урцул</i>
Актив п.	<i>сели?</i>	<i>парта-йни</i>	<i>къвяй-ни</i>	<i>урцууй-ни</i>
Хас п.	<i>села?</i>	<i>парта</i>	<i>къвя</i>	<i>урца</i>
Лугу п.	<i>селис?</i>	<i>партай-с</i>	<i>къвяй-с</i>	<i>урцууй-с</i>
Барх п.	<i>селичал?</i>	<i>партай-чал</i>	<i>къвяй-чал</i>	<i>урцууй-чал</i>
Гъалаб. п.	<i>селикела?</i>	<i>партай-кела</i>	<i>къвяй-кела</i>	<i>урцууй-кела</i>
Саб. п.	<i>селикебле?</i>	<i>партай-кебле</i>	<i>къвяй-кебле</i>	<i>урцууй-кебле</i>

Местные надежи

Гъамд. п.	<i>селичу?</i>	<i>партай-чу</i>	<i>къвяй- чу</i>	<i>урцууй-чу</i>
	<i>селизе?</i>	<i>партай-зе</i>	<i>къвяй-зе</i>	<i>урцууй-зе</i>
	<i>селике?</i>	<i>партай-ке</i>	<i>къвяй-ке</i>	<i>урцууй-ке</i>
Паргъат. п.	<i>селикеб?</i>	<i>партай-кеб</i>	<i>къвяй-кеб</i>	<i>урцууй-кеб</i>
	<i>селизеб?</i>	<i>партай-зеб</i>	<i>къвяй-зеб</i>	<i>урцууй-зеб</i>
	<i>села удиб</i>	<i>парта удиб</i>	<i>къвя удиб</i>	<i>урца удиб</i>

Деклар. п.	селикебад?	партай-кебад	къвайкебад	уриуй-кебад
	селизебад?	партай-зебад	къвай-зебад	уриуй-зебад
Бяхкеб. п.	селичубяхI	партай-чубяхI	къвай-чубяхI	уриуй-чубяхI

III Склонение

Примеры: унц «бык», къвонгIи «сундук», цIа «огонь».

Общие (абстрактные) надежи

Уйхъу п.	се?	унц	къвонгIи	цIа
Актив. п.	сели?	унц-ли	къвонгIи-ли	цIа-ли
Хас п.	села?	унц-ла	къвонгIи-ла	цIа-ла
Лугу п.	селис?	унц-лис	къвонгIи-лис	цIа-лис
Барх п.	селичал?	унц-личал	къвонгIи-личал	цIа-личал
Гъалаб.п.	селикела?	унц-ликела	къвонгIи-ликела	цIа-ликела
Сабаб п.	селикебле?	унц-ликебле	къвонгIи-ликебле	цIа-ликебле

Местные надежи

Гъамд. п.	селичу?	унц-личу	къвонгIи-личу	цIа-личу
	селизе?	унц-лизе	къвонгIи-лизе	цIа-лизе
Паргъат. п.	селикеб?	унц-ликеб	къвонгIи-ликеб	цIа-ликеб
	селиzeb?	унц-лизеб	къвонгIи-лизеб	цIа-лизеб
Деклар. п.	селикебад?	унц-ликебад	къвонгIи-ликебад	цIа-ликебад
	селизебад?	унц-лизебад	къвонгIи-лизебад	цIа-лизебад
Бяхкеб.	селичубяхI?	унц-личубяхI	къвонгIи-личубяхI	цIа-личубяхI

IV Склонение

Примеры: унце «быки», удзбе «братья», къвайиме «ноги», къвале «коровы».

Множественное число

Общие (абстрактные) надежи

Уйхъу п.	<i>унце</i>	<i>удзбе</i>	<i>квяишме</i>	<i>квяяле</i>
Актив п.	<i>унца-ни</i>	<i>удзба-ни</i>	<i>квяишма-ни</i>	<i>квяяла-ни</i>
Хас п.	<i>унце-ла</i>	<i>удзбе-ла</i>	<i>квяишме-ла</i>	<i>квяяле-ла</i>
Лугу п.	<i>унца-с</i>	<i>удзба-с</i>	<i>квяишма-с</i>	<i>квяяла-с</i>
Барх п.	<i>унца-чал</i>	<i>удзба-чал</i>	<i>квяишма-чал</i>	<i>квяяла-чал</i>
Гъалаб.п.	<i>унца-кела</i>	<i>удзба-кела</i>	<i>квяишма-кела</i>	<i>квяяла-кела</i>
Сабаб п.	<i>унца-кебле</i>	<i>удзба-кебле</i>	<i>квяишма-кебле</i>	<i>квяяла-кебле</i>

Местные падежи

Гъамдеш. п.	<i>унца-чу</i>	<i>удзба-чу</i>	<i>квяишма-чу</i>	<i>квяяла-чу</i>
Паргъат. п.	<i>унца-чуб</i>	<i>удзба-чуб</i>	<i>квяишма-чуб</i>	<i>квяяла-чуб</i>
ДекIар. п.	<i>унца-чубад</i>	<i>удзба-чубад</i>	<i>квяишма-чубад</i>	<i>квяяла-чубад</i>
БяхIкеб.	<i>унца-чубяхI</i>	<i>удзба-чубяхI</i>	<i>квяишма-чубяхI</i>	<i>квяяла-чубяхI</i>

Особенности склонения прилагательных, числительных, местоимений и наречий

В мекегинском диалекте, так же, как и в литературном даргинском языке, прилагательные в сочетании с определяемыми именами (в атрибутивной функции) не склоняются, ср.: им. п. *иштIал удзи* «маленький брат», в эрг. п. *иштIал удзини* «маленький брат» (как деятель), дат. п. *иштIал удзис* «маленькому брату»; им. п. *биштIате удзбе* «маленькие братья», *биштIате удзбани (удзба)* «маленькие братья» (как деятели), дат. п. *биштIате удзбас* «маленьким братьям» и т.д. Прилагательные *иштIал* в единственном числе и *биштIате* во множественном числе остались неизменными при изменении определяемых имён *удзи* «брат» и *удзбе* «братья» по всем падежам. Прилагательные не подвергаются внутренней флексии ни при образовании падежей, ни при образовании множественного числа, и те фонетические изменения, которые имеют место в существительном на *-л*, здесь не происходят; прилагательные на *-л* в

эргативе и родительном падеже сохраняют свою полную форму: *хволалли*, *хволалла*, *иитIалли*, *иитIалла*.

В мекегинском диалекте склонение прилагательных в единственном числе определяется по окончанию эргативного падежа и по виду производящей основы.

В отличие от существительных, в системе прилагательных имеется три типа склонения:

1-е склонение, прилагательные, у которых производящей основой косвенных падежей является основа на -й и эргатив оканчивается на -ни (ср.: ном. *убла* «бывший», эрг. *ублай-ни*, дат. *ублай-с*, лат. *ублай-ке* и т.д.);

2-е склонение, прилагательные, у которых производящей основой косвенных падежей является форма эргатива с окончанием -ли (ср.: ном. *вайна* «плохой», эрг. *вайнали*, дат. *вайнали-с*, ком. *вайнали-чал*, лат. *вайнали-ке* и т.д.);

3-е склонение, прилагательные во множ. числе, эргатив которых оканчивается на -ани (ср.: ном. *дурхъате* «дорогие», эрг. *дурхъатани*).

I тип склонения

К первому типу склонения относятся прилагательные с суффиксами -ан(-ян, -ен), -кан, -лан, -шан, -ла.

Им. п. *ахъушан*, *лавашакан* «акушинский, левашинский»

Эрг. п. *ахъушайни*, *лавашакайни* «акушинский, левашинский»

Ген. п. *ахъушанла*, *лавашаканла* «акушинского, левашинского»

Дат. п. *ахъушайс*, *лавашакайс* «акушинскому, левашинскому»

Комит. п. *ахъушайчал*, *лавашакайчал* «с акушинским, с левашинским»

Тем. п. *ахъушайкела*, *лавашакайкела* «об акушинском, об левашинском»

Медит. п. *ахъушайкебле*, *лавашакайкебле* «акушинским, левашинским»

Локативные падежи

Адит. *ахъушайчу*, *лавашакайчу* «к акушинскому, левашинскому»

Локат. *ахъшайчуб, лавашакайчуб* «у акушинского, у левашинского»

Аблат. *ахъушайчубад, лавашакайчубад* «от акушинского, левашинского»

II тип склонения

Ко второму типу склонения относятся прилагательные с суффиксами – *а, -э(-е), -а(я), -къа, -ил, -л, -й, -на, -ар, -кар, -кеб, -кебил, -гъуна* :

Имен.п. *шиниша, берхIе* «зелёный, рыжий»

Эрг. п. *шинишали, берхIели* «зелёный, рыжий»

Род. п. *шинишала, берхIела* «зелёного, рыжего»

Дат. п. *шинишалис, берхIелис* «зелёному, рыжему»

Совм. п. *шинишаличал, берхIеличал* «с зелёным, с рыжим»

Предм. п. *шинишаликела, берхIеликела* «о зелёном, о рыжем»

Оруд. п. *шинишаликебле, берхIеликебле* «зелёным, рыжим»

Локативные (местные) надежи

Напр. п. *шинишаличу, берхIеличу* «к зелёному, к рыжему»

Лок. п. (покоя) *шинишаликеб, берхIеликеб* «на зелёном, на рыжем»

Отпр. п. *шинишаличубяхI, берхIеличубяхI* «в сторону зелёного, рыжего»

Исход. п. *шинишаличубад, берхIеличубад* «от зелёного, от рыжего»

III тип склонения

К третьему типу склонения относятся все прилагательные во множественном числе с суффиксом *-ани* в эргативе:

Им. – *джагвоте, вавагъунте* «красивый, похожий на цветок»

Эрг. – *джагвотани, вавагъунтани*

Род.п. – *джагвотела, вавагъунтела*

Дат – *джагвотас, вавагъунтас*

Ком. – *джагвотачал, вавагъунтачал*

Тем. – *джагвотакела, вавагъунтакела*

*Местные падежи*Напр. – *джагвотачу, вавагъунтачу*Локат. – *джаготакеб, вавагъунтакеб*Отправ. – *джагвотачубяхI, вавагъунтачубяхI*

В мекегинском диалекте числительные в атрибутивной функции так же, как и в литературном языке не располагают какой-либо грамматической категорией, в том числе и категорией падежа. При изменении определяемого имени атрибутивное числительное остаётся неизменным. Склонению подвергаются количественные, порядковые, собирательные числительные только в субстантивированной функции:

Количественные числительные

Ср.:	Атрибут. ф.	Субстант. ф.
Имен.	<i>швел адам</i> «пять человек»	<i>швел бакIиб</i> «пятеро пришли»
Эрг.	<i>швел адамли</i>	<i>шули баркьиб</i> «пятеро сделали»
Род.	<i>швел адамла</i>	<i>шула леб</i> «у пятерых имеется»
Дат.	<i>швел адамлис</i>	<i>шулис дикиб</i> «пятерым достались»

Порядковые числительные

Ср.:	Атрибут. ф.	Субстант. ф.
Им.	<i>шуибил класс</i> «пятый класс»	<i>шуибил бакIиб</i> «пятый пришёл»
Эрг.	<i>шуибил классли</i>	<i>шуибилли баркьиб</i> «пятый сделал»
Род.	<i>шуибил классла</i>	<i>шуибилла лер</i> «у пятого имеются»
Дат.	<i>шуибил класслис</i>	<i>шуибиллис дикиб</i> «пятому достались»

Собирательные числительные мекегинского диалекта, как и в литературном языке, образуются путём прибавления к полной форме числительного суффикса *-ра*: *kIвелра* «двое», *xIябалра* «трое» и т.д.

Собирательные, количественные и порядковые числительные при самостоятельном употреблении подвергаются падежному изменению. Но здесь они имеют свою особенность, заключающуюся в том, что при склонении суффикс того или иного падежа вклинивается между основой и суффиксом *-ра* с семантикой союза «и» и суффиксальным комплексом *-л-ра*

с семантикой «даже». Для наглядности обе разновидности падежных форм собирательных числительных расположим рядом в виде парадигмы:

Эрг. *кИви́ира – кИви́илра*

Ген. *кИви́ара – кИви́алра*

Дат. *кИви́исра – кИви́исалра*

Приведём также два выражения из мекегинского диалекта, где разновидности эргатива одного и того же собирательного числительного употреблены в одном и том же контекстуальном окружении: *Ии хІянки кИви́ира биркьу*. «Эту работу сделают и двое», то есть «И двоим под силу эта работа». – *Ии хІянки кИви́илра биркьу*. «Эту работу сделают оба», то есть «Эту работу сделают вдвоём».

Как и в литературном даргинском языке, в мекегинском диалекте местоименным словам характерно склонение. Но в отличие от существительных и прилагательных, местоимения имеют целый ряд особенностей при склонении.

В первую очередь следует отметить, что при склонении отдельных местоимений обнаруживается появление новых основ. Это нетрудно заметить, если мы просклоняем такие местоимения, как *ну* «я», *хІу* «ты», *саби* «они, сами», *сай* «он, сам».

Склонение местоимений *ну* «я» и *хІу* «ты».

Мекег. диал.:

Ном.	<i>ну</i> «я»	<i>хІу</i> «ты»
Эргат.	<i>нуни</i> «я, мной»	<i>хІуни</i> «ты, тобой»
Генетив.	<i>дила</i> «мой, у меня»	<i>хІела</i> «твой, у тебя»
Датив.	<i>наб</i> «мне»	<i>хІед</i> «тебе»
Комит.	<i>дичал</i> «со мной»	<i>хІечал</i> «с тобой»
Темат.	<i>дикела</i> «обо мне»	<i>хІекела</i> «о тебе»
Медит.	<i>дикебле</i> «из-за меня»	<i>хІекебле</i> «из-за тебя»
Адитив.	<i>дичу, ди́ке</i> «ко мне, на меня»	<i>хІечу, хІе́ке</i> «тебе, на тебя»
Локат.	<i>дичуб, ди́кеб</i> «у меня, на мне»	<i>хІечуб, хІе́кеб</i> «у тебя, на тебя»

Аблат.	<i>дичубад</i> «от меня»	<i>хIечубад</i> «от тебя»
Дестин.	<i>дичубяхI</i> «ко мне»	<i>хIечубяхI</i> «к тебе»

Склонение местоимений *сай* «он, сам», *саби* «они, сами»

Имен.	<i>сай</i> «он сам»	<i>саби</i> «они, сами»
Эргат.	<i>сунени</i>	<i>чуни</i>
Родит.	<i>сунела</i>	<i>чула</i>
Дательн.	<i>сунес</i>	<i>чус</i>
Совмест.	<i>сунечал</i>	<i>чучал</i>
Предмет.	<i>сункела</i>	<i>чукела</i>
Орудн.	<i>сунекебле</i>	<i>чукебле</i>
Направ.	<i>сунечу</i>	<i>чучу</i>
Мест.	<i>сунечуб</i>	<i>чучуб</i>
Исход.	<i>сунечубад</i>	<i>чучубад</i>
Отправ.	<i>сунечубяхI</i>	<i>чучубяхI</i>

Как видно из примеров, при склонении личных местоимений *ну*, *хIу* и возвратных *сай*, *саби* в косвенных падежах появляются другие основы: *на-*, *ди-*, *хIе-*, *сун-*, *чу-*. Более того, данные местоимения характеризуются целым рядом других особенностей в образовании падежных форм. Так, в литературном языке местоимение I-го лица *ну* образует группу падежных форм, в отличие от существительных и прилагательных, от формы дательного падежа, а в мекегинском диалекте от основы *-ди* родительного падежа.

В мекегинском диалекте местоимение *ну* «я» имеет специфическую форму дательного падежа *наб*, которая в дальнейшем не играет никакой роли в образовании форм косвенных падежей. В литературном языке форма родительного падежа также является единственной с такой основой. В отличие от *наб* (местоимение *ну*), *хIе* (местоимение *хIу*) служит основой для остальных падежей.

Местоимения *нуша* и *хIуша* образуют косвенные падежи от основы номинатива. Что касается местоимений *сай*, *саби*, то их форма дательного

падежа соответствует форме дательного падежа существительных и прилагательных, соблюдающих общую схему образования падежей от формы эргатива, но сама форма эргатива отличается от формы именительного падежа, т.е. имеет совершенно другую основу.

В мекегинском диалекте подавляющее большинство склоняемых местоимений различных разрядов имеют такие же падежные формы, как и существительные и прилагательные. Некоторые местоимения, обычно соотносимые с наречиями, склоняются частично, по местным падежам. Например:

Адитив	<i>кина</i>	«куда»	<i>ите</i>	«туда»
Локатив	<i>кинаб</i>	«где»	<i>итеб</i>	«там»
Аблатив	<i>кинабад, кинад</i>	«откуда»	<i>итебад, итад</i>	«оттуда»
Дестинатив	<i>кинабяхI</i>	«в какую сторону»	<i>итебяхI</i>	«в ту сторону»

В мекегинском диалекте, как и в литературном даргинском языке, у многих неопределённых местоимений склоняется только первая часть, заключающая в себе значение неопределённости, присоединяется к падежным формам, ср.:

Имен.	<i>чумра</i>	«сколько-то»	<i>че-баллера</i>	«кто-либо»
Эргатив.	<i>чумлира</i>		<i>xIин-баллера</i>	
Родит.	<i>чумлара</i>		<i>xIила-баллера</i>	
Дат.	<i>чумлисра</i>		<i>xIис-баллера</i>	
Совмест.	<i>чумличалра</i>		<i>xIичал-баллера</i>	

Важным морфологическим признаком для наречий русского языка является неизменяемость. Но эта особенность не может служить квалификационным критерием для наречий даргинского языка, так как часть из них имеет словоизменительный характер. Поэтому при квалификации наречий необходимо учитывать морфологические, семантические и синтаксические особенности.

Отдельные неизменяемые наречия даргинского языка и диалектов характеризуются такой существенной особенностью, как совпадение форм

неизменяемых наречий с формами производных наречий. Производных и неизменяемых наречий в даргинском языке относительно мало, причём эта особенность пронизывает всю диалектную систему даргинского языка [Сулейманов А.А. 2003: 305-306].

Эти производные неизменяемые наречия по своему морфологическому составу состоят из одного чистого корня, в котором в синхронном плане не выделяются какие-либо служебные, словообразовательные или словоизменительные аффиксы. Таковыми, то есть неизменяемыми наречиями литературного даргинского языка и мекегинского диалекта являются следующие наречия:

Лит.		Мекег.
<i>гIур</i>	«потом»	<i>гIур</i>
<i>мурт</i>	«когда»	<i>мурт</i>
<i>дугI</i>	«в неопределённом направлении»	<i>дугIехъеле</i>
<i>дура</i>	«вне помещения»	<i>дура</i>
<i>лаг</i>	«вверх»	<i>лаг</i>
<i>кат</i>	«вниз»	<i>катхIел</i>
<i>ириъ</i>	«в прошлом году»	<i>ириъ</i>
<i>хIеб</i>	«весной»	<i>атхIуяб</i>
<i>дуцIрум</i>	«летом»	<i>хIуяб</i>
<i>гIебшни</i>	«осенью»	<i>бегъни</i>
<i>яни</i>	«зимой»	<i>эни</i>
<i>савли</i>	«утром»	<i>савла</i>
<i>дуги</i>	«ночью»	<i>дуге</i>
<i>гъанна</i>	«сейчас»	<i>гъанне</i> и т.д.

Определённую группу составляют и такие наречия, которые имеют характер словоизменения. Следует отметить, что наречия относятся лишь к частично изменяющимся частям речи.

Как правило, изменяемые наречия даргинского языка изменяются по классам, числам и падежам. Пространственные наречия принимают формы некоторых местных падежей. Например, в мекегинском диалекте:

Направ.	<i>ише</i>	«сюда»	<i>ите</i>	«туда»
Локат.	<i>ишеб</i>	«здесь»	<i>итеб</i>	«там»
Отправ.	<i>ишебяхI</i>	«в эту сторону»	<i>итебяхI</i>	«в ту сторону»
Исход.	<i>ишебад, ишад</i>	«отсюда»	<i>итебад, итад</i>	«оттуда»

В даргинском языке и в мекегинском диалекте пространственные наречия обозначают место совершения действия или указывают направление движения в пространственной ориентации по отношению к референту, отвечают на вопросы:

Лит.		Мекег.
<i>Чина?</i>	«куда?»	<i>Кина? Куде?</i>
<i>Чинаб?</i>	«где?»	<i>Кинаб(а)? Кудеб(а)?</i>
<i>Чинад?</i>	«откуда?»	<i>Кинад(а)? Кудебад(а)?</i>
<i>ЧинабяхI?</i>	«в какую сторону?»	<i>КинабяхI? КудебяхI?</i>

Целая группа пространственных наречий образована от указательных местоимений. Они в основном показывают ориентацию в пространстве. В мекегинском диалекте к ним относятся следующие наречия: *ише* «сюда» («к говорящему или в сторону говорящего», образовано от *иш* «этот», говорящий или предмет, который находится у говорящего), *ите* «туда» («в сторону или в другую сторону от говорящего», образовано от *ит* «тот», который находится в стороне от говорящего», тот, кто говорит с другой стороны, или предмет, находящийся на другой стороне), *иле* «туда» («к следующему», образовано от *икI* «тот», который находится наверху, или предмет, который находится рядом или в руках находящегося наверху), *ихе* «туда, вниз» («вниз от говорящего», образовано от *их* «тот», который находится внизу, или предмет, который находится рядом или в руках того, кто находится внизу»).

Пространственные наречия с суффиксом –а в специальной литературе названы «адитивными наречиями» [Абдуллаев З.Г. 1961: 216], и отмечено, что они служат деривационной (словообразовательной) базой для образования новых пространственных наречий локативной семантики. В мекегинском диалекте суффиксу –а соответствует суффикс –е (*иша* – *ише*, *ита* – *ите*, *ила* – *иле*, *икIа* – *икIе*, *иха* – *ихе*), и, как и в литературном даргинском языке, наречия локативной, аблативной и дестинативной семантики в мекегинском диалекте образуются присоединением к формам наречий адитивной семантики варьирующих классных показателей. ср: литер. *иша* – *иша-в(р,б)* – *ишав(р,б)ад* – *ишав(р,б)яхI* и мекег. *ише* – *ише-в(р,б)* – *ишев(р,б)ад* – *ишев(р,б)яхI* «сюда; здесь, у говорящего; отсюда, от говорящего; сюда, в эту сторону».

Аналогичные серии образуются и от таких пространственных наречий:

Лит.:	Мекег.:	
<i>че́ди</i>	<i>ахъу</i>	«наверх»
<i>че́див(р,б)</i>	<i>ахъув(р,б)</i>	«наверху»
<i>че́див(р,б)ад</i>	<i>ахъув(р,б)ад</i>	«сверху»
<i>че́див(р,б)яхI</i>	<i>ахъув(р,б)яхI</i>	«вверх»

Аналогично образуют локативную, аблативную и дестинативную семантику следующие наречия:

<i>уди</i>	<i>уди</i>	«вниз»
<i>гIела</i>	<i>гIела</i>	«назад»
<i>дура</i>	<i>дура</i>	«вне»
<i>урга</i>	<i>урга</i>	«в середину»
<i>гьала</i>	<i>гьала</i>	«вперёд»
<i>бухIна</i>	<i>бухIна</i>	«вовнутрь»

Такие наречия в форме именительного падежа не встречаются; их исходной формой является направительный падеж, от которого регулярно образуются местоимения и исходные падежи. Эти наречия семантически характеризуются тем, что они большей частью показывают место, и

частично время, относительно другого предмета или времени. Эти наречия обычно употребляются только в сочетании с тем или иным именем в определённом падеже. Если такие наречия употребляются и без такого имени, то часто в таких случаях всё же подразумевается имя, управляемое этим наречием. Эти наречия называются послелогом.

Наречия даргинского языка исторически не что иное, как имена в том или ином падеже: именительном, эргативном, родительном, дательном или в одном из местных падежей со служебным словом или частицей. Тем не менее, между именем и наречием имеется существенная разница, заключающаяся в том, что в отличие от имени наречие не может быть определяемым и склоняется частично, т.е. бывает не во всех падежах. Как и в литературном языке, в мекегинском диалекте, в то время как именительный падеж имени отвечает на вопросы *че?* (лит.: *чи?*) «кто?», *се?* «что?» – исходная форма наречия отвечает на вопросы: *мурт* «когда?», *кина?* (лит.: *чина?*) «куда?», *секьяйда?* «как?».

По поводу изменения по падежам наречия времени *даг* существуют разногласия среди некоторых даргиноведов. Например, А.А. Сулейманов [2003: 306] относит его к неизменяемым наречиям даргинского языка, такого же мнения придерживается У.У. Гасанова [1997: 7]. С.Н. Абдуллаев [1954: 198] приводил наречие *даг* в качестве примера тому, что наречия времени встречаются в родительном, дательном и во всех местных падежах. На этот случай у А.А. Сулейманова [2003: 296] есть определённые сомнения, так как он утверждает, что «определённые падежные формы таких наречий не являются наречиями, они переходят в другую часть речи, ср.: *дагла* «вчерашний». Тут нам ничего не остается, как согласиться с профессором А.А. Сулеймановым, действительно, *дагла* (родит. п.) отвечает на вопрос *сегуна?*, *кудил?*, т.е. на вопрос прилагательных. Но является ли наречие *даг* неизменяемым, скорее, оно, всё-таки, частично изменяемо. Например, мекег.: дательн. – *даглис хлядурбаркъес гляньйре* «ко вчерашнему дню нужно было приготовить» (*Когда? К какому времени?*); аблатив. – *дагликебад дяхИдигьиб*

« со вчерашнего дня начались» (*С каких пор?*). То же самое и с наречием времени *джагІял* «завтра», *джагІялла* (родит. п.) не является наречием, но: мекег. дательн. – *джагІяйс кадуха* букв. «к завтрашнему дню принеси», аблатив. – *джагІяйкебад дехІдиргье* букв. «с завтрашнего дня начнём». В данном случае, наречия *даг* и *джагІял* несут в себе значение целого словосочетания, состоящего из прилагательного и существительного («вчерашний день», «завтрашний день») и именно поэтому оно становится изменяемым.

С.Н. Абдуллаев [1954: 200] пишет: «Наречия образа действия не склоняются, т.к. они в своей основной форме исторически являются эргативными падежами. Количественное наречие может принимать окончание *ли*, *и* – причём тогда получается новое наречие со значением «за столько-то раз, в такой-то раз»: *гъачамли* «одним разом»...» и «Количественные наречия в дательном падеже дают значение: *гъачамлис* «пока»...». Всё вышесказанное характерно и для мекегинского диалекта. Помимо этого, местная форма количественного наречия также, как и в литературном языке, тоже даёт другое наречное значение: «больше (меньше), чем столько раз»: *гъачамликеб имџІале ахІина* «не больше чем один раз», *кІуйналикеб камлере* «было меньше, чем два раза».

Система глагольного словоизменения

Как отмечают специалисты, «систему современного глагольного словоизменения даргинского литературного языка образуют такие морфологические категории, как категория грамматических классов, категория числа, категория переходности-непереходности, категория вида, категория лица, категория времени и наклонения» [Мусаев 1980: 3].

Судя по нашим материалам, систему глагольного словоизменения мекегинского диалекта образуют те же морфологические категории, что и в литературном языке, но с определённой разницей в их формальном

выражении. Категория вида и переходности-непереходности тесно связаны с лексическим значением слова и поэтому являются в основном классифицирующими. Лишь незначительная часть глаголов рассматриваемого диалекта, как и в литературном языке, образует две противоположные по виду и переходности-непереходности формы [Мусаев 2002: 65].

Такие словоизменительные категории глагола, как категория класса, числа, времени, лица и наклонения, которые в разной степени зависимы от лексического значения конкретного глагола, являются сугубо словоизменительными и образуют сложную систему глагольного словоизменения, т.е. один конкретный глагол может образовать большое количество словоформ, что подтверждается и материалом исследуемого нами мекегинского диалекта.

Особенности словоформ согласовательных словоизменительных категорий глагола - класса и числа, присущие и другим частям речи нами были показаны выше.

В данном же случае мы остановимся на описании системы словоизменения мекегинского диалекта по сугубо глагольным категориям – по категории времени, наклонения, лица, вида и переходности-непереходности.

Категория времени

Категория времени в литературном даргинском языке и в мекегинском диалекте свойственна изъявительному, частично предположительному и условному наклонениям. В изъявительном наклонении представлено шесть временных форм, а в условном и предположительном - по две. Они образуются синтетическими и аналитическими способами.

«Категория времени выражает отношение действия к моменту речи. В реальности это отношение мыслится как соотнесение действия с одним из

трёх существующих временных планов – настоящим, прошедшим или будущим. Каждое из этих времён в даргинском языке выражается специальными глагольными формами, отличающимися друг от друга и различными дополнительными оттенками модальности или аспектуальности» [Сулейманов А.А. 2003: 247].

Мекегинский глагол, как и вообще даргинский, имеет в основном три времени: прошедшее, настоящее и будущее (общее). Как в русском языке настоящее время употребляется в роли общего времени, так и будущее в даргинском языке употребляется двояко: как действие, происходящее в будущем и как действие, которое происходит вообще или в настоящем времени. Русские фразы «не знаю», «он знает» на мекегинский можно перевести в зависимости от контекста двояко – формой будущего времени: *хЛебалас*, *итини бала* и формой настоящего времени: *балуле ахIинра*, *итини балуле сай*.

Из всех наклонений мекегинского глагола формы всех трёх времён имеет лишь изъявительное наклонение. Условное и предположительное наклонение имеют только формы прошедшего и будущего; настоящее от этих форм не образуется. Эти наклонения, как в прошедшем, так и в будущем имеют оба вида – совершенный и несовершенный: *белкIиши* – *лукIиши* «написал бы – писал бы»; *белкIиша* – *лукIиша* «пусть я напишу – пусть я пишу, буду писать»; *белкIасле* – *лукIасле* «если напишу – если буду писать», *белкIовасле* – *лукIулевасле* «если написал – если писал».

Изъявительное наклонение в прошедшем времени имеет два вида, причём по форме несовершенный вид совпадает с сослагательным наклонением (прошедшим несовершенным временем). От совершенного вида настоящее время не образуется. Будущее совершенного вида совпадает с несовершенным. Например: мекег. *белкIун* – *лукIиб* – *лукIуле сай* – *лукIа* «он написал» - «он писал, (на)писал бы» - «он пишет» - «он напишет»; *вакIиб* – *ваииб* – *лявкьуле сай* – *лявкьан* – *вашар* «он пришёл» - «он ходил, ходил бы» - «он идёт» - «он придёт» - «он будет ходить, постоянно ходит»; *касиб* –

кайсиб - *кайсуле сай* – *кайсу* «он взял» - «брал, взял бы, брал бы» - «он берёт» - «возьмёт, будет брать»; *арбухиб* – *арбихиб* – *архуле сай* – *арху* – *арбиху* – *хиб* – *бихиб* «он унёс» - «он уносил, уносил бы» - «уносит» - «унесёт» - «он принёс» - «он носил, приносил, приносил бы, носил бы»; *багьур* – *балиб* – *балуле сай* – *бала* «он узнал» - «он знал, узнавал, узнавал, знал бы» - «знает» - «узнает, будет знать, знает».

В то время как вид различается в основе глагола, а наклонение в окончаниях, категория времени различается и по основе и по окончаниям, в образовании временных форм принимают участие и основа и окончание. Это видно из приведённых выше примеров. Категория времени, таким образом, в даргинском языке переплетается с категорией вида и наклонения.

Система прошедших времён

Прошедшее время. Глагол в мекегинском диалекте, как и в литературном языке, располагает несколькими разновидностями форм прошедшего времени, термин «прошедшее время» сам по себе не может охватить и в достаточной степени объяснить то многообразие форм и оттенков, их значений, которыми располагает даргинский глагол. К прошедшему времени относятся:

- 1) прошедшее совершенное (аорист)
- 2) прошедшее несовершенное (имперфект)
- 3) давнопрошедшее (плюсквамперфект)
- 4) прошедшее результативное (перфект)
- 5) прошедшее предположительное

Прошедшее совершенное индикативное (аорист). К этой категории времени в даргинском языке относится оформленная специальными показателями глагольная словоформа, выражающая действие, уже завершённое к моменту речи без отнесённости этого действия к какому-либо определённому отрезку времени в прошлом. Например:

Мекег.:

Единственное число:

1 л. *в(-р,-б)акIура* «пришёл», *белчIунра* «прочитал что-то одно», *делчIунра* «прочитал много чего», *баркьира* «сделал что-то одно», *даркьира* «сделал много чего»;

2 л. *в(-р,-б)акIаде*, *б(-д)елчIаде*, *б(-д)аркьяде*

3 л. *в(-р -б)акIуб*, *б(-д)елчIун*, *б(-д)аркьиб*

Мн. ч.:

1 л. *дакIура* «пришли», *белчIунра* «прочитали что-то одно», *делчIунра* «прочитали много чего», *баркьира* «сделали что-то одно», *даркьира* «сделали много чего»;

2 л. *дакIада*, *б(-д)елчIада*, *б(-д)аркьяда*;

3 л. *б(-д)акIуб*, *б(-д)елчIун*, *б(-д)аркьиб*

В плане выражения аорист маркируется показателями *-иб*, *-ун*, *-ур*, *-уб*, ср.: мекег. *буциб* «поймал», *белчIун* «написал», *батур* «оставил», *акIуб* «родился», *валикиб* «акклиматизировался», *кебаиб* «увидел», *тамаиуб* «удивился», *уркIухъун* «испугался», *укъун* «пошёл», *идзууб* «заболел», *катур* «посадил».

Прошедшее несовершенное (имперфект). Как и в литературном даргинском языке, в мекегинском диалекте прошедшее несовершенное обозначает действие, происходившее в прошедшем времени, но незаконченное, не совершившееся. Например: *аба базарликебад кьяа чаррулхъиб* «мать с рынка поздно возвращалась»; *ил гIахIил вачуртариркьиб* «она хорошо торговала».

«Имперфект — это самостоятельная временная форма даргинского литературного языка, противопоставленная другим временным формам, как в плане содержания, так и в плане выражения» [Сулейманов А.А. 2003: 252].

Известно также, что первоначально в даргинском языке функционировала словоформа прошедшего времени, способная дифференцироваться видообразующими средствами на формы совершенного

и несовершенного видов. Эти формы со временем стали различаться и времяобразующими морфемами, что положило начало образованию и становлению двух новых самостоятельных временных форм: аориста и имперфекта.

Словоформа имперфекта возникла путём присоединения показателя прошедшего времени *-иб* к основе несовершенного вида. В литературном языке со временем конечный согласный *-б* данной словоформы выпал, что привело к чёткому противопоставлению имперфекта аористу, ср.: *батур* «оставил» и *балти* «оставлял». В мекегинском же диалекте, где не выпал конечный *-б*, такое чёткое противопоставление обеих словоформ отмечается не во всех случаях. У глаголов II спряжения обе эти формы противопоставлены лишь видообразующими основами, а не показателем времени, ср.: *бицI-иб* «наполнил» и *бирицI-иб* «наполнял». Итак, показателем имперфекта в мекегинском диалекте является *-иб*. Для сравнения приведём формы аориста и имперфекта:

Аорист:	Имперфект:
<i>буц-иб</i> «поймал»	<i>бурц-иб</i> «ловил»
<i>белкI-ун</i> «написал»	<i>лукI-иб</i> «писал»
<i>бат-ур</i> «оставил»	<i>балт-иб</i> «оставлял»
<i>акI-уб</i> «родился»	<i>алкI-иб</i> «рождался»
<i>кеба-иб</i> «увидел»	<i>кеби-иб</i> «видел»
<i>тамаша-уб</i> «удивился»	<i>тамашаур-иб</i> «удивлялся»
<i>уркIухъ-ун</i> «испугался»	<i>уркIулхъ-иб</i> «пугался»
<i>дураухъ-ун</i> «вышел»	<i>дураулхъ-иб</i> «выходил»
<i>идзу-уб</i> «заболел»	<i>идзуур-иб</i> «заболевал»
<i>катур</i> «посадил (на должность)»	<i>калт-иб</i> «сажал (на должность)».

«Как показывают факты многих языков, имперфект возникает позднее других временных форм и имеет генетическую связь с основами либо настоящего и будущего времён, либо с основой несовершенного вида. Это,

видимо, объясняется природой самого имперфекта, в котором совмещены две идеи – идея продолжительности или длительности действия и идея протекания этого действия до момента речи. Как правило, первая идея выражается при помощи основы настоящего времени (или на основе несовершенного вида), в которой потенциально заложена идея продолжительности действия, а вторая – при помощи показателя прошедшего времени. Таким образом, возникает своеобразная гибридная словоформа, в которой соединены разные морфемы – морфема, носящая идею продолжавшегося и не завершившегося действия, и морфема, носящая идею прошедшего времени» [Сулейманов 2003: 253].

Прошедшее результативное (перфект). Перфект выражает действие, имевшее место до момента речи и оставившее в момент речи определённый результат. Так, например, временное значение глагола даргинского языка *чарухъира* (Мекег.: *чаррухъвора*, *чаррухъунипра*) может быть представлено, как «я вернулся совсем недавно (сейчас)». Из этого видно, что в момент речи результат действия налицо.

Форма современного перфекта мекегинского диалекта по своему происхождению представляет собой аналитическое глагольное образование, состоящее из деепричастия прошедшего времени (совершенного вида) и связки в форме настоящего времени. Причём связка может употребляться в полной или сокращённой форме, ср.:

Мекег.:

вакIивилра (вакIиле левра) «я уже пришёл»

белчIунипре (белчIво левре) «мной уже была прочитана»

вакIивилре (вакIиле левре) «он уже пришёл»

вакIивилре (вакIиле левре) «ты уже пришёл»

дакIилера (дакIиле леджа) «мы уже пришли»

бакIилере (бакIиле лебре) «они уже пришли»

Давнопрошедшее (плюсквамперфект). Плюсквамперфект обычно употребляется для обозначения действия, имевшего место до совершения другого действия или же происходившего к определённом моменту в прошлом. Например, в мекегинском диалекте: *нуша дакIубхIеле, Хадижат русулере* «когда мы пришли, Хадижат уже спала», *итхIеле челпра усуле ахIинре* «тогда никто не спал».

Как и в современном литературном даргинском языке, в мекегинском диалекте плюсквамперфект функционирует в двух видовых формах – в форме совершенного вида и в форме несовершенного вида. Внешне эти формы противопоставлены лишь видообразующими средствами. Что же касается показателя времени, то он в обеих формах один и тот же. Например, в мекегинском диалекте: *Xy uxIнаухъунхIеле, нуни тетрадуне ученикунас дуртIулере*. «В то время, когда ты вошёл, я ученикам тетради уже раздал». – *Xy uxIнаухъунхIеле, нуни тетрадуне ученикунас дуртIулере*. «В то время, когда ты вошёл, я ученикам тетради раздавал».

Как видно из примеров, плюсквамперфект несовершенного вида на русский язык переводится в форме прошедшее времени несовершенного вида. Однако в даргинском языке плюсквамперфект несовершенного вида и прошедшее время несовершенного вида (имперфект) расходятся внешне и внутренне, ср.: мекег. *дуртIулере* «в то время раздавал», т.е. раздавал в определённый момент прошлого (плюсквамперфект несовершенного вида) и *дуртIура* «раздавал», т.е. раздавал в прошлом (имперфект).

Прошедшее предположительное. В мекегинском диалекте в комплексе форм прошедшего времени существует ещё одна форма без личного изменения. Для всех лиц она остаётся неизменной. Это форма с суффиксом – *иш*. Она образуется как от основы совершенного вида, так и от основы несовершенного вида. Глагольная форма с суффиксом –*иш* показывает действие, которое в прошедшем времени при определённых условиях, возможно совершилось бы, могло бы совершиться, но осталось нереализованным в силу отсутствия таких условий. Например, в

мекегинском диалекте, *багьулле васрикIа, белики, нура вакIиши* «если бы узнал, может быть, я тоже пришёл бы».

Данная форма, хотя и редко, употребляется в речи и без упоминания необходимых условий. Например, в мекегинском диалекте, *дила адара даг хIушачал вакIишигво!* «и мой отец вчера, может быть, с вами пришёл бы!». Но в таких случаях эти условия подразумеваются или ясны из ситуаций.

Представим несколько примеров прошедшего предположительного, образованных от основы совершенного и несовершенного вида из мекегинского диалекта:

белкIи-ши - лукIи-ши «написал бы – писал бы»

баркьи-ши - биркьи-ши «сделал бы - делал бы»

кадухи-ши - дихи-ши «принёс бы - носил бы»

каси-ши - кайси-ши «взял бы - брал бы» и т.д.

Настоящее время

Настоящее время. В мекегинском диалекте для обозначения действия, происходящего в момент речи, употребляется особая глагольная словоформа, которая отличается от словоформ других времён. Форма данного типа показывает, что действие, начатое в момент речи, в настоящее время ещё не завершилось, продолжается. Например: мекег. *ГIяли лукIуле сай.* «Али пишет». *Муса лявкьуле сай.* «Муса идёт к нам». В данных примерах видно, что настоящее время образуется от деепричастия несовершенного вида (типа *балуле, бучIуле, лукIуле, ваиуле* и т.д.) и вспомогательного глагола *сай* «есть». Такое сочетание в мекегинском диалекте выражает то действие, которое происходит в момент речи, ибо, во-первых, вспомогательный глагол *сай* «есть» и настоящего времени «сейчас» имеют имплицитную генетическую связь; во-вторых, производящая основа деепричастия – основа глагола несовершенного вида, как правило, выражает делящееся действие, могущее происходить в момент речи; наречный суффикс *-ле* (в литерат. *-ли*),

представленный в деепричастном компоненте, превращает процесс как бы в состояние, которое может сопутствовать моменту речи.

Следует отметить, что в мекегинском диалекте в первом и во втором лице основа вспомогательного глагола усекается, а личные суффиксы *-pa* (1 л.), *-pe* (2 л.) присоединяются к деепричастию, образуя синтетические формы. Настоящее несовершенное аналитическую форму имеет только в 3-м лице, где вспомогательный глагол представлен эксплицитно. Например, мекег.:

Ед. ч.: 1 л. *биркьулера, картIулера* «делаю, наливаю»

2 л. *биркьулере, картIулере* «делаешь, наливаешь»

3 л. *биркьуле сай, картIуле сари* «делает (он), наливает (она)».

Мн. ч.: 1 л. *биркьулера, картIулера* «делаем, наливаем»

2 л. *биркьулера, картIулера* «делаете, наливаете»

3 л. *биркьуле саби, картIуле саби* «делают, наливают».

Система будущих времён

Будущее время. В мекегинском диалекте, как и в литературном даргинском языке, отмечаются две разновидности будущего времени. Это будущее простое и будущее предположительное.

Будущее простое. Будущее простое литературного даргинского языка и его мекегинского диалекта выражает действие, которое совершится после момента речи. Например, в мекегинском диалекте: *иш монография нуни дусла ахирлис таманбиркьис* «эту монографию я к концу года завершу». Кроме того, форма будущего простого обозначает и такое действие, которое совершается обычно, постоянно, например в мекегинском диалекте: *Разият гьар берхIи колхозла авлахъла хIянкиле рашар*. «Разият каждый день ходит на колхозное поле работать»; *кьвяле изу, унце димгу* «коров доят, быков запрягают».

Будущее простое в мекегинском диалекте, как и в литературном языке, располагает двумя видами форм, выражающих переходное и непереходное

значения. В мекегинском диалекте личные формы простого будущего *биркьис*, *бучIас*, *билгIас* от глаголов *биркьес* «делать», *бучIес* «читать», *билгIес* «красть» являются формами переходного значения. Формы 3-го лица представлены ауслаутными гласными: и, а, я. Это признак переходности значения форм простого будущего. Возьмём для сравнения и такие формы из мекегинского диалекта:

1 л. *вашус*, *ирцIус*, *аркьяс* «буду ходить, наполнюсь, уйду»

2 л. *вашуд*, *ирцIуд*, *аркьяд* «будешь ходить, наполнишься, уйдёшь»

3 л. *вашар*, *ирцIур*, *аркьян* «будет ходить, наполнится, уйдёт».

Как видно, в этих примерах 3-е лицо имеет исходный суффикс в виде согласных р, н, причём перед р тематическими гласными выступают а, у а перед н - а, я.

Наличие в форме 3-го лица согласного суффикса р или н – признак непереходности значения простого будущего. В формах простого будущего в единственном числе личными показателями являются –с (1 л.), –д (2 л.).

Личным показателем второго лица в формах простого будущего во множественном числе в мекегинском диалекте выступает –да(я). В первом лице во множественном числе в мекегинском диалекте в отличие от литературного языка нет личного показателя –хIе. Множественное число будущего простого в мекегинском диалекте в первом лице образуется путём прибавления суффикса –е к основе несовершенного вида глагола переходного значения. Исключения составляют те случаи, когда в основе перед корневым согласным отмечается д, у таких глаголов с переходным значением множественного числа в первом лице образуется путём прибавления суффикса –е к основе совершенного вида:

(сов. в.) *белчI+ес* «прочитать» - (несов. в.) *бучI+ес* «читать» -

бучI+ас «прочту, буду читать» - *бучI+е* «прочитаем, будем читать»;

(сов. в.) *багь+ес* «узнать» - (несов. в.) *бал+ес* «узнавать» -

бал+ас «узнаю, буду узнавать» - *бал+е* «узнаем, будем узнавать»;

(сов. в.) *баркь-ес* «сделать» - (несов. в.) *биркь+ес* «делать» -

биркь+ид «сделаешь» - биркь+е «сделаем»;

но, (сов. в) белгь+ес «зарезать» - (несов. в) лугь+ес «резать» -

лугь+ас «зарезу» - лугь+е «зарежем»;

Также вроде обстоит дело и с глаголами типа *бихес* «носить», *бикес* «водить», ср.: (сов.в.) кабух+ес «принести» - (несов.в.) бих+ес «носить» - бих+ис «буду носить» - бих+е «будем носить»; (сов.в.) кабук+ес «привести» - (несов.в.) бик+ес «водить» - бик+ис «буду водить» - бик+е «будем водить», но при образовании форм будущего простого, как единственного, так и множественного числа с ярко выраженной с помощью приставок ле-, ар- семантикой совершенного вида, вид первоначальной основы в данном случае неясен из-за выпадения гласной, а в случае с приставой ар- и согласной: лебх+ис «принесу» - лебх+е «принесём»; лебк+ис «приведу» - лебк+е «приведём»; арх+е «отнесём» и арк+е «отведём».

Что касается глаголов первого лица непереходного значения в форме будущего простого, то они в мекегинском диалекте могут образовать множественное число, как от основы несовершенного вида, так и от основы совершенного вида, а зависит это от того, какая семантика требуется от глагола: (сов в.) вакI+ес «прийти» - лявкь+яс «приду» - ляркь+е «придём»; (несов.в.) ваи+ес «ходить» - ваи+ус «буду ходить» - даи+е «будем ходить».

Те глаголы первого лица множественного числа с непереходным значением, которые не различают совершенного и несовершенного вида, образуют форму будущего простого также прибавлением к основе суффикса -е и приобретают классный показатель множественного числа: улхь+ес «танцевать» - дулхь+е «будем танцевать» и т.д.

Будущее предположительное. Будущее предположительное мекегинского диалекта выражает действие, которое, возможно совершится в будущем при наличии определённых условий, например: *буралле, белики, нура вакIиша* «если скажут, может быть, и я приду».

Формы будущего предположительного образуются от основ обоих видов (совершенного и несовершенного).

Будущее предположительное совершенное.

1 л. *вакIиша, белчIиша, белкIиша*

2 л. *вакIиши, белчIиши, белкIиши*

3 л. *вакIес, белчIес, белкIес.*

Будущее предположительное несовершенное.

1 л. *ваишиша, бучIиша, белкIиша*

2 л. *ваишиши, бучIиши, белкIиши*

3 л. *вашес, бучIес, лукIес.*

Как в отношении личных показателей, так и в отношении тематических гласных формы будущего предположительного во множественном числе ничем не отличаются от форм единственного числа.

Категория наклонения

«Наклонением называется грамматическая категория, выражающая отношение действия (или состояния) к действительности. Как уже было сказано, наклонение является одной из основных форм выражения сказуемостных отношений.

Следовательно, согласно более точному определению, наклонение выражает отношение к действительности не самого действия, а той связи, которая устанавливается в предложении между действием и субъектом, производящим это действие, или между состоянием и субъектом, испытывающим это состояние» [Сулейманов А.А. 2003: 228].

Как и в литературном даргинском языке, в мекегинском диалекте, выделяется девять наклонений: желательное, повелительное, допускаемое-желательное, изъявительное, сослагательное, предположительное, условное, условно-предположительное, уступительное. Следует отметить, что в даргинском языке разные исследователи выделяют разное количество наклонений. Каждое наклонение, помимо своей специальной формы,

характеризуется также своими грамматическими и семантическими особенностями.

Формальные показатели наклонений своеобразны. Одни, кроме значения модальности, совмещают и значение времени (показатели изъявительного наклонения); другие имеют значение лишь одной категории наклонения (показатели желательного и предположительного наклонений); третьи – употребляются только в сочетании с маркерами других категорий (показатели императива употребляются всегда в сочетании с показателями числа). Кроме того, у ряда наклонений показатели являются сложными многоморфными, но едиными гибридными (условное, уступительное и сослагательное наклонения) [Мусаев 2002: 68].

Желательное наклонение

В мекегинском диалекте, как и в литературном даргинском языке, пожелание осуществления или неосуществления действия выражается специальной глагольной словоформой, которую принято называть желательным наклонением.

Форма желательного наклонения представляет собой чистую простую глагольную основу, оканчивающуюся на корневой согласный звук. Она выражает желание. Поэтому желательное наклонение в даргинском языке принято считать морфологически неоформленным, ср.: *xIy xIyulKIyule vakI* «чтобы ты радостным вернулся» и *vakIes* «придти», *vakIib* «пришёл».

Как известно, желательное наклонение образуют только формы глагола совершенного вида. Формы несовершенного вида, вспомогательные глаголы (мекег.: *сай, сари, саби* «есть», *axIina* «нет», *agwora* «нет») и простые глаголы, начинающиеся с корневого согласного *ges* «дать», *xes* «принести», *kex* «привести», *es* «сказать» не образуют желательное наклонение. Но это совершенно не значит, что эти глаголы не имеют формы будущего времени,

только потому, что желательное наклонение выражает желание чего-либо в будущем, а они формой этого наклонения не располагают.

Следует отметить, что данные глаголы имеют формы будущего времени не в чистом виде, а с превербами. Вот примеры этих глаголов в будущем времени в мекегинском диалекте: *лугас* «дам», *лебкис* «приведу», *лебхис* «принесу», *бурис* «скажу», *хлебулар* «не будет», *урус* «буду» и т.д.

В форме желательного наклонения в качестве префикса представлен классный показатель, изменяющийся по числу. Это значит, что форма желательного наклонения, не спрягаясь по лицам, изменяется по классам и числам, ср.: мекег.

Ед. число:		Множ. число:
1 л. <i>в(р-, б-)акI, (р-, б-)ебкI, бердж</i>	-	<i>дакI, дебкI, дердж</i>
2 л. <i>в(р-, б-)акI, (р-, б-)ебкI, бердж</i>	-	<i>дакI, дебкI, дердж</i>
3 л. <i>в(р-, б-)акI, (р-, б-)ебкI, бердж</i>	-	<i>дакI, дебкI, дердж.</i>

В мекегинском диалекте желательное наклонение получило широкое распространение в разговорной речи, так как оно выражает различные пожелания, проклятия и заклинания, придающие особый эмоциональный тон.

Профессор М.-С.М. Мусаев отмечает, что форма желательного наклонения — это первичное глагольное имя. Он пишет: «Свидетельством этого может послужить ряд признаков, сближающих форму желательного наклонения с существительными современного даргинского языка.

Во-первых, отмечается совпадение форм желательного наклонения и отглагольных существительных, ср.:

<i>баркь</i> «чтобы сделал»	<i>баркь</i> «дело, поступок»
<i>держ</i> «чтобы выпил»	<i>держ</i> «напиток» (мекег.: <i>дедж</i>)
<i>берк</i> «чтобы поел»	<i>берк</i> «еда»
<i>белкI</i> «чтобы написал»	<i>белкI</i> «наброски, рукопись» и т.д.

Во-вторых, в современном даргинском языке форма желательного наклонения нередко склоняется, ср.:

И. п. *давла маг* – «тот, кому, чтобы богатство не было дано»

Э. п. *давла магни*

Р. п. *давла магла*

Д. п. *давла магнис* и т.д.

Это явление, возможно, является своеобразным отголоском, отражающим древнее состояние даргинского глагола, когда глагол и имя на морфологическом уровне ещё не были достаточно дифференцированы» [Сулейманов А.А. 2003: 232-233]. Стоит отметить тот факт, что глагол *гес*, который не имеет формы желательного наклонения в чистом виде, приобретает её в отрицательной форме – *маг*.

Описанное М.-С.М. Мусаевым явление присутствует и в мекегинском диалекте, более того, приведённые им примеры в точности совпадают с мекегинским диалектом. Можно лишь дополнить список примеров:

И.п. *ухІли кауи* «тот, кого, чтобы убили чужие», *гашили ебкІ* «тот, который, чтобы с голода умер», *дамдама из* «тот, который, чтобы вздулся»;

Э.п. *ухІли кауили*, *гашили ебкІли*, *дамдама изли*;

Р.п. *ухІли кауила*, *гашили ебкІла*, *дамдама изла*;

Д.п. *ухІли кауилис*, *гашили ебкІлис*, *дамдама излис*.

Допускаемо-желательное наклонение

В мекегинском диалекте данное наклонение в семантическом отношении близко к повелительному и желательному, как и в литературном даргинском языке. Но от них заметно отличается в плане выражения благодаря специальному показателю *-а(-я)б*, например в мекегинском диалекте: *вакІ* «чтоб ты пришёл (желательное наклонение)», *вакІ-е* «приходи (повелительное наклонение)», *вакІ-аб* «пусть приходит (допускаемо-желательное)».

«В силу недостаточной чёткости основного значения данная глагольная форма не получила ещё однозначной лингвистической квалификации»

[Мусаев, 2002: 69]. Чтобы быть объективными в соответствующей лингвистической трактовке рассматриваемой глагольной формы, профессор Сулейманов А.А. советует прежде всего уточнить содержательную сторону этой формы. Обратимся к примерам из мекегинского диалекта:

1) *Аба, ада аркъуле сай!* – *Укъялле укь-яб.* «Мама, папа уходит! – Пусть уходит!»

2) *Ил иштIал дерхIе сай!* – *Ваб, гьатIи.* «Он же маленький мальчик! – Пусть будет»

3) *ХIебалуле балле, багъаб!* «Если не знает, пусть узнает!»

4) *Мурад бааб сунела!* «Пусть исполнится его желание!»

5) *Джавле ебкIаб сай!* «Пусть пораньше умрёт он!»

6) *Берхъиле бакIаб хIела хъу!* «Пусть уродится богатый урожай»

7) *ГIяхIна сягIят бахъаб!* «В добрый час!»

8) *Джав-джавле бедаб, гьатIи, суненира!* «Ну, пусть он пораньше отдаст!»

9) *Итеб баб, ишеб баб, сунес се авара?* «Где бы ни было, не его дело!»

10) *Арале датаба!* «Будьте здоровы! (Не болейте.)»

11) *Аллагъла уркIецIилизерад декIармадаркъаба.* «Пусть и к вам аллах будет милостив».

12) *ХIуни ну ратаба.* «Ты меня оставь».

13) *ГIяхIле калъаба.* «Счастливо оставаться».

14) *ГIяхIлике дашаба.* «Чтобы вы ходили только на хорошее».

Подробный анализ материала позволяет заключить, что глагольные формы на *-аб* (3 кл.) в основном выражают позволение, т.е. говорящий не против, более того, он как бы ещё внутренне желает, чтоб действие совершилось, допускает, разрешает совершение этого действия. Поэтому наиболее подходящим для этой глагольной формы является термин «допускаемо-желательное наклонение».

Допускаемо-желательное наклонение мекегинского диалекта даргинского языка относится к числу конъюгационных единиц даргинского глагола. Отмечаются две разные парадигмы, ср.:

- 1 л. *ну вакIас* - *ну вакIас* «пусть я приду»
 2 л. *xIy вакIад* - *xIy вакIаб* «пусть ты придёшь»
 3 л. *ит вакIаб* - *ит вакIаб* «пусть он придёт»

Здесь налицо смещение двух разных исторически существовавших парадигм.

Повелительное наклонение

Повелительное наклонение в мекегинском диалекте, как и в литературном даргинском языке, выражает побуждение к действию (просьбу, приказ), для чего употребляется специальная форма, маркированная морфемами *-а(-я)*, *-е* (в литературном *-и*), *-ен* которые присоединяются к первичной основе, например: *бур-а* «скажи», *вакI-е* «прийди», *лукI-ен* «пиши» и т.д. После увулярных и фарингальных выступает *-я*, фонетический вариант морфемы *-а*, например: *бяхъ-я* «ударь», *бурхI-я* «вонзи» и т.д.

Употребление того или иного суффикса повелительного наклонения подчиняется определённым законам. В переходных глаголах мекегинского диалекта; где форма 3-го лица простого прошедшего совершенного оканчивается на *-иб* или *-уб*, форма повелительного наклонения образуется путём прибавления к форме желательного наклонения *-а* или *-я*, а в непереходных глаголах при помощи *-е* (исключение: *кацI-иб* «наступил» - непереходный глагол – *кацI-а* «наступи»):

иб: *баркъ-иб* «сделал» - *баркъ-а*, *буц-иб* «поймал» - *буц-а*, *кас-иб* «взял» - *кас-а*, *биц-иб* «продал» - *биц-а*, *бяхъ-иб* «ударил» - *бяхъ-я*, *гIехъ-иб* «набрал» - *гIехъ-я*, *гIебби-иб* «повесил» - *гIебби-а*;

уб: *бир-уб* «сшил» - *бир-а*, *дахъ-уб* «сделал так, чтоб были» - *дахъ-а*;

уб: *акI-уб* «родился» - *акI-е* «перен. знач.: встань на ноги», *егъ-уб* «исчез» - *егъ-е*, *шинкIа-уб* «намок» - *шинкIа-е*, *тамашар-уб* «удивилась» - *тамаша-ре*, *гIевиуб* «повесился» - *гIеви-е*, *кIачIизуб* «остановился» - *кIачIиз-е*;
иб: *вакI-иб* «пришёл» - *вакI-е*;

В своей работе профессор А.А. Сулейманов [2003: 234] очень подробно описывает правило употребления суффикса *-и* (в мекегинском диалекте ему соответствует суффикс *-е*) при образовании повелительного наклонения: «В тех переходных и непереходных глаголах, где форма 3-го лица простого прошедшего совершенного оканчивается на *-ур*, а также в тех непереходных глаголах, где форма 3-го лица простого прошедшего совершенного оканчивается на *-иб* или *-уб*, форма повелительного наклонения образуется путём прибавления к форме желательного наклонения суффикса *-и*:

ур: *багъи*, *аизи*, *кайзи*

иб: *вакIи*, *ацIи*, *бацIи*

уб: *бегъи*, *бии*».

Следовательно, в мекегинском диалекте в переходных и непереходных глаголах, где форма 3-го лица простого прошедшего совершенного оканчивается на *-ур*, форма повелительного наклонения образуется путём прибавления к форме желательного наклонения суффикса *-е* *багъ-ур* «узнал» – *багъ-е* «узнай, знай», *убат-ур* «посадил (в огороде)» – *убат-е*, *кат-ур* «посадил (на стул, на должность)» – *кат-е* «посади», *айз-ур* «встал» - *айз-е* «встань».

В литературном даргинском языке, по словам профессора А.А. Сулейманова [2003: 235], от основы несовершенного вида, от тех глаголов, одна основа которых употребляется для обоих видов (совершенного и несовершенного), а также от тех глаголов, форма 3-го лица простого прошедшего совершенного которых оканчивается на *-ун*, повелительное наклонение образуется путём прибавления к форме желательного наклонения суффикса *-е(-я)н*. Это правило подходит и мекегинскому диалекту, например: *биркъен* «делай» (*баркъа* «сделай»), *бурцен* «лови» (*буца*

«поймай»), *алзен* «вставай» (*айзе* «встань»), *бучІен* «читай» (*белчІен* «прочитай», *белчІун* «прочитал»), *лукІен* «пиши» (*белкІен* «напиши», *белкІун* «написал»), *башен* «ходи» (*букьен* «иди», *букьун* «пошёл») и т.д.

В мекегинском диалекте, как и в литературном даргинском языке, для выражения повеления воздействовать на самого говорящего (или самих говорящих) употребляется суффикс *-аба*, а во множественном числе добавляется ещё и *-я*: *рат-аба* «оставь меня» - *рата-бая*, *вах-аба* «накорми меня» - *вах-абая*, *кадаахь-аба* «довези нас» - *кадаахь-абая* и т.д.

В мекегинском диалекте во множественном числе повелительное наклонение образуется с помощью суффиксов *-а(-я)я*, *-ена(я)*, *ера(я)*: *б(д)аркьая* «сделайте», *б(д)яхьая* «ударьте», *б(д)елчІена(-я)* «прочитайте», *б(д)уцая* «поймайте», *адизая* «встаньте», *адилзена(я)* «вставайте», *убатера(я)* «посадите», *ваттера* «оставьте его» и т.д.

Как и в литературном языке, в мекегинском диалекте, когда действует 2 лицо во множественном числе, к суффиксу каузативного повелительного наклонения *-ахьа* присоединяется *-я*, а к суффиксу *-ахьен* присоединяется *-а+(я)*: *б(д)аркьахьая* - *б(д)иркьахьеная* «заставьте сделать - заставляйте делать», *кабухахьая* - *бихахьеная* «заставьте принести - заставляйте носить».

В современном мекегинском диалекте значение повелительного наклонения выражается ещё междометными словами, ср: *чит!* «брысь!» (кошке), *хІячма!* «пошла!» (корове), *магь-магь!* «иди сюда!» (скотине), *дуцІ!* «бегом!» (от слова *дуцІукІес* «бегать»), *ишпІ!* «молчи!», *гач!* «не трогай» (от слова *гачукІес* «трогать»), *ляхІ!* «внимание!, тишина!» (от слова *ляхІекьес* «слушать»).

Сослагательное наклонение

«Сослагательным наклонением мы считаем специальные глагольные словоформы, обозначающие действие, которое могло бы совершиться при определённых условиях, например: *дудеи вакІили виалри*, *хІу нуни жявилл*

тIалабвиради, букв., «если отец придя был бы, я тебя давно позвал бы»; *набзи багъахъурли биалри, нунн ил секIал жъявилл бираси* «если мне сообщили бы, я это давно сделал бы» [Сулейманов А.А. 2003: 238].

Эти же примеры на мекегинском диалекте звучат следующим образом: *ада вакIиле варикIа, хIезе ну джавлел вавукIура (вавукIуйре)*; *дизе багъахъулле барикIа, нунн ил сикIал джавлел биркъуйре (биркъира)*.

Сослагательное наклонение от предположительного наклонения отличается отсутствием оттенка сомнения в совершении действия, ср.: мекег. *багъулле васрикIа, белики, нунра белкIини* «если узнал бы, может быть, и я написал бы» (предположительное наклонение) и *багъулле васрикIа, нунра лукIура (лукIуйре)* «если узнал бы, и я написал бы» (сослагательное наклонение). «Поэтому, в отличие от сослагательного наклонения, формы предположительного наклонения, как правило, сопровождаются модальными словами со значением сомнения, предположения и вероятности. Сослагательное наклонение изменяется по числам и по лицам, за исключением тех или иных диалектных форм. Например, в мекегинском диалекте:

Ед. число.	Множ. число.
1 л. <i>лявкъира</i>	<i>ляркъира</i>
2 л. <i>лявкъаде</i>	<i>ляркъаде</i>
3 л. <i>лявкъив</i>	<i>ляркъиб</i>

По отношению же ко времени оно индефферентно и может употребляться как в значении прошедшего, так и в значении будущего времени» [Сулейманов А.А. 2003: 239]. В мекегинском диалекте, например: *Багъулле васрикIа, даг нура хIушачал лявкъира*. - «Если бы я узнал, вчера и я с вами пришёл бы». *Аба чаррухъаррикIа, нура джагIял хIушачал лявкъира*. «Если мать вернётся, завтра с вами, и я пришёл бы».

У большинства глаголов форма сослагательного наклонения совпадает с формой прошедшего времени несовершенного вида изъявительного

наклонения, ср.: *ил вахъхIе лукIиб* «он долго писал» (изъявит. накл.) и *буриле барикIа, итинира лукIиб* «если бы сказали, и он написал бы» (сослаг. накл.).

Однако у ряда глаголов наблюдаются специальные формы сослагательного наклонения, которые не совпадают ни с одной другой формой, ср.: *лявкьира* (1 л. ед.ч.) при *вашира* «приходил и приходил бы» (1 л. ед.ч.), *лявкьаде* (2 л. ед.ч.) при *вашаде* (2 л. ед.ч.) и т.д. Как видно из приведённых примеров, сослагательное наклонение изменяется по лицам и числам.

Предположительное наклонение

Предположительное наклонение в мекегинском диалекте, как и в литературном даргинском языке, выражает действие, совершение которого предполагается в прошедшем или будущем времени. В плане выражения предположительное наклонение определяется специальным маркером *–ес/иш*, например: *белики, итра вакIес* «может, и он придёт», *белики, нура вакIища* «может, и я приду», *белики, итра вакIиши* «может, и он пришёл бы» и т.д.

Предположительное наклонение имеет личные, числовые и временные формы. По лицам изменяется только форма будущего времени, ср.:

Единств. число.	Множ. число.
1 л. <i>в(-р)акIиша</i>	<i>дакIиша</i>
2 л. <i>в(-р)акIиши</i>	<i>дакIиши</i>
3 л. <i>в(-р)акIес</i>	<i>дакIес</i>

Форма прошедшего времени одна и та же для всех лиц, но классные глаголы могут иметь классно-числовые выражения при помощи классного показателя, ср.: *вакIиши* (I кл. - 1, 2, 3 л. ед. ч.) – *дакIиши* (I, II кл.- 1, 2 л. мн.ч.) и *бакIиши* (I, II кл. – 3 л. мн. ч.) и т.д.

Условное наклонение

Условное наклонение мекегинского диалекта выражает действие, которое должно послужить условием для реализации другого действия. А.А. Сулейманов [2003: 242] утверждает, что «формы условного наклонения различаются по двум временам: прошедшему и будущему». М.-С.М. Мусаев [2002: 70] приводит примеры употребления условного наклонения в настоящем и будущем времени, где настоящему времени у него соответствуют глаголы несовершенного вида, а будущему – совершенного. В ходе проделанной работы нами было выяснено, что условное наклонение имеет формы прошедшего, настоящего и будущего времён.

Формой условного наклонения в настоящем времени является специальное глагольное образование, представляющее собой в настоящем времени сочетание деепричастия несовершенного вида и вспомогательного глагола будущего времени, который и изменяется по лицам и числам, в то время как деепричастие остаётся неизменным (*лукIуле + васле* «если пишу») и, несмотря на то, что вспомогательный глагол в будущем времени это сочетание переводится в настоящем времени.

В будущем времени формой условного наклонения является сочетание формы желательного наклонения + -асле (*-адле, -але*), например в мекегинском диалекте: *вакI+асле* «если приду», *вакI+алле* «если придёт» и т.д.

Прошедшее время несовершенного вида в условном наклонении образуется в результате сочетания деепричастия несовершенного вида + вспомогательный глагол *уес* «быть, оставаться» который, приобретя форму условного наклонения прошедшего времени несовершенного вида, ещё и имеет способность меняться по лицам и числам, меняя при этом лицо и число всего словосочетания.

Прошедшее время совершенного вида условного наклонения образуется путём сочетания деепричастия совершенного вида+

вспомогательный глагол *ес* «быть, становиться» в прошедшем времени совершенного вида условного наклонения, который меняется по лицам и числам: *васле (вадле, балле* и т.д.).

Итак, в мекегинском диалекте глаголы условного наклонения изменяются по лицам и числам и имеют формы прошедшего, настоящего и будущего времён:

Настоящее время:

Единств. число.	Множ. число.
1 л. <i>лукІуле в(-р)асле</i> «если пишу»	<i>лукІуле дасле</i>
2 л. <i>лукІуле в(-р)адле</i>	<i>лукІуле даделе</i>
3 л. <i>лукІуле в(-р)алле</i>	<i>лукІуле балле</i>

Будущее время (несовершенный вид):

Ед. число.	Множ. число.
1 л. <i>лукІасле</i> «если буду писать»	<i>лукІасле</i>
2 л. <i>лукІадле</i>	<i>лукаделе</i>
3 л. <i>лукІалле</i>	<i>лукІалле</i>

Будущее время (совершенный вид):

1 л. <i>белкІасле</i> «если напишу»	<i>белкІасле</i>
2 л. <i>белкІадле</i>	<i>белкІаделе</i>
3 л. <i>белкІалле</i>	<i>белкІалле</i>

Прошедшее время (несовершенный вид):

Ед. число.	Множ. число.
1 л. <i>лукІуле (р)уилев(-р)асле</i> «если писал»	<i>лукІуле дуиледасле</i>
2 л. <i>лукІуле (р)уилев(-р)адле</i>	<i>лукІуле дуиледаделе</i>
3 л. <i>лукІуле (р)уилев(-р)алле</i>	<i>лукІуле буилебалле</i>

Прошедшее время (совершенный вид):

Ед. число.	Множ. число.
1 л. <i>белкІво в(-р)асле</i> «если написал»	<i>белкІво дасле</i>
2 л. <i>белкІво в(-р)адле</i>	<i>белкІво даделе</i>
3 л. <i>белкІво в(-р)алле</i>	<i>белкІво балле</i>

Условно-предположительное наклонение

В мекегинском диалекте условно-предположительное наклонение обозначает действие, которое представляет собой предполагаемое условие для совершения другого действия. Например: *XIy ваkIадрикIа, нура лявкьира*. «Если ты пришёл бы, и я пришёл бы». Формой условно-предположительного является форма условного наклонения без суффикса *-де* + морфема *-рикIа*.

Но есть в мекегинском диалекте форма условно-предположительного наклонения, которая обозначает более прошедшее время, она образуется с помощью сочетания деепричастия и вспомогательного глагола *ес* «быть» в допускаемо-желательном наклонении + *рикIа*, например: *Ну джавлел раkIилерасрикIа, улас*. «Ох, пришла бы я намного раньше». Эту форму можно считать также полной формой условно-предположительного наклонения. Условно-предположительное наклонение изменяется по лицам и числам. Например, в мекегинском диалекте:

Единств. число.

1 л. *ваkIасрикIа, ваkIилевасрикIа* «если бы я пришёл»

2 л. *ваkIадрикIа, ваkIилевадрикIа*

3 л. *ваkIарикIа, ваkIилеварикIа*

Множ. чило.

1 л. *даkIасрикIа, даkIиледасрикIа*

2 л. *даkIадерикIа, даkIиледадерикIа*

3 л. *баkIарикIа, баkIилебарикIа*

Условно-предположительное наклонение безотносительно ко времени.

Уступительное наклонение

Уступительным наклонением в мекегинском диалекте, как и в литературном даргинском языке, называется специальная глагольная форма, выражающая действие, указывающее на такое условие, вопреки которому

допускается осуществление другого действия. Например: *Дзабли урзалера, ну джагЯл шилизе аркьяс.*

«Если даже дождь будет идти, я завтра в селение поеду». Как и в современном литературном языке, в мекегинском диалекте форма уступительного наклонения, кроме своего основного, имеет ещё ряд значений, например: *Че цугикалера, салам луген.* «Кого бы не встретил, здоровайся». *Се декIардешиа че вакIаллера?* «Какая разница кто придёт?» Форма уступительного наклонения представляет собой форму условного наклонения в сочетании с аффиксом *-ра*, например: *вакIаслера* «если даже приду», *баркьяслера* «если даже сделаю», *кадухадлера* «если даже принесёшь». Уступительное наклонение изменяется по лицам и числам, ср.: мекег.

Ед. число.	Множ. число.
1 л. <i>баркьяслера</i>	<i>даркьяслера</i>
2 л. <i>баркьядлера</i>	<i>даркьядлера</i>
3 л. <i>баркьяллера</i>	<i>даркьяллера</i>

Изъявительное наклонение

Изъявительное наклонение в мекегинском диалекте, как и в литературном даргинском языке, выражает констатацию факта совершения или несвершения действия.

«Одновременно оно выражает модальность реальности действия. Поэтому действие, обозначенное изъявительным наклонением, реально, и оно, протекая во времени, относится к плану либо прошлого, либо настоящего, либо будущего времён. Индикатив даргинского языка не имеет специальных категориальных показателей, поэтому в плане выражения он противопоставляется другим наклонениям при помощи полифункциональных показателей, совершающих значение времени, наклонения, иногда даже лица» [Сулейманов, 2003: 230].

Изъявительное наклонение мекегинского диалекта отличается от остальных наклонений и рядом других признаков. Во-первых, в отличие от некоторых других наклонений, отрицательная форма индикатива образуется при помощи частицы *xIe-*, или путём использования в аналитических формах отрицательных вспомогательных глаголов *axIina*, *agwora*, например: *derxIe xIekIib* «мальчик (сын) не пришёл» (изъявит. накл.), *derxIe учIуле axIina* «мальчик не учится», *derxIe макIаб* «мальчик пусть не приходит» (допуск.-желат.), *мабиркьид* «не делай» (повелит. накл.).

Как видно из примеров, отрицательная форма желательного, допускаемо-желательного и повелительного наклонений образуется при помощи другой отрицательной частицы *ma-*.

«Во-вторых, в отличие от других наклонений, индикатив имеет развитую систему временных форм, в которых показатели времени и наклонения совмещены, другие же наклонения либо имеют слабо противопоставленные две временные формы (обычно прошедшего и будущего), либо совершенно индифферентны ко времени» [Сулейманов А.А. 2003: 230-231].

Категория лица

«В отличие от большинства дагестанских языков (например, аварского, лезгинского и нек. др.), даргинскому языку свойственна категория лица, а это значит, что глагол даргинского языка изменяется по лицам и соответственно образует парадигму личного спряжения» [Сулейманов А.А. 2003: 218]. Мекегинскому диалекту категория лица также свойственна и, как и в литературном языке, здесь выделяется два вида личных окончаний. К первому типу мы относим личные окончания, выступающие в виде одних согласных. Это окончание 1 лица *-с*, 2 лица *-д*.

Ко второму типу относятся личные окончания, выступающие в виде гласных. Это окончание 1 лица *-a(-pa)* и окончание 2 лица *-u(-pu)*.

Личные окончания первого типа отмечаются:

а) в формах будущего времени изъявительного наклонения:

1 л. *балта-с* «оставлю»

2 л. *балта-д* «оставишь»

3 л. *балта* «оставит»

б) в формах допускаемо-желательного наклонения:

1 л. *белкIа-с* «пусть напишу»

2 л. *белкIа-д* «пусть ты напишешь»

3 л. *белкIа-б* «пусть напишет»

в) в формах условного наклонения:

Настоящее время:

1 л. *лукIуле ва-с-ле*

2 л. *лукIуле ва-д-ле*

3 л. *лукIуле ва-л-ле*

Прошедшее время:

1 л. *лукIуле уилева-с-ле, белкIво ва-с-ле*

2 л. *лукIуле уилева-д-ле, белкIво ва-д-ле*

3 л. *лукIуле уилева-л-ле, белкIво ва-л-ле*

Будущее время:

1 л. *лукIа-с-ле*

2 л. *лукIа-д-ле*

3 л. *лукIа-л-ле*

В мекегинском диалекте личные окончания II типа *-а*, *-е*, *-и* больше всего встречаются в сочетании с *-р*, *-д*, *-дж* в виде *-ра*, *-ре*, *-де*, *-да*, *-джа*, *-дже*, но не только. Личные окончания второго типа отмечаются:

а) в формах прошедшего времени совершенного вида изъявительного наклонения:

Ед. число.

Множ. число

1 л. *бату+дж-а* «я оставил»

бату+дж-а

2 л. *бата+д-е* «ты оставил»

бата+д-а

3 л. *батур* «он оставил»

батур «они оставили»

б) в формах настоящего времени изъявительного наклонения:

1 л. *лукIуле+p-a* «пишу»

2 л. *лукIуле+p-e* «пишешь»

3 л. *лукIуле сай* «пишет»

в) в формах переходного глагола будущего времени изъявительного наклонения при условии, если в качестве объекта выступают местоимения 1 и 2 лица:

1 л. *итини ну валта+p-a* «он меня оставит»

2 л. *итини xIу валта+p-e* «он тебя оставит»

3 л. *итини иш валта* «он этого оставит»

г) в формах будущего времени предположительного наклонения:

1 л. *вакIиш-a* «может быть, приду»

2 л. *вакIиш-и* «может быть, придёшь»

3 л. *вакIес* «может быть, придёт»

д) в формах переходного глагола повелительного наклонения, которое совпадает с формой допускаемо-желательного наклонения, если объектом выступает местоимения 1 и 2 лица:

1 л. *ну ватаб-a* «оставь меня»

2 л. *xIу ватаб-e* «пусть тебя оставят»

3 л. *ит ватаб* «пусть его оставят»

е) в формах прошедшего времени несовершенного вида изъявительного наклонения:

1 л. *лукIи+p-a* «писал»

2 л. *лукIа+д-e* «писал»

3 л. *лукIиб* «писал»

Отмечены случаи смешения в парадигмах лица тех или иных наклонений окончаний первого и второго типов, например:

1 л. *ватас* «пусть меня оставят»

2 л. *ватабе* «пусть тебя оставят»

3 л. *ватаб* «пусть его оставят»

В даргинском литературном языке и мекегинском диалекте личные окончания имеют лишь первое и второе лицо. Третье лицо, как правило, остаётся маркированным нулевым показателем, например, в мекегинском диалекте:

1 л. <i>белкIун+<u>p-a</u></i> «написал»	<i>лукIа+<u>c</u></i> «напишу»
2 л. <i>белкIа+<u>ɔ-e</u></i> «написал»	<i>лукIа+<u>ɔ</u></i> «напишешь»
3 л. <i>белкIун</i> «написал»	<i>лукIа</i> «напишет»

Окончанию первого лица множественного числа литературного языка *-xI* в мекегинском диалекте в основном соответствует нулевое окончание: *балтаxIe+pu* (лит.) – *балти+pa* (мекег.) «мы оставляли», *балexIe* (лит.) – *бале* (мекег.) «мы узнаем». Об этом явлении профессор А.А. Сулейманов пишет: «В мекегинском же диалекте личный показатель в форме 1 лица множественного числа в результате ряда фонетических процессов выпадает» [Сулейманов А.А. 2003: 224].

Ряд глагольных форм мекегинского диалекта не изменяется по лицам. К таким формам относятся:

а) форма плюсквамперфекта, например: *ну лукIулере* «я писал тогда», *xIу лукIулере* «ты писал тогда», *ит лукIулере* «он писал тогда»;

б) форма прошедшего сослагательного, например: *ну лукIиши* «может быть, я писал бы», *xIу лукIиши* «может быть, ты писал бы»;

в) краткая форма желательного наклонения, например: *ну вакI* «чтоб я пришёл», *xIу вакI* «чтоб ты пришёл», *ит вакI* «чтоб он пришёл».

Некоторые глагольные формы факультативно могут изменяться и не изменяться по лицам, например: *ну вака-с*, *xIу вакIа-ɔ*, *ит вакIаб – се декIардеша?* и *ну вакаб*, *xIу вакаб*, *ит вакIаб – се декIардеша?* «приду ли я придёшь ли ты, придёт ли он – какая, мол, разница?»

Категория вида

Категория вида в современном даргинском языке характеризует выраженное глаголом действие или состояние с точки зрения отношения к его внутреннему пределу или независимо от всяких ограничений в его течении или повторяемости [Сулейманов А.А. 2003: 214]. В современном даргинском языке имеются два вида, различающихся по значению и по форме - совершенный и несовершенный [Услар 1892: 202; Жирков 1926: 18-20; Абдуллаев С. 1954: 151-152; Абдуллаев З. 1967: 23-24; Магомедов 1963: 158-170; Сулейманов А.А. 2003:214]. Более подробно о способах и средствах создания противопоставленных по виду форм глагола в даргинском языке сказано в работах М.-С.М. Мусаева [1980: 30-35] и Р.О. Муталова [2002: 51-63].

М.-С.М. Мусаев и Р.О. Муталов устанавливают несколько способов и правил, по которым в даргинском литературном языке и в отдельных диалектных единицах создаются противопоставленные формы совершенного и несовершенного вида [Мусаев 1980: 30-35; Муталов 2002: 51-63]. Сопоставительный анализ материала мекегинского диалекта с материалом даргинского литературного языка показал, что способы и средства противопоставления форм глагола совершенного и несовершенного вида в мекегинском диалекте в основном те же, что и в литературном языке.

Способ противопоставления видовых форм путем чередования корневых гласных является наиболее распространенным, ср.: лит. и мекег. *берджес* «выпить» и *буджес* «пить», *бебкIес* «умереть» и *бубкIес* «умирать» и т.д. У ряда глаголов противопоставление видовых форм достигается путем появления инфикса *p* или *л* в формах несовершенного вида, ср.: лит. и мекег. *батес* «оставить» и *балтес* «оставлять», *бицес* «продать» и *бирцес* «продавать».

У отдельных глаголов основа несовершенного вида отличается от основы совершенного вида отсутствием классного показателя, ср.: лит. и

мекег. *бигес* «сжечь» и *игес* «жечь», *биршес* «сжать» и *иршес* «жать», *бирцес* «вымыть» и *ицес* «мыть», *бертес* «свернуться» и *утес* «свертываться» и т.д. У небольшого количества глаголов противопоставленные видовые формы образуются вследствие окаменения классного показателя в форме несовершенного вида и чередования гласного корня, ср.: лит. и мекег. *бяркьес* «воспитать» и *руркьес* «воспитывать», *бергес* «завернуть» и *рургес* «заворачивать» и т.д.

Образование видовых форм путем выпадения начального слога с классным показателем в форме совершенного вида происходит у многих глаголов, как в мекегинском диалекте, так и в литературном языке, ср.: лит. и мекег. *белкIес* «написать» и *лукIес* «писать», *белгьес* «зарезать» и *лугьес* «резать» и т.д. У небольшого числа глаголов противопоставленная форма совершенного вида образуется при помощи локального префикса, ср.: лит. и мекег. *бикис* «буду приводить» и *лебкис* «приведу», *биху* «будет приносить» и *лебху* «принесет» / *арху* «отнесет». Как видно из примеров, противопоставленные видовые формы глаголов в мекегинском диалекте и в литературном языке в основном образуются однотипно.

Имеющиеся незначительные расхождения вызваны тем, что образование видовых пар одного и того же глагола в литературном языке и в мекегинском диалекте осуществляется разными способами или в результате разных фонетических процессов. Противопоставление видовых форм наблюдается и в системе личных и временных форм. Формы несовершенного вида изъявительного наклонения (индикатива) у всех глаголов образуются в литературном языке при помощи форманта *-и*, а в мекегинском диалекте - при помощи *-иб*, ср.: лит. *белкIун* «написал» - *лукIи* «писал», мекег. *белкIун* «написал» - *лукIиб* «писал»; лит. *батур* «оставил» - *балти* «оставлял», мекег. *батур* «оставил» - *балтиб* «оставлял» и т.д.

Формы совершенного и несовершенного вида в мекегинском диалекте и в литературном языке в повелительном наклонении, где форма

несовершенного вида имеет формант -ен, оформляются одинаково, ср.: лит. *берджа* «выпей» - *буджен* «выпивай», мекег. *берджа* «выпей» - *буджен* «выпивай»; лит. *сабука* «приведи» - *сабикен* «приводи», мекег. *кабука* «приведи» - *бикен* «приводи»; лит. *бицIа* «наполни» - *бирцIен* «наполняй», мекег. *бицIа* «наполни» - *бирцIен* «наполняй» и т.д.

Категория переходности-непереходности

Все глаголы даргинского языка по своему значению делятся на две группы: переходные и непереходные. Под переходными глаголами понимаются такие глаголы, которые могут иметь при себе объект, выраженный именительным падежом; под непереходными же глаголами - глаголы, которые не имеют при себе объекта, выраженного именительным падежом [Сулейманов А.А. 2003: 210].

Переходные и непереходные глаголы имеют свои специфические особенности на лексико-семантическом, морфологическом и синтаксическом уровнях.

В данном случае, как в литературном языке, так и в мекегинском диалекте нас интересуют в основном морфологические особенности глаголов обеих групп. В связи с этим следует обратить внимание на высказывание М.-С.М. Мусаева: «Функционирование категории переходности-непереходности в качестве словоизменительной категории в современном даргинском языке признается нами только по отношению к тем глаголам, которые выступают как переходные и непереходные и способны иметь две противопоставленные словоформы»: одна выражает значение переходности, а другая - значение непереходности» [Мусаев 1980: 26].

В данной работе мы решили выявить в даргинском литературном языке и в исследуемом мекегинском диалекте именно те случаи, когда у глагола обнаруживаются две разные противопоставленные формы, обусловленные переходностью и непереходностью. Следует отметить, что глаголы, которые

употребляются как в значении переходного, так и непереходного в даргинском языке оказалось очень немного. Так, подобный случай можно продемонстрировать на следующем примере, ср.: лит. *Иш стакан нуни шинни бири҃лус* «Этот стакан я наполню водой». *Ну ишаб хясали бири҃лус* «Здесь я наполнюсь пылью» - мекег. *Иш стакан нуни шинли бири҃лус* «Этот стакан я наполню водой» *Ну ишеб хвосали ири҃лус* «Я здесь наполнюсь пылью». У данного глагола аналогично различаются также формы второго и третьего лица, как в литературном языке, так и в мекегинском диалекте, ср.:

переходн. гл. (лит. и мекег.)	непереходн. гл. (лит. и мекег.)
<i>бири҃лу-с</i> «наполню»	<i>бири҃лу-с</i> «наполнюсь»
<i>бири҃лу-д</i> «наполнишь»	<i>бири҃лу-д</i> «наполнишься»
<i>бири҃лу-у</i> «наполнит»	<i>бири҃лу-р</i> «наполнится»
<i>буц҃ла-с</i> «пожарю»	<i>буц҃лу-с</i> «пожарюсь»
<i>буц҃ла-д</i> «пожаришь»	<i>буц҃лу-д</i> «пожаришься»
<i>буц҃ла</i> «пожарит»	<i>буц҃ла-р</i> «пожарится»

Как видно из приведенных примеров, личные формы данного глагола различаются в зависимости от того, в переходном или непереходном значении употреблен данный глагол. В словоформах первого и второго лица единственного числа, выражающих значение переходности, перед личными окончаниями выступают и или а, в аналогичных словоформах, выражающих же значение непереходности, выступает гласный -у.

Заметно расходятся также формы третьего лица, где в случае употребления данного глагола в непереходном значении появляется согласный -р, ср.: *бири҃лу* «наполнит» (перех.) и *бири҃лур* «наполнится» (неперех.), *буц҃ла* «пожарит» и *буц҃лар* «пожарится».

Аналогичным образом оформляются в литературном языке и в мекегинском диалекте личные формы изъявительного наклонения будущего времени всех переходных и непереходных глаголов, которые употребляются

только в одном значении - в переходном или непереходном:

переходн. гл. (лит. и мекег.)	непереходн. гл. (лит. и мекег.)
1 л. <i>бурци-с</i> «поймаю»	<i>вашу-с</i> «буду ходить»
2 л. <i>бурци-д</i> «поймаешь»	<i>вашу-д</i> «будешь ходить»
3 л. <i>бурц-у</i> «поймает»	<i>ваша-р</i> «будет ходить».

Система нефинитных форм глагола мекегинского диалекта

Состав форм отглагольных образований представляют каузативные, отрицательные и вопросительные, а также такие нефинитные формы, как инфинитив, масдар, причастие и деепричастие [Мусаев 2002: 77].

Каузативная форма выражает действие, которое выполняется не самим субъектом глагола, а посредством другого лица, ср.: мекег. *Тухтурли рурсилизе дарман берджахъиб* «Врач заставил девушку выпить лекарство». В мекегинском диалекте, как и в литературном даргинском языке, каузативные формы образуются почти от всех глаголов при помощи суффикса *-ахъ-*, присоединяющегося к корню первичного глагола, ср.: *белкI-ес* «написать» - *белкI-ахъ-ес* «заставить написать»; *буц-ес* «поймать» - *буц-ахъ-ес* «заставить поймать» и т.д. Непереходный глагол в форме каузатива становится переходным, а переходный, оставаясь в ранге переходного, создаёт особую каузативную конструкцию предложения. Каузативная форма сохраняет все словоизменительные и другие грамматические особенности глагола» [Мусаев 2002: 78].

Отрицательная форма присуща почти всем глаголам мекегинского диалекта и образуется она двумя способами: при помощи отрицательных частиц-приставок *хIе-*, *ма-* и при помощи отрицательного вспомогательного глагола *ахIуна* «нет», «не есть». Отрицательные частицы-приставки препозитивно присоединяются непосредственно к первичной основе глагола, ср.: *бат-ур* «оставил» и *хIебат-ур* «не оставил», *бат-аб* «пусть оставит» и *мабат-аб* «пусть не оставит». В производных при помощи приставок

глаголах отрицательные частицы располагаются между приставкой и первичной основой, ср.: *арбухес* «отнести» - *архIебухес* «не отнести», *кабухес* «принести» - *кахIебухес* «не принести» и т.д. Употребление отрицательных частиц *хIе-* и *ма-* обусловлено природой наклонений. Частица *ма-* употребляется в повелительном, желательном и допускаемо-желательном наклонении, а в остальных наклонениях употребляется *хIе-*, ср.: мекег. *биркьен* «делай» и *мабиркьид* «не делай», *ракI* «чтоб она пришла» и *маракI* «чтоб она не пришла», *ракIаб* «пусть придёт» и *маракIаб* «пусть не придёт»; *батур* «оставил» и *хIебатур* «не оставил», *балта* «оставит» и *хIебалта* «не оставит» и т.д.

В мекегинском диалекте, как и в литературном даргинском языке, имеет место, отмечаемое во многих языках различных типов такое универсальное явление, как семантическая самостоятельность «отрицательного императива» [Плунгян 2000: 319]. Например, отрицательная форма повелительного наклонения, которая в отличие от отрицательных форм других наклонений не равняется сочетанию положительной формы с препозитивной отрицательной частицей, а представляет собой сочетание формы 2 л. будущего индикатива с отрицательной частицей, ср. *батте* «оставь» и *мабалтад* «не оставляй» (где *ма-* отрицательная частица и *балтад* «оставишь, будешь оставлять», *баркья* «сделай» и *мабиркьид* «не делай» (*ма-* отр. част. *биркьид* «сделаешь, будешь делать»)) и т.д.

Отрицательные формы при помощи же вспомогательного глагола *ахIина* «нет, не есть» образуются у аналитических форм, ср.: мекег. *лукIуле сай* букв. «записывая есть, имеется», т.е. «пишет» и *лукIуле ахIина* букв. «записывая нет, не есть», т.е. не пишет. Отрицательные формы не образуются только у неправильных глаголов *леб* (*клеб, теб*) «имеется», *агвора* «отсутствует, нет», *сай* «есть, является».

Вопросительная форма в мекегинском диалекте образуется, как и в литературном даргинском языке, при помощи вопросительных частиц *-у* (*-е*), *-ара*, *-а*, присоединённых к любой форме глагола, ср.: *вакIиб* «пришёл» и

вакIибу? «пришёл?», *лукIа* «напишет» и *лукIав?* «напишет?», *вакIалле* «если придёт» и *вакIаллев?* «если придёт?», *вакIибара?* «пришёл ли?», *арбухиб* «отнёс» и *кина арбухиба?* «куда отнёс» и т.д. От аналитических форм образуется вопросительная форма как путём опущения связки и присоединения вопросительной частицы к основной части, так и от аналитических образований, ср.: мекег. *лукIуле сай* «пишет» - *лукIулев* «пишет?» и *лукIуле саяра* «пишет ли?», *биркьуле саби* «делают» - *биркьулев?* «делают?» и *биркьуле сабира?* «делают ли?» и т.д.

Инфинитив

Инфинитив выражает действие или процессуальное состояние без указания на лицо, время и его отношение к действительности, ср.: мекег. *биркьес* «делать», *кайсес* «брать», *ицес* «мыть» и т.д.

В форме инфинитива выражается вид и переходность, сохраняется управление именем, свойственным другим формам глагола, и классное согласование с субъектом или объектом.

Инфинитив образуется от первичной глагольной основы при помощи суффикса *-эс* (орфограф. *-ес*), например в мекегинском диалекте: *гьайэс* «поговорить», *лукIес* «писать» и т.д.

В литературном даргинском языке формы инфинитива не имеют лишь вспомогательные глаголы *леб* (*клеб, теб, хеб*) «есть, имеется», *саби* «есть, является», *ахIина* «нет, не является». Но в мекегинском диалекте для этих вспомогательных глаголов инфинитивом является глагол *бес* «быть». «Кроме своего основного значения – названия действия, инфинитив имеет значение цели (*учIес арякьун* «поехал учиться»), в предложении выступает в роли объекта, дополнения, обстоятельства, подлежащего и основной частью составного сказуемого» [Мусаев 2002: 79].

Масдар

Масдар (глагол - существительное) – это нефинитная форма глагола, обозначающая наименование действия и обладающая признаками имени и глагола. Масдар маркируется показателем –ни, присоединяемым к первичной глагольной основе, ср.: мекег. *вакI-ни* «приход», *белкI-ни* «написание» и т.д.

Масдару присущи такие признаки глагола, как признаки вида, переходности – непереходности, синтаксической связи управления имени и способности изменяться по классам и числам, ср.: мекег. *белкIни* «то, как написал» - сов. вид; *лукIни* «почерк» - несов. вид; *сунела акIни* «его рождение» - неперех.; *сунела хIянки биркьни* «выполнение им работы» и т.д.

С существительным масдар объединяет способность склоняться, ср.: ном. *вакIни* «приход», эрг. *вакIнили*, ген. *вакIнила*, дат. *вакIнилис* и т.д. Образование масдара чрезвычайно однотипно. Он образуется регулярно от всех глаголов, даже от неправильных вспомогательных глаголов, ср.: мекег. *сай- сайни*, *леб- лебни*, *агвора- агни*.

Причастие

Причастие - нефинитная форма глагола, обладающая свойствами глагола и прилагательных. Категориальным значением причастия является обозначение признака предмета по его действию или по тому действию, которое он испытывает на себе со стороны другого предмета, ср.: мекег. *вакIибил дерхIе* «пришедший мальчик» и *дерхIели бучIуй джуз* «мальчиком читаемая книга». Причастие сохраняет такие признаки глагола, как признак вида (ср.: мекег. *батурил* «оставленный» и *балтуй* «оставляемый»), времени (ср.: мекег. *вакIибил* «пришедший», *лявкьуй* «идуший», *вакIесил* «который должен придти»), переходности-непереходности (ср.: мекег. *вакIибил дерхIе* «пришедший мальчик» и *джузли учIуй дерхIе* «книгу читающий мальчик»), способность управлять именами и согласоваться с ними в классе и числе (ср.: мекег. *вакIибил* «пришедший», *ракIибил* «пришедшая», *бакIибил*

«пришедшее», *бакIибте* «пришедшие», *столлике кабигъибил* «на стол положивший», *столликебад кабикибил* «упавший со стола»), способность сочетаться с наречиями (ср.: мекег. *къалабале вакIибил* «быстро пришедший»).

Причастие обладает такими признаками прилагательных, как способность отвечать на вопрос прилагательных *сегъуна?* «какой?», выполнять функции определения в предложении (ср.: мекег. *БерхIили ванабаркъибил гвондза гавбукIулере*. «От согретой солнцем земли шёл пар».).

Причастия мекегинского диалекта образуются присоединением суффиксов прилагательных *-ил*, *-уй* (ед.ч.), *-те* (мн.ч.), *-ан(-ян, -ен)* (для образования причастия общего времени, которое выражает профессию, занятие) к различным временным формам и основам глаголов, например: *лукIес* «писать» - *лукIуй* «пишущий» - *лукIан* – «писарь, пишущий», *лукIанте* «писанина». Причём причастия, образованные с помощью суффиксов *-ан(-ян, -ен)* очень уж похожи на существительные. Да и с суффиксом *-ил* некоторые причастия вообще дают повод засомневаться, что они причастия – например: *Эсил, хIеэсил хIебала*. «Что можно говорить, а что нельзя - не знает». А также: *беркесил, баркъесил, буресил* и т.д. Возможно ли, что это новый способ образования масдара? Или это просто существительные, образованные от глаголов с помощью суффикса *-ил*.

Деепричастие

Деепричастие – нефинитная форма глагола, обозначающая действие или состояние как признак другого действия или состояния, ср.: мекег. *ише хIерукIуле гъайукIен* «разговаривай, глядя сюда», *учIуле кайиле сай* «читая, сидит» и т.д.

Деепричастие совмещает ряд признаков наречия и глагола. Деепричастие мекегинского диалекта даргинского языка включает в себя следующие признаки даргинского глагола:

1) как и глагол, оно выражает действие или состояние предмета, хотя и второстепенное, добавочное, ср.: *батур* «оставил» и *батулле* «оставив», *учлиб* «читал» и *учлуле* «читая» и т.д.;

2) изменяется по классам, ср.: *ваклиб* (1 кл.) «пришел» и *ваклиле* «придя», *раклиб* (2 кл.) и *раклиле* «придя», *баклиб* (3 кл.) и *баклиле* «придя» и т.д.;

3) изменяется по числам при помощи классно-числовых показателей, ср.: *ваклиле* (1кл) «придя» и *баклиле* (4 кл) «придя», *раклиле* (2 кл) «придя», *даклиле* (5 кл);

4) может быть переходным и непереходным, ср.: *адани дарс белчлун* «отец прочитал уроки» и *адани дарс белчлво* «отец, прочитав урок», *ада ваклиб* «отец пришел» и *ада ваклиле* «отец, придя» и т.д.;

5) может иметь каузативную форму, ср.: *белклун* «написал» и *белклахъун* «заставил написать», *белклво* «написав» и *белклахъво* «заставив написать» и т.д.;

6) имеет формы совершенного и несовершенного видов, ср.: *батур* «оставил» и *балтиб* «оставлял», *батулле* «оставив» и *балтуле* «оставляя» и т.д.;

7) как и финитная форма глагола сочетается с наречиями, ср.: *даг батур* «оставил вчера» и *даг батулле* «оставив вчера», *ахъле гъайуклулере* «громко разговариваешь» и *ахъле гъайуклуле* «разговаривая громко» и т.д.;

8) сохраняет глагольное управление, ср.: *школализе ваклиб* «пришел в школу» и *школализе ваклиле* «придя в школу», *школализивад гляркъун* «ушел из школы» и *школализивад гляркъуле* «уходя из школы», *школализивад гляркъво* «уйдя из школы» и т.д.;

9) при сочетании деепричастий с местоимения I и II лиц множественного числа, представленные в них классные показатели окаменевают, как и в глаголах. При сочетании деепричастий с местоимениями III лица множественного числа они не подвергаются окаменению, ср.: *нуша даклира* «мы (будь мужчины, женщины или зайцы)

пришли» и *нуша даклѣ* «мы (будь мужчины, женщины и зайцы) приходя», *хѣуша даклада* «вы (будь мужчины, женщины или зайцы) пришли» и *хѣуша даклѣ* «вы (будь мужчины, женщины или зайцы) приходя» и *итди бакѣб* «они (мужчины или женщины) пришли», *итди бакѣ* «они (мужчины или женщины) приходя», *итди даклѣб* «они (зайцы) пришли» и *итди даклѣ* «они (зайцы) приходя» и т.д.

10) имеют отрицательную форму, ср.: *рукуле* «кушая» и *хѣрукуле* «не кушая», *ручѣле* «читая» и *хѣручѣле* «не читая» и т.д.;

11) в отдельных случаях, как и финитная форма глагола, сохраняет признаки залоговой дифференциации при помощи синтаксических средств, ср.: *нешли гавлаг бирѣле сари* «Мама наполняет мешок» и *нешли гавлаг бирѣле арархиле сари* «Наполняя мешок мама занята» (действ. залог); *ишеб гавлаг джавле бирѣле саби* «здесь мешок быстро наполняется» и *гавлаг ишеб джавле бирѣле разилера* «здесь мешок быстро наполняюсь, я рад» (возвр. залог);

12) в иных случаях сохраняет признаки категории времени, ср.: *ваклѣб* «пришел» и *ваклѣ* «придя»; *лявкѣулера* «иду» и *лявкѣле* «идя»; *белклун* «написал» и *белклѣво* «написав»; *лукѣле* «записывая», *иб* «сказал» и *иле* «сказав»; *укѣулера* «говорю» и *укѣле* «говоря» и т.д.

13) в недостаточных придаточных предложениях выполняет функции сказуемого, ср.: *ада вакѣле, дерхѣне разибуб*, букв. «отец придя, дети обрадовались», т.е. «как отец пришел, дети обрадовались»;

14) форма условного и уступительного деепричастий, как и финитные формы, изменяются по лицам как в форме единственного, так и в форме множественного чисел, ср.:

Условное наклонение.

ед. число:

1 л. *лукѣас* «буду писать» и *лукѣасле* «если буду писать»

2 л. *лукѣад* «напишешь» и *лукѣадле* «если будешь писать»

3 л. *лукѣа* «напишет» и *лукѣалле* «если будет писать»

мн. число:

1 л. *лукIe* «напишем» и *лукIасле* «если будем писать»

2 л. *лукIада* ««напишете»» и *лукIаделле* ««если будете писать»»

3 л. *лукIа* «напишут»» и *лукIалле* «если будут писать»

Уступительное наклонение

ед. число:

1 л. *лукIас* «напишу» и *лукIаслера* «если даже буду писать»

2 л. *лукIад* «напишешь» и *лукIадлера* «если даже будешь писать»

3 л. *лукIа* «напишет» и *лукIаллера* «если даже будут писать»

мн. число:

1 л. *лукIe* «напишем» и *лукIаслера* «если даже будем писать»

2 л. *лукIада* «напишете» и *лукIаделлера* «если даже будете писать»

3 л. *лукIа* «напишут» и *лукIаллера* «если даже будут писать».

По следующим же признакам деепричастие отличается от финитных форм глагола, ср.:

1) за исключением условных и уступительных деепричастных форм по лицам не изменяется, в то время как финитные формы изменяются по лицам, ср.: *ну вакIира* «я пришел» и *ну вакIиле* «я придя», *xIу вакIаде* «ты пришел» и *xIу вакIиле* «ты придя», *ит вакIиб* «он пришел» и *ит вакIиле* «он придя» и т.д.;

2) не выражает модальность, ср.: *батур* «оставил» (изъяв. накл.) и *батулле* «оставив», *батте* «оставь» (повел. накл.) и *батулле* «оставив», *батишии* «оставил бы» (следств. накл.) и *батулле* «оставив» и т.д.;

3) не имеет полную, как финитные формы, парадигму времени, ср.: а) формы времени глагола: *батур* «оставил», *балтиб* «оставлял», *батулере* «было оставлено», *батулере* «к тому моменту оставлял», *батишии* «может, оставил бы», *балтишии* «может, оставлял бы», *батулле сай* «оставив, есть», *балтуле сай* «оставляет», *балта* «оставит» *батес* «может, оставит» и б) формы деепричастия: *батулле* «оставив», *балтуле* «оставляя», *батесле* «с тем, чтобы потом оставит»;

4) отрицательную форму финитные формы глаголы образуют при помощи двух отрицательных частиц: *xle* - (ср.: *батур* «оставил» и *xлебатур* «не оставил» и *ма-* (ср.: *батте* «оставь» и *мабалтад* «не оставь/не оставляй»), а деепричастия – при помощи только одной отрицательной частицы *xle* - (ср.: *белчlво* «прочитав» и *xлебелчlво* «не прочитав»).

Деепричастные формы мекегинского диалекта обладают следующими признаками наречия:

1) как и наречие, обозначают признак действия и отвечают на наречные вопросы: *секьяйда?* «как?» (*валкlукlуле вакlиб* «пришел, прихрамывая»), *мурт?* «когда?» (*укухlеле гьайукlуй хлебулар* «когда кушают, не разговаривают», *кинад?* «откуда?» (*вакlибиллевад гlярякьун* «ушел по той (дороге), по какой пришел?») и т.д.;

2) По значению различаются деепричастия образа действия (*пясукlуле гlярякьун* «ушёл, подпрыгивая»), места (*бузуйлеб* «там, где работают»), времени (*бузухlеле* «когда работали»), уступительные (*бузукьяй* «хотя работали»), цели (*бузесле* «с тем, чтобы поработали») меры и степени (*дигуцад* «столько, сколько хочет») и сравнения (*балуиан* «так, как будто знает»).

Деепричастная форма от наречий отличается отсутствием ряда характерных для наречий особенностей.

Прежде всего, следует отметить то, что деепричастия, образованные от классных глаголов, как было сказано выше, изменяются по классам, в то время, как наречия, за редким исключением, по классам и числам не изменяются.

Образуются деепричастия в мекегинском диалекте путём соединения ряда специфических суффиксов (*-ле, -леб, -хlеле, -кьяй, -цад, -ан*) к различным основам глагола.

Выводы

Мекегинский диалект имеет целый ряд индивидуальных специфических морфологических особенностей, которые наиболее четко и ярко проявляются в системе именных и глагольных словоизменительных категорий.

1. Подобные особенности, отмечаемые в системе грамматических классов мекегинского диалекта, обусловлены тем, что:

а) те или иные слова или словоформы, изменяющиеся по классам в литературном языке, не изменяются в мекегинском диалекте или наоборот;

б) отдельные классные показатели мекегинского диалекта материально неидентичны таковым ряда диалектов;

в) в именах существительных, относящихся к I грамматическому классу и согласуемых с ним формах литературного языка классный показатель *—e—* выпадает перед гласными *и, у, а*, а в мекегинском диалекте и перед *—e— (e) —ebklib* «умер» - I грамматический класс;

г) количество грамматических классов мекегинском диалекте не совпадает с таковым отдельных других диалектов.

2. Отличительные особенности мекегинского диалекта в системе категории числа сводятся к следующим:

а) в формантах множественного числа в мекегинском диалекте повсеместно функционирует гласный *e* вместо литературного *и*;

б) у отдельных слов форма множественного числа образуется в мекегинском диалекте и в литературном языке при помощи разных показателей;

в) ряд слов, которые не имеют противопоставленных форм числа в литературном языке, в мекегинском диалекте их имеют;

г) способы и средства создания форм множественного числа в мекегинском диалекте и в литературном языке одни и те же, но изредка форма множественного числа в мекегинском диалекте образуется при

помощи одного способа, а в литературном языке - при помощи другого.

3. Составы падежей и серий локативов мекегинского диалекта и литературного языка совпадают неполностью. В мекегинском диалекте не представлены отдельные серии локативов, представленные в литературном языке и в других диалектах. В литературном языке не представлена серия *конт-*, а в мекегинском диалекте представлена.

4. В системе склонения имён существительных мекегинского диалекта в единственном числе, функционируют, как и в литературном языке, 3 типа склонения, но тип склонения определяется не только по окончанию эргативного падежа, но и по производящей основе. Формы местных падежей в мекегинском диалекте, как и в литературном языке, содержат живые классные показатели, но окончания отдельных падежей не совпадают.

5. В отличие от существительных, в системе прилагательных мы имеем три типа склонения.

6. В литературном языке местоимения 1-го лица единственного числа образуют группу падежных форм, в отличие от существительных и прилагательных, от формы дательного падежа, а в мекегинском диалекте от основы *-ди* родительного падежа.

7. Своеобразные индивидуальные особенности отмечаются в мекегинском диалекте и в системе глагольного словоизменения. В количественном отношении и в плане содержания, слагаемые словоизменительных категорий глагола мекегинского диалекта и литературного языка, в основном совпадают, но заметно расходятся в плане выражения. Не совпадают отдельные показатели времени, наклонения, лица. Отмечаемые расхождения в основном являются следствием различных морфологических процессов, имевших место на стыке морфем при образовании глагольных словоформ.

8. Ряд расхождений между мекегинским диалектом и литературным языком наблюдается в системе нефинитных отглагольных образований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предпринятое в исследовании описание фонетики и морфологии мекегинского диалекта вносит определенное конкретное уточнение в характеристику этой диалектной единицы даргинского языкового ареала. Мекегинский диалект - это одна из самостоятельных реально существующих диалектных единиц даргинского языкового ареала, отличающаяся от других диалектных единиц своеобразием фонетических, морфологических и лексических особенностей, которые позволяют квалифицировать ее как самостоятельный диалект.

Поставленные цели и задачи во многом определили выбор методов, приемов и принципов данного исследования. Следовательно, в диссертации употреблялись принципы и приемы описательного, структурно-семантического и функционального методов исследования, при помощи которых лингвистическому анализу подвергался фактический материал мекегинского диалекта даргинского языка, извлеченный, прежде всего, из живой разговорной речи, фольклорных и публицистических текстов. В работе при решении ряда проблем использовались также приемы сопоставительного метода. Те или иные особенности мекегинского диалекта нередко квалифицировались путем сопоставления их с особенностями литературного даргинского языка и некоторых его диалектов, что позволило более точно определить как общетеоретические, так и специфические особенности мекегинского диалекта даргинского языка.

Рассмотренный в настоящей работе материал и его анализ позволяют сказать, что мекегинский диалект является самостоятельным диалектом даргинского языка. Основанием для этого служат его фонетические и морфологические особенности.

Фонетика мекегинского диалекта по количественному составу и по характеру фонем обнаруживает некоторые различия с литературным даргинским языком. В мекегинском диалекте, в отличие от литературного

даргинского языка, шесть исконных гласных фонем и тридцать шесть согласных.

Система гласных мекегинского диалекта, как и литературного языка, системно организована и классифицируется по месту и характеру образования. Но в отличие от литературного даргинского языка, в мекегинском диалекте, функционально наличествует гласный заднего ряда среднего подъёма o в том числе и в исконной лексике. Встречается он, как правило, в позиции после лабиализованных согласных, но не только: *кьвонгli* - «сундук», *квош* - «горсть», *вашигвоo* - «пойдем же», *укенгвоo* - «кушай же», *никвоo* - «ноготь», *кьола* — «ком» и т.д.

Отдельные гласные, как показало наше исследование, в мекегинском диалекте функционируют либо чаще, либо реже по сравнению с литературным языком. Гласный переднего ряда среднего подъёма *e* (э), например, в мекегинском диалекте функционирует значительно чаще, чем в литературном языке, а гласный переднего ряда верхнего подъёма *и* - реже, ибо во всех служебных морфемах, как это показано в диссертации, вместо литературного *и* в мекегинском диалекте употребляется *e* (э).

В мекегинском диалекте, как и в литературном языке, отсутствуют геминированные согласные и представлены звонкие аффрикаты *дз*, *дж*.

Но в отличие от литературного даргинского языка, в фонемной системе мекегинского диалекта отсутствует и не произносится его представителями палатальный глухой спирант *хь* (ему в мекегинском диалекте соответствует *гь*), не наблюдается функционирование губно-губного лабиализованного *в* перед гласными переднего ряда *и*, *e* в начале слова и характерно функционирование заднеязычного *к* перед гласными переднего ряда *и* и *e*.

Наличие лабиализованных согласных также является одним из отличий мекегинского диалекта от литературного даргинского языка.

Нами в описываемой речи выявлено 13 лабиализованных согласных, в число которых входит ранее не упомянутый исследователями увулярный лабиализованный звонкий (*кьв*).

Система согласных мекегинского диалекта даргинского языка характеризуется рядом звуковых процессов. К таким, в частности, относятся: **выпадение, наращение, замещение, ассимиляция, диссимиляция и метатеза.**

В системе гласных мекегинского диалекта можно наблюдать такие звуковые процессы как **чередование, выпадение, наращение.**

Ударение выражено яснее, чем в диалектах акушино-урахинской группы, но оно не имеет ни словообразовательных, ни словоизменительных функций, почти всегда находится на втором слоге от начала слова: *рурси* ` «девочка, дочь», *багьу`р* «узнал», *варгьи`* «бурка»;

Специфику функционирования того или иного звука мекегинского диалекта лучше всего демонстрируют описанные в данной работе систематические и регулярные **звукосоответствия**, отмечаемые между мекегинским диалектом и литературным языком, а также между мекегинским диалектом и другими диалектами в одних и тех же словах или в морфемах.

Категория грамматического класса в мекегинском диалекте, кроме общих с литературным языком и другими диалектными единицами морфологических свойств, имеет целый ряд интересных индивидуальных специфических особенностей. Данные специфические особенности обусловлены целым рядом обстоятельств, которые подробно описаны в данном диссертационном исследовании.

В мекегинском диалекте пять классных показателей: в, р, б, й, д. Формант *-й-*, выявляющийся в словах, согласующихся с именами I класса (наряду с показателем *-в-*): *амарсар адам кайиб* «мужчина сел», *дeрхIe кайкиб* «мальчик упал», отличается от *в-* позицией в середине слова.

В мекегинском диалекте, как показали наши наблюдения, учитывая критерии выделения грамматических классов, которые предлагает М.-С.М. Мусаев, в сфере единственного числа выделяется три класса, а в сфере множественного числа и собирательных существительных — два класса.

Следует обратить внимание и на тот факт, что сравнительно-исторический анализ многих кавказских языков свидетельствует о том, что в них регистрируется тенденция к сокращению количества ныне действующих грамматических классов. Но в мекегинском диалекте такая тенденция пока не наблюдается.

Категория числа. Характерной отличительной особенностью категории числа в мекегинском диалекте является то, что в формах множественного числа диалекта широко и повсеместно функционирует гласный *-e*, соответствующий литературному *-и*. В одних случаях это суффикс множественного числа, а в других случаях – исходный гласный всех суффиксов множественного числа.

Формы множественного числа в мекегинском диалекте образуются суффиксальным, аблаутно-суффиксальным и префиксально-суффиксальным способами.

Процесс внутренней флексии в мекегинском диалекте сводится к замене гласных *e, и, а, я, о* гласным *у* в форме множественного числа. В отличие от литературного языка, в мекегинском диалекте нет существительных образующих множественное число лишь при помощи внутренней флексии, вместо этого происходит образование множественного числа аблаутно-суффиксальным способом.

В данном диалекте отмечается 16 суффиксов множественного числа.

Категория падежа. Прежде всего, следует отметить, что составы падежей и серий локативов мекегинского диалекта и литературного языка совпадают неполностью. В мекегинском диалекте отсутствуют некоторые серии местных падежей. Как показывает наш материал, в мекегинском диалекте не функционируют серии на *-xIи, -gIи, -у*. Функции серии на *-xIи*, со значением направления действия в полое помещение, выполняет серия на *-зи* (лит.) / *-зе* (мекег.) со значением направления действия в плотную массу, т.е. серия со значением **интер-**. Значение серии на *-у* в мекегинском диалекте выражается при помощи послеложных конструкций.

Вместе с тем в литературном языке не представлена функционирующая в мекегинском диалекте серия на **-чу** со значением направления действия к «около чего-то», т.е. серия **конт-**. Ее функцию в литературном языке выполняет серия на **-чи** со значением **супер-**, т.е. направление действия на поверхность предмета, и серия на **гИи**, выражающая предмет, к которому направлено действие.

Много специфического и своеобразного отмечается также в системе падежных окончаний мекегинского диалекта. В литературном языке активный падеж имеет три вида окончания. Это **-ли**, **-ни**, **-й**, в соответствии с которыми установлено три типа склонения [Сулейманов 1964: 103-106]. В рассматриваемом нами диалекте активный падеж имеет окончания **-ни**, **-ли**.

Итак, в ходе проведённого исследования, в системе склонения мекегинского диалекта нами установлено 19 падежей, семь из которых являются «общими», а 12 – «местными».

Склонение и его виды. Производящей основой для словоформ родительного падежа множественного числа, в отличие от литературного языка, в мекегинском диалекте служит форма номинатива, т.е. именительного падежа, в остальных случаях, как и в литературном языке, производящей основой служит особая форма на **-а**, отличная от формы именительного падежа.

В мекегинском диалекте тип склонения в единственном числе определяется по окончанию эргативного падежа и по виду производящей основы. В основном, мы имеем 4 типа склонения.

В отличие от существительных, в системе прилагательных мы имеем три типа склонения

В мекегинском диалекте числительные в атрибутивной функции так же, как и в литературном языке не располагают какой-либо грамматической категорией, в том числе и категорией падежа. При изменении определяемого имени атрибутивное числительное остаётся неизменным. Склонению

подвергаются количественные, порядковые, собирательные числительные только в субстантивированной функции.

В литературном языке местоимения 1-го лица единственного числа образуют группу падежных форм, в отличие от существительных и прилагательных, от формы дательного падежа, а в мекегинском диалекте от основы *—ди* родительного падежа. В мекегинском диалекте подавляющее большинство склоняемых местоимений различных разрядов имеют такие же падежные формы, как и существительные и прилагательные.

Категория времени. Системы абсолютных и относительных времен в количественном отношении и в плане содержания в мекегинском диалекте и в литературном языке почти совпадают. В мекегинском диалекте, как и в литературном языке, выделяются следующие временные формы: *прошедшее совершенное (аорист), прошедшее несовершенное (имперфект), давнопрошедшее (плюсквамперфект), прошедшее результативное (перфект), прошедшее предположительное, настоящее, будущее простое и будущее предположительное*. Расхождения отмечаются в основном в плане выражения. Например, в первом лице во множественном числе будущего простого в мекегинском диалекте, в отличие от литературного языка, нет личного показателя *—хIe*, ср.: лит. *балехIe* и мекег. *бале* «узнаем».

Категория наклонения. Данная категория в исследуемом диалекте и в литературном языке в количественном отношении и в плане выражения является идентичной. В мекегинском диалекте, как и в даргинском литературном языке, представлено девять наклонений.

Но, в отличие от литературного языка, в мекегинском диалекте весьма своеобразны показатели отдельных наклонений. В диссертации дается подробное описание способа образования каждого наклонения и компонентов структуры словоформы.

Категория лица широко функционирует в мекегинском диалекте, где она во многих случаях совпадает с литературным языком. Ряд специфических особенностей отмечается в материальном выражении и

способах образования личных форм. Чаще всего в личных формах отмечается соответствие мекегинского *-е* литературному *-и*. Окончанию первого лица множественного числа литературного языка *-хI* в мекегинском диалекте в основном соответствует нулевое окончание.

Категория вида. В литературном языке формы несовершенного вида изъявительного наклонения (индикатива) у всех глаголов образуются при помощи форманта *-и*, а в мекегинском диалекте - при помощи *-иб*.

Категория переходности – непереходности. Переходные и непереходные формы одного и того же глагола, хотя они встречаются крайне редко, наблюдаются и в мекегинском диалекте. Они идентичны литературным вариантам, за исключением форм повелительного наклонения. Однако, подобные переходные и непереходные формы одного и того же глагола в языке могут функционировать только в особых случаях и очень редко.

Система нефинитных форм глагола. К нефинитным формам глагола в традиционном даргиноведении принято относить *инфинитив, масдар, причастие и деепричастие*. Такие же нефинитные формы глагола отмечаются и в мекегинском диалекте.

Ряд расхождений между мекегинским диалектом и литературным языком наблюдается в системе таких нефинитных отглагольных образований как **причастие** и **деепричастие**. Материально не совпадают суффиксы причастий и деепричастий.

Таковы вкратце основные итоги первого опыта описательно-типологического изучения фонетики и морфологии мекегинского диалекта даргинского языка, дальнейшее изучение которого является актуальной задачей даргинской диалектологии.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ:

- дарг. яз. — даргинский язык
лит. яз. - литературный язык
диал. — диалект
гов. - говор
цуд. диал. — цудахарский диалект
куб. диал. — кубачинский диалект
мекег. диал. — мекегинский диалект
губд. гов. - губденский говор
урах. диал. — урахинский диалект
пов. нак. — повелительное наклонение
изъяв. нак. - изъявительное наклонение
сос. нак. — сослагательное наклонение
усл. нак. — условное наклонение
уст. нак. - уступительное наклонение
след. нак. — следственное наклонение
пред. нак. — предположительное наклонение
наст. вр. — настоящее время
прош. вр. - прошедшее время
сущ. — существительное
прил. — прилагательное
чис. — числительное
мест. — местоимение
гл. — глагол, глагольная
прич. — причастие
дееп. — деепричастие
масд. — масдар
мн. чис. — множественное число
ед. чис. — единственное число

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдуллаев З.Г.* Субъектно-объектные и предикативные категории в даргинском языке (к проблеме предложения). – Махачкала, 1969.
2. *Абдуллаев З.Г.* Категория падежа в даргинском языке. – Махачкала, 1961.
3. *Абдуллаев З.Г.* Очерки по синтаксису даргинского языка. – М., 1971.
4. *Абдуллаев З.Г.* Соотношение категориальных свойств даргинского глагола. // Вопросы языкознания. – М., 1976. – № 6. – С. 96-105.
5. *Абдуллаев З.Г.* К изучению местоименных глаголов даргинского языка *сай* «есть» и *лев* «имеется» // Глагол в языках Дагестана. – Махачкала, 1980.
6. *Абдуллаев З.Г.* Проблемы эргативности даргинского языка. – М., 1986.
7. *Абдуллаев З.Г.* К классификационной характеристике инфинитивных и отглагольных образований даргинского языка // Отглагольные образования в иберийско-кавказских языках. – Черкесск, 1989.
8. *Абдуллаев З.Г.* Даргинский язык. – М., 1993. – Т. I-III.
9. *Абдуллаев С.Н.* Функция эргативного падежа в даргинском языке // Труды 1-й научной сессии Дагестанской научно-исследовательской базы АН СССР. – Махачкала, 1950.
10. *Абдуллаев С.Н.* Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология). – Махачкала, 1954.
11. *Абдусаламов А.А.* Категория грамматического класса в даргинском языке (по данным диалектов) // Сборник научных сообщений ДГУ. Филология. – Махачкала, 1964.
12. *Алексеев М.Е.* Проблема аффективной конструкции предложения: Автореф. дисс... канд. филол. наук. – М., 1975.
13. *Алексеев М.Е.* Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков. – М., 1988.

14. *Андронов М.С.* Сравнительная грамматика дравидийских языков. – М., 1978.
15. *Атаев Б.М.* Морфология аваро-андо-цезских языков. – Махачкала, 1996.
16. *Берсиров Б.М.* Глагольные основы в адыгских языках: Структурно-морфологическая характеристика: Автореф. дисс... докт. филол. наук. – Нальчик, 2001.
17. *Быховская С.Л.* Имена существительные в даргинском литературном языке// Язык и мышление. Т.Х.. М.- Л., 1940.
18. *Быховская С.Л.* Особенности употребления переходного глагола в даргинском языке// Памяти акад. Н.Я. Марра (1864-1934). – М.-Л., 1938.
19. *Виноградов В.Р.* Русский язык. – М., 1972.
20. *Габибова Э.М.* Фонетические и морфологические особенности дейбукского говора муиринского диалекта даргинского языка. Махачкала, 2003.
21. *Гайдаров Р.И.* Морфология лезгинского языка. – Махачкала, 1987.
22. *Гайдаров Р.И.* Основы словообразования и словоизменения в лезгинском языке. – Махачкала, 1991.
23. *Гамзатов Р.Э.* К аблауту в глагольной системе аварского языка // ЕИКЯ. – Тбилиси, 1982. – Т. 11.
24. *Гаприндашвили Ш.Г.* Образование и функции основных падежей в диалектах даргинского языка // Труды сталинирского госпединститута. – Тбилиси-Сталинир, 1956. – Т. 3.
25. *Гаприндашвили Ш.Г.* Образование и функции направительных и местных падежей в диалектах даргинского языка // Труды сталинирского госпединститута. – Тбилиси-Сталинир, 1957. – Т. 4.
26. *Гасанова С.М.* Об одной глагольной форме сирхинского диалекта даргинского языка // Ученые записки ИИЯЛ. – Махачкала, 1958. – Т. 7.
27. *Гасанова С.М.* Глагол в даргинском языке. – Махачкала, 1961.

28. *Гасанова С.М.* Очерки даргинской диалектологии. – Махачкала, 1971.
29. *Гвоздев А.Н.* Современный русский литературный язык. – М., 1961.
30. Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970.
31. *Джейранашвили Е.Ф.* Окаменелые элементы грамматических классов в глагольных основах и отглагольных именах удинского языка // ИКЯ. – Тбилиси, 1956. – Т. 8.
32. *Дирр А.М.* Глагол в кавказских языках // Эргативная конструкция предложения. – М., 1950.
33. *Жирков Л.И.* Грамматика даргинского языка. – М., 1926.
34. *Жирков Л.И.* О строе глагола в яфетических языках Дагестана // Доклады АН СССР. – Л., 1930.
35. *Жирков Л.И.* Система классного согласования в даргинском языке // Вопросы изучения иберийско-кавказских языков. – М., 1961.
36. *Зайцева Е.М.* Соотношение морфологических и семантических свойств глагольных грамматических категорий (на материале кавказских языков: Автореф. дисс... канд. филол. наук). – М.: МГУ, 1986.
37. *Иманайшвили Д.С.* Дидойский язык в сравнении с гинухским и хваршинским языками. – Тбилиси, 1963.
38. *Исаев М.-Ш. А.* Мекегинский диалект даргинского языка / научный архив и рукфонд ИЯЛИ ДНЦ РАН. – Махачкала, 1996-1997.
39. *Исаев М.-Ш.А.* Структура и национально-культурная специфика временных деепричастий и фразеологизмов даргинского языка // Выражение временных отношений в языках Дагестана. – Махачкала, 1991.
40. *Исаев М.-Ш.А.* Структурная организация и семантика фразеологических единиц даргинского языка. – Махачкала, 1995.
41. *Кадибагамаев А.А.* Сравнительная морфология даргинского языка. – Махачкала, 1999.

42. *Калинина Е.Ю.* Нефинитные сказуемые в зависимом предложении. – М., 2001.
43. *Керашева З.И.* Предложения с финитными и инфинитными глаголами в адыгских языках. – Тбилиси, 1984.
44. *Керимов К.Р.* Контрастивная аспектология лезгинского и русского языков. – Махачкала, 2002.
45. *Кибрик А.Е.* Опыт структурного описания арчинского языка. Таксономическая грамматика арчинского языка. – М., 1977а. – Т.2.
46. *Кибрик А.Е.* Опыт структурного описания арчинского языка. Динамическая грамматика. – М., 1977 б. – Т.3.
47. *Кибрик А.Е.* Материалы и типологии эргативности. 2. Лакский язык. 3. Чирагский язык // Институт русского языка АН СССР. Предварительные публикации. Вып. 128. – М., 1979.
48. *Кибрик А.Е., Селезнев М.Г.* Синтаксис и морфология глагольного согласования в табасаранском языке // Табасаранские этюды. – М., 1982.
49. *Кибрик А.Е.* Проблемы глагольного словообразования дагестанских языков // Тез. докл. XII региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению ИКЯ. – Майкоп, 1990.
50. *Кибрик А.Е.* (ред.) Элементы цахурского языка в типологическом освещении. – М., 1999.
51. *Кибрик А.Е.* Константы и переменные языка. – М., 2003.
52. *Климов Г.А.* Кавказские языки. – М., 1965.
53. *Климов Г.А.* Очерк общей теории эргативности. – М., 1973.
54. *Климов Г.А.* Типология языков активного строя. – М., 1977.
55. *Климов Г.А.* (ред.) Структурные общности кавказских языков. – М., 1980.
56. *Климов А.Г., Алексеев М.Е.* Типология кавказских языков. – М., 1980.

57. *Козинский И.Ш.* Кореферентные связи инфинитивных оборотов в русском языке // Типология конструкций с предикатными актантами. – Л., 1985.

58. *Крюкова И.В.* Глагольное словоизменение в ирландском языке. – Л., 1987.

59. *Кумахов М.А.* Очерки общего и кавказского языкознания. – Нальчик, 1984.

60. *Кумахов М.А.* Сравнительно-историческая грамматика адыгских (черкесских) языков. – М., 1989.

61. *Курашинов К.Х.* Переходность и непереходность как соотносительные формы глагола // Материалы шестой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. – Майкоп, 1980.

62. *Курбанов К.К.* Категория лица и личное спряжение глагола в табасаранском языке // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. Вып. 4-5. – Махачкала, 2003.

63. *Курбанов К.К.* Морфология табасаранского языка. – Махачкала, 1986.

64. Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.

65. *Ломтадзе Э.А.* О типах глагольных основ и спряжение глагола в дидойских языках // Тезисы 18 научной сессии Института языкознания АН ГССР. – Тбилиси, 1959.

66. *Лютинова Е.А.* Каузативы, декаузативы и лабильные глаголы в дагестанских языках: опыт типологии в пределах языковой группы // Тезисы докладов XI коллоквиума Европейского общества каказоведов. – М., 2002.

67. *Магомедбекова З.М.* О некоторых синтаксических особенностях глаголов чувственного восприятия в аваро-андийских языках // Вопросы синтаксического строя иберийско-кавказских языков. – Нальчик, 1977.

68. *Магомедбекова З.М.* Инфинитивные формы в аваро-андийско-дидойских языках // ЕИКЯ. – Тбилиси, 1988. – Т. 15.

69. *Магомедбекова З.М.* О формах инфинитива аварского языка // ИКЯ. – Тбилиси. 1988. – Т. 27.
70. *Магомедов М.И.* Категориальная характеристика инфинитных словосочетаний в аварском языке. – М., 1992.
71. *Магомедова П.* Деепричастные, причастные, масдарные обороты чамалинского языка, как разновидности словосочетаний: Сб.ст. / Отв. ред. – Махачкала, 1972.
72. *Магометов А.А.* О даргинских провербах // Сообщения АН Груз. ССР. – Тбилиси, 1961. – Т. 26. №2.
73. *Магометов А.А.* Кубачинский язык. – Тбилиси, 1963.
74. *Магометов А.А.* Субъектно-объектное согласование глагола в лакском и даргинском языках // ЕИКЯ. – Тбилиси, 1976. – Т. 3.
75. *Магометов А.А.* Каузатив в лакско-даргинской группе языков // ЕТКЯ. – Тбилиси, 1977. – Т. 4.
76. *Магометов А.А.* Вспомогательные глаголы *саби* «есть» и *леб* «имеется» в даргинском языке // ЕИКЯ. – Тбилиси, 1978. – Т. 5.
77. *Магометов А.А.* Мегебский диалект даргинского языка. – Тбилиси, 1983.
78. *Магометов А.А.* Образование вопросительных форм глагола в диалектах даргинского языка // ЕИКЯ. – Тбилиси, 1986.
79. *Магометов А.А.* Образование отрицательных форм глагола в диалектах даргинского языка // ИКЯ. Вып. 26. – Тбилиси, 1987.
80. *Мадиева Г.И.* Морфология аварского литературного языка. – Махачкала, 1981.
81. *Маллаева З.М.* О характере функционирования временных деепричастий в аварском языке // Отглагольные образования в ИКЯ. Тезисы докладов XXII региональной конференции по изучению ИКЯ. – Черкесск, 1988.

82. *Маллаева З.М.* Вопрос о классификации деепричастий аварского языка // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. Сборник статей. – Махачкала, 1997.

83. *Маллаева З.М.* Каузативная диатеза аварского языка // Актуальные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. – Махачкала, 2000.

84. *Маллаева З.М.* Грамматические категории аварского языка (модальность, залоговость). – Махачкала, 2002.

85. *Махмудова С.М.* Морфология рутульского языка. – М., 2001.

86. *Мельчук И.А.* Согласование, управление, конгуэнтность // Вопросы языкознания. – М., 1993. – № 5.

87. *Мельчук И.А.* Курс общей морфологии. Ч. II. Морфологические значения. – М., 1998. – Т. 2.

88. *Мельчук И.А.* Курс общей морфологии. Ч. III. Морфологические средства. Ч. IV. Морфологические синтактики. – М., 2000. – Т. 3.

89. *Мехтиханова Р.Х.* Система глагола в цудахарском диалекте даргинского языка: Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Махачкала, 1975.

90. *Мещанинов И.И.* Глагол. – Л., 1982.

91. *Микаилов Ш.И.* Сравнительно-историческая морфология аварских диалектов. – Махачкала, 1964.

92. *Муравенко А.М.* О случаях нетривиального соотношения семантических и синтаксических валентностей глагола. // Семантика и информатика. Сборник научных статей. Вып. 36. – М., 1998.

93. *Мусаев М.-С.М.* Чирагский диалект даргинского языка // Вопросы русского и дагестанских языков. – Махачкала, 1975.

94. *Мусаев М.-С.М.* Именное словоизменение даргинского языка (категория числа). – Махачкала, 1980.

95. *Мусаев М.-С.М.* Система глагольного словоизменения даргинского языка. – Махачкала, 1980.

96. *Мусаев М.-С.М.* Словоизменительные категории даргинского языка (время и наклонение). – Махачкала, 1983.

97. *Мусаев М.-С.М.* Падежный состав даргинского языка. – Махачкала, 1984.
98. *Мусаев М.-С.М.* Словоизменительные категории даргинского языка (категория грамматических классов, абстрактные падежи). – Махачкала, 1987.
99. *Мусаев М.-С.М.* Первичные глаголы даргинского языка // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. Вып. 3. – Махачкала, 2001.
100. *Мусаев М.-С.М.* Даргинский язык. – М., 2002.
101. *Мустафаева Р.А.* Отглагольные образования в аварском языке: Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Махачкала, 1995.
102. *Муталов Р.О.* Категория переходности\непереходности в даргинском языке // Современные проблемы кавказского языкознания и тюркологии. – Махачкала, 1997.
103. *Муталов Р.О.* Функционально-семантическая характеристика сложных глаголов даргинского языка // IX-й Международный коллоквиум Европейского общества кавказоведов (тезисы). – Махачкала, 1988.
104. *Муталов Р.О.* О синкретизме, полифункциональности и омонимии глагольных морфем даргинского языка // Языкознание в Дагестане. – Махачкала, 1999. – №3.
105. *Муталов Р.О.* Закономерности видовых противопоставлений глагола даргинского языка // Тезисы докладов XI-го коллоквиума Европейского общества кавказоведов. – М., 2002.
106. *Муталов Р.О.* Глагол даргинского языка. – Махачкала, 2002.
107. *Мухин А.М.* Валентность и сочетаемость глаголов // ВЯ. – М., 1987. – №6.
108. *Нурмагомедов М.М.* Временные формы глагола в аварском языке // Выражение временных отношений в языках Дагестана. – Махачкала, 1991.
109. *Плунгян В.А.* Общая морфология. – М., 2000.
110. Структурные общности кавказских языков. – М., 1978.

111. Сулейманов А.А. Методика преподавания фонетики и морфологии даргинского языка. – Махачкала, 2005.
112. Сулейманов А.А. Методика преподавания синтаксиса и пунктуации.- Махачкала, 2007
113. Сулейманов А.А. Морфология даргинского языка. Морфологическая структура частей речи. – Махачкала, 2003.
114. Сулейманов А.А. Морфологические категории и словообразование имени существительного в даргинском языке. Учебное пособие. - Ростов-на-Дону, 1988.
115. Талибов Б.Б. Структура глагольных основ в дагестанских языках // Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. – М., 1971.
116. Темирбулатова С.М. Выражение пространственных и временных отношений в даргинском языке (на материале хайдакского диалекта): Автореф. дисс... канд. филол. наук. – Махачкала, 1984.
117. Темирбулатова С.М. Словообразование хайдакского глагола.// XIII региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению ИКЯ: тезисы докладов. – Майкоп, 1990.
118. Темирбулатова С.М. Система времен хайдакского глагола.// Диалектологическое изучение дагестанских языков. – Махачкала, 1992.
119. Темирбулатова С.М. Хайдакский диалект даргинского языка. - Махачкала, 2004.
120. Топурия Г.В. Основные морфологические категории лезгинского глагола. – Тбилиси, 1959.
121. Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. V. Хюркилинский язык. – Тифлис, 1892.
122. Хайдаков С.М. Даргинский и мегебский языки. – М., 1985.
123. Хангереев М.Д. Категория грамматического класса и числа в аварском языке. – Махачкала, 2000.
124. Хангереев М.Д. Словообразование в аварском языке. – Махачкала, 2004.

125. *Шведова Н.Ю.* (ред.) Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970.

126. *Яхонтов С.Е.* Классы глаголов и падежное оформление актантов // Залог и рефлексив. – М., 1978.

На даргинском языке.

127. *Глисаев М.-Ш.ГІ.* Дарган мезлизир дугъбала цалабикуни ва илдада цацадехІ хасдешуни // «Гъалмагъдеш». – МяхІячкъала, 1978. – №3.

128. *Глисаев М.-Ш.ГІ* Деепричастие бекІ девли биубли детаурти дугъбала цалабикуни ва илдада цацадехІ хасдешуни // «Гъалмагъдеш». – МяхІячкъала, 1979. – № 1.

129. *ГІябдуллаев С.Н.* Дарган мезла грамматика. Цаибил бутІа. Фонетика ва морфология (5-6 – ибти классунас учебник). – МяхІячкъала, 1952.

130. *ГІябдуллаев С.Н.* Дарган мезла грамматика. КІиибил бутІа. Синтаксис (6-7 – ибти классунас учебник). – МяхІячкъала, 1952.

131. *ГІябдусаламов А.А., Сулейманов Б.С., Мусаев М.-С.М.* Дарган мез. 7-8 классунас учебник. – МяхІячкъала, 1985.

132. *КъадибяхІяммаев А.А., Мусаев М.-С.М., Сулейманов Б.С.* Дарган мез. Педучилищебас учебник. – МяхІячкъала, 1993.

133. *Сулейманов Б.С.* Чедедиб предлоржениеби ва илдада классификация // «Гъалмагъдеш». – МяхІячкъала, 1978. – № 4.

134. *Сулейманов Б.С.* Дарган мезла фонетика ва морфология. – МяхІячкъала, 1964.

135. *Сулейманов Б.С.* Дарган мезла синтаксис. – МяхІячкъала, 1966.

136. *Сулейманов ГІ.ГІ.* Дарган мезла морфология. – МяхІячкъала, 1999.